

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

МГПУ

СЕРИЯ

«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

№ 4 (44)

Издается с 2008 года

Выходит 4 раза в год

Москва

2021

SCIENTIFIC JOURNAL

MCU JOURNAL

OF LEGAL SCIENCES

№ 4 (44)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2021**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Иларию Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

Алексеева Н. И. Трансформация ценностей в праве на современном этапе развития общества: поиск преодоления кризисных явлений	8
Беляев М. П. Правовая категория толерантности в конституционных актах Священной Римской империи	16
Дорская А. А. Положения Судебной реформы 1864 года и деятельность министерства юстиции Российской империи в 1867–1899 годах	25
Жолобов Я. Б., Ботанцов И. В. Зарождение и развитие специализированного юридического образования в Российской империи.....	35
Корчагина Т. В., Николаев А. И. Правовое воспитание в современных реалиях	42

Публичное право

Васильев И. А. Клубы-организаторы Суперлиги нарушили акты УЕФА?	48
Минникес И. В. Правонарушения и ответственность избирателей: сравнительно-правовой анализ	62
Павленко Е. М. Обеспечение наилучших интересов и безопасности детей: международные стандарты и практика в России.....	75
Попова А. В. Мягкое право как структурная часть комплексной отрасли российского законодательства в сфере правовой регламентации искусственного интеллекта	86
Чурилов С. Н. О некоторых авторских позициях С. А. Шейфера в теории доказательственного права	94

Трибуна молодых ученых

Гаунова Ж. А. Федерализм как залог успешного
экономического развития государства 101

Рябенко М. Д., Садчикова Д. Н. Разработка
цифровой платформы для организации исполнения
принудительных работ 112

**Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки»,
2021, № 4 (44)..... 121**

Требования к оформлению статей..... 125

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

Alekseeva N. I. Transformation of Values in Law at the Present Stage of Development of Society: Search for Overcoming Crisis Phenomena.....	8
Belyaev M. P. The Legal Category of Tolerance in the Constitutional Acts of the Holy Roman Empire.....	16
Dorskaya A. A. Provisions of the Judicial Reform of 1864 and the Activities of the Ministry of Justice of the Russian Empire in 1867–1899	25
Zholobov Ya. B., Botantsov I. V. The Origin and Development of Specialized Legal Education in the Russian Empire.....	35
Korchagina T. V., Nikolaev A. I. Legal Education in Modern Realities	42

Public Law

Vasiliev I. A. Did the Super League Host Clubs Violate UEFA Regulations?.....	48
Minnikes I. V. Violations and Voters' Liability: A Comparative Legal Analysis	62
Pavlenko E. M. Ensuring the Best Interests and Safety of Children: International Standards and Practice in Russia.....	75
Popova A. V. Soft Law as a Structural Part of the Complex Branch of Russian Legislation in the Field of Legal Regulation of Artificial Intelligence	86
Churilov S. N. About Some of the Author's Positions of S. A. Shafer in the Theory of Evidence	94

The Tribune of Young Scientists

Gaunova Zh. A. Federalism as the Key to Successful Economic Development of the State	101
Ryabenko M. D., Sadchikova D. N. Development of a Digital Platform for Organizing the Execution of Community Service.....	112

Authors of «MCU Journal of Legal Sciences», 2021, № 4 (44)	123
---	------------

Requirements for Style Articles	125
---------------------------------------	-----

Н. И. Алексеева

Трансформация ценностей в праве на современном этапе развития общества: поиск преодоления кризисных явлений¹

В статье раскрывается природа правовых ценностей, их содержание, представление о праве как ценности и его ценностных критериях. Анализируются основные тенденции, характерные для системы ценностей, возникшие в связи с вызовами современности. Резюмируется, что в условиях нарастания системного кризиса большое значение приобретает выбор пути развития государства, от которого будет зависеть сохранение традиций, базирующихся на системе ценностей конкретного социума, и их развитие в соответствии с вызовами современности.

Ключевые слова: правовые ценности; традиция; модернизация; глобализация; кризис; право; правовая культура.

Ценность как философская категория получает свое развитие в 60-е годы XIX века в трудах немецкого философа Р. Г. Лотце, поднимавшего вопросы определения критериев ценности, соотношения объективного и субъективного в ценностях.

Сам термин «аксиология» вводится в научный оборот в начале XX века французским педагогом и философом Полем Лапи. Аксиология как самостоятельная наука о ценностях появилась в конце XIX века и получила свое дальнейшее развитие уже в начале XX века.

Однако система ценностей рассматривается не только в рамках аксиологии, но и является предметом исследования ученых, работающих в различных областях знаний, в том числе и в юриспруденции.

При использовании аксиологического метода ценности, с одной стороны, позволяют определять характер объекта исследования, с другой — сами

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00770А «Эффективность правового регулирования и преодоление кризисов в праве: теоретическое и историко-правовое измерения».

выступают объектом исследования, развитие которого обусловлено следующими факторами: исторической эпохой, политическим режимом, традициями конкретного социума и т. д.

Исследование проблемы ценностей представителями различных наук детерминирует плюрализм мнений относительно данной категории в научной литературе.

Общепринятой является интерпретация ценностей, предложенная американским социологом, профессором социологии Калифорнийского университета Н. Смелзером, по мнению которого ценности, составляющие основу нравственных принципов, являются «общепринятыми убеждениями относительно целей, к которым человек должен стремиться» [11, с. 50]. В данной интерпретации акцент делается на нормативном аспекте ценностей, принятых в конкретном обществе, установленных определенным общественным строем.

Некоторые исследователи связывают ценности с потребностями и интересами определенных социальных групп, а также относят к ним базовые социальные установки (О. В. Аксенова, А. Г. Здравомыслов, И. А. Халий) [1, с. 10, 12].

Другие ученые, рассматривая данную категорию в проблемном контексте, определяют ценности как ресурс межэтнического согласия, указывая на то, что ценности выступают фундаментом консолидации социума [6, с. 14].

В юридической литературе дифференцируются такие понятия, как «ценности в праве» («правовые ценности») и «ценности права».

Так, профессор В. Г. Графский, занимаясь разработкой проблемы ценности права и иных социальных ценностей в рамках проекта «Политико-правовые ценности: история и современность», выступил с докладом «Ценности в праве: история и современность», где указывал, что ценности, с одной стороны, имеют моральное и технико-организационное обоснование, а с другой — сами служат обоснованием для правил и принципов правового общения. Этот известный ученый подчеркивал, что ценностное измерение права можно определять следующими формулами: «право как ценность» и «ценности в праве». При этом им отмечалось, что ценностные свойства права могут быть базовыми (сущностными, первичными) и функциональными (инструментальными, вторичными) [2].

Такие ценности, как свобода, справедливость, равенство, присущие правосознанию конкретного общества и представляющие собой некие идеалы, олицетворяются в праве и становятся его основными ценностями [3, с. 79].

Ценностная природа права находит свое отражение в правосознании и правовой культуре и проявляется в традициях, принципах, морально-этических установках, идеях и ценностях. Именно благодаря правовой традиции, которая представляет собой совокупность ценностей в конкретном обществе и сохраняет преемственность в праве, обеспечивается устойчивость правовой системы и ее последовательное развитие, правовые ценности передаются из поколения в поколение.

Что касается категории «традиция», то она разрабатывается представителями различных гуманитарных наук: лингвистами, историками, философами, этнографами, правоведами, однако единообразие в понимании категории «традиция» в общем ее смысле и категории «правовая традиция» в частности отсутствует, поскольку в существующих исследованиях в основном рассматриваются отдельные аспекты указанной проблемы.

Так, правовая традиция рассматривается как совокупность правовых установок и ценностей, способных играть как новаторскую, так и сдерживающую роль [4, с. 32]; проявление правовой культуры; продукт социального взаимодействия определенной группы субъектов, коллективного осознания и восприятия совокупности ценностных установок внутреннего или внешнего происхождения [12, с. 51]; сочетание существующих устоев, фундаментальных начал, базирующихся на ценностях, присущих конкретному обществу.

Анализируя приведенные формулировки, можно заключить, что вне зависимости от того, как раскрывается категория «правовая традиция», она связывается с ценностями, которые выступают ее основой и определяют ее общую направленность. В свою очередь, они могут быть базовыми (универсальными), присущими любой политико-правовой традиции, и национальными, характерными для политико-правовой традиции конкретного государства.

В связи с многообразием ценностей, их динамичностью, а также структурной, содержательной и идентификационной трансформацией в пределах одной эпохи, исследователи предлагают типизировать и выстраивать ценности в определенную иерархическую структуру [8, с. 23].

Так, выделяются следующие группы ценностей: возникающие в результате развития конкретного общества, воплощающиеся в традициях и отражающие его социокультурную характеристику — общесоциальные (универсальные) ценности; связанные с ценностью самого права и ценностями, которые оно выражает (принципы, идеалы права и т. д.); отражающие возможности правовых коммуникаций и интеракций [7, с. 21].

Некоторые ученые дифференцируют ценности, связанные с целями (терминальные) и средствами (инструментальные). В данном случае акцентируется внимание на ценностях конкретного социума (коллектива) с учетом целей и средств их достижения. В рамках другого подхода авторы предлагают различать кардинальные ценности, определяющие границы для всех членов общества, связанные с такими категориями, как «жизнь», «здоровье», «гражданские права», и субкардинальные (правовое государство, гражданское общество, свобода печати и т. д.) [1, с. 11, 12].

Что касается универсальных ценностей, таких как свобода, равенство, жизнь и здоровье личности, безопасность, легитимность, легальность, то их существование обусловлено наличием самого общества. Универсальные ценности присущи любой эпохе и связаны с типом общественного устройства, сохраняют культурные феномены, к которым относится и право [9, с. 49–50].

В свою очередь, универсальные ценности и жизненные смыслы, актуальные в различные исторические периоды, подвергаются трансформации под воздействием многочисленных факторов. Что касается права, то способность к изменению, динамичность, является внутренним его свойством, подтверждением этому служит эволюция прав человека, а именно концепция трех поколений: гражданские и политические; социально-экономические; культурные — коллективные права.

Вследствие этого актуальной становится еще одна проблема — динамика изменения ценностей (ценностный дрейф), получившая развитие в концепции американского социолога и политолога Р. Инглхарта, по мнению которого один набор ценностей сменяется другим. И. М. Кузнецов, обращаясь к этой проблематике, предлагает под транзитом ценностей понимать некоторое переходное состояние, которое может осуществляться в двух направлениях: от традиции к модернизму и наоборот. В отличие от позиции Р. Инглхарта, набор ценностей, присущий определенному сообществу, остается, по мнению ученого, относительно постоянным во времени, а ценностный дрейф — это прежде всего трансформация содержательной составляющей понятий, обозначающих ценности [6, с. 17–18].

Таким образом, И. М. Кузнецов, анализируя динамику ценностей, акцентирует свое внимание на переходном состоянии определенного набора ценностей, которое зависит от того, каким будет их истолкование: модернистским, направленным на поддержание личной автономии, или традиционалистским, ориентированным на поддержание стабильности общества.

Традиционная система ценностей направлена на поддержание стабильности и преемственности конкретного социума. Наряду с динамичностью еще одно свойство права — это стабильность.

Профессор Т. В. Шатковская, известный российский ученый, связывает стабильность социума с навыком отдельного индивида функционировать внутри определенной системы ценностей, отвечающей условиям современности [12, с. 54].

Аналогичной позиции придерживается Б. М. Лепешко, определяя значимость традиции для устойчивости социума особенно в кризисные периоды его развития. Ученый отмечает, что «такого рода устойчивость коренится как в индивидуальной, коллективной психике, так и связана с основными архетипами коллективного бессознательного, предполагающего наличие поведенческих стереотипов» [8, с. 21].

Как видим, система ценностей, выступающая фундаментом правовой традиции, позволяет сохранять стабильность социума, при этом она должна отвечать условиям современности.

В научной литературе специалистами по-разному соотносятся явления традиционализма и модернизации права: от противопоставления традиции и инновации, в результате которого происходит деформация системы ценностей, до взаимодействия в виде органического сочетания традиций и современности с учетом социокультурного фактора.

Анализируя процессы модернизации права, профессор Л. В. Карнаушенко отмечает потенциальные опасности для его развития. С одной стороны, ускоренная модернизация, связанная с быстрыми изменениями, происходящими в обществе, требует от права соответствия потребностям и преобразованиям социальной системы. В силу того что изменения, происходящие в обществе, разноплановы и разнонаправленны, то такая ситуация может негативно сказаться на трансформации права, поскольку право является инерционной системой и не приемлет быстрых изменений [5, с. 110, 113].

На наш взгляд, стоит согласиться с теми учеными, которые связывают процессы модернизации с изменением роли традиций, а следовательно, и системы ценностей.

По мнению некоторых ученых, в процессе модернизации перед правом возникает ряд задач, сопряженных как с сохранением фундаментальных ценностей в современных условиях, так и с выработкой теоретических моделей для решения глобальной задачи информационного общества, связанной с преодолением неравенства граждан в доступе к современным цифровым коммуникационным технологиям и предоставляемым ими услугам [10, с. 108].

Трансформация правовой системы на современном этапе обуславливается различными факторами, одним из которых выступает кризис. С одной стороны, кризис проявляется в негативных тенденциях в праве: имеют место отставание правовых норм от современной социальной реальности, низкий уровень правосознания и правовой культуры, невозможность права выполнять основные свои функции, кризис системы общественных отношений или традиции права. С другой стороны, кризис выступает переломным моментом, в результате которого происходят определенные изменения, способствующие обновлению правовой системы.

Технологический фактор, наряду с кризисом, также оказывает влияние на систему традиционного права. Использование информационных технологий в различных сферах деятельности, в том числе в правотворческой и правоприменительной, приводит к существенным преобразованиям в системе права и правовой системе. Это отражается на эволюции отдельных правовых институтов, правовых ценностях и основных признаках права, которые утрачивают свой прежний смысл.

Право представляет собой не только социальный регулятор, но и социальную ценность. Являясь частью культуры определенного социума, право тесно взаимосвязано с традицией и системой ценностей, сформированных в процессе социализации. Правовые ценности как основополагающие характеристики правовой системы оказывают влияние на механизм правового регулирования. В свою очередь, модернизация правовой системы и ее отдельных элементов отражается в том числе и на ценностных ориентирах конкретного общества.

С одной стороны, ценностям присуща такая черта, как динамизм, детерминированный социально-экономическими, политическими и идеологическими

факторами. Это можно увидеть на примере смены общественного строя, которая приводит к изменению системы правовых ценностей.

С другой стороны, ценности обладают таким свойством, как абсолютность, тесно связанным с цивилизационным значением права. Данное свойство проявляется в неизменности абсолютных универсальных ценностей.

Таким образом, трансформация ценностей в современный период развития социума обусловлена совокупностью факторов, среди которых особое значение приобретают такие тенденции, как традиционализм и модернизация.

Резюмируя вышеизложенный материал, отметим, что особую роль в процессе модернизации правовой системы играют выбираемые ориентиры формирования структуры аксиологического фундамента. В условиях нарастания глобального системного кризиса большое значение приобретает поиск не только путей развития государства в экономических и правовых пределах, но и социокультурных стратегий, способных укрепить и сохранить систему правовых традиций и ценностей.

Система ценностей, их типизация и обоснование являются основополагающим вектором в процессе сохранения культурно-исторических традиций. От объема инноваций, используемых в процессе модернизации правовой системы, будет зависеть дальнейшее сохранение традиций, основой которых выступает система ценностей, присущих обществу в конкретный исторический период, их эволюция в соответствии с вызовами современности, а также устойчивость развития правовой системы и сохранение национальной идентичности.

Литература

1. Актуализированные ценности современного российского общества: монография / отв. ред.: И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с.
2. Графский В. Г. Право и социальные ценности в исторической ретроспективе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 1. С. 86–90.
3. Графский В. Г. Традиции и обновление в праве // Проблема ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: Юрист, 1996. С. 74–89.
4. Дорская А. А. Основные этапы формирования государственно-правовой традиции в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 31–36.
5. Карнашенко Л. В. Модернизация права как социальная проблема в условиях трансформирующегося российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 110–114.
6. Кузнецов И. М. Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян // Вестник института социологии. 2017. № 3 (22). Т. 8. С. 13–31.
7. Ланг П. П. Аксиологические основы юридической герменевтики // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 20–26.
8. Лепешко Б. М. Правовая традиция и проблема ценностей // Социально-политические науки. 2013. № 3. С. 19–24.

9. Малыковцева Е. В. Проявление ценностного содержания права в правовой действительности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 49–52.
10. Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Модернизация права и социогуманитарная наука: проблемы диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 101–109.
11. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 668 с.
12. Шатковская Т. В. Традиции и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. 2014. № 4 (208). С. 45–56.

Literatura

1. Aktualizirovanny`e cennosti sovremennogo rossijskogo obshhestva: monografiya / otv. red. I. A. Xalij. M.: Institut sociologii RAN, 2015. 273 s.
2. Grafskij V. G. Pravo i social`ny`e cennosti v istoricheskoy retrospektive // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 1997. № 1. S. 86–90.
3. Grafskij V. G. Tradicii i obnovlenie v prave // Problema cennostnogo podxoda v prave: tradicii i obnovlenie. M.: Yurist, 1996. S. 74–89.
4. Dorskaya A. A. Osnovny`e e`tapy` formirovaniya gosudarstvenno-pravovoj tradicii v Rossii // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2016. № 2 (109). S. 31–36.
5. Karnaushenko L. V. Modernizaciya prava kak social`naya problema v usloviyax transformiruyushhegosya rossijskogo obshhestva // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2016. № 3. S. 110–114.
6. Kuznecov I. M. Cennostny`e markery` kul`turno-istoricheskoy identichnosti rossiyan // Vestnik instituta sociologii. 2017. № 3 (22). T. 8. S. 13–31.
7. Lang P. P. Aksiologicheskie osnovy` yuridicheskoy germenевtiki // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 20–26.
8. Lepeshko B. M. Pravovaya tradiciya i problema cennostej // Social`no-politicheskie nauki. 2013. № 3. S. 19–24.
9. Maly`kovceva E. V. Proyavlenie cennostnogo sodержaniya prava v pravovoj dejstvitel`nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 2. S. 49–52.
10. Ry`bakov O. Yu., Tixonova S. V. Modernizaciya prava i sociogumanitarnaya nauka: problemy` dialoga // Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`. 2011. № 6. S. 101–109.
11. Smelzer N. Sociologiya. M.: Feniks, 1994. 668 s.
12. Shatkovskaya T. V. Tradicii i modernizaciya v prave: sravnitel`no-pravovoj aspekt // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 4 (208). S. 45–56.

N. I. Alekseeva

**Transformation of Values in Law at the Present Stage of Development of Society:
Search for Overcoming Crisis Phenomena**

The article reveals the nature of legal values, their content, the idea of law as a value and its value criteria. The main trends typical of the value system in connection with the challenges of our time are analyzed. It is summarized that in the conditions of the growing systemic crisis, the choice of the path of development of the state, which the preservation of traditions based on the system of values of the particular society and their development in accordance with the challenges of our time will depend on.

Keywords: legal values; tradition; modernization; globalization; a crisis; right; legal culture.

УДК 340.15

DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.02

М. П. Беляев

Правовая категория толерантности в конституционных актах Священной Римской империи

Идея толерантности берет свое начало в эпоху Реформации и конфессионализации. В статье рассмотрено развитие правовой категории толерантности от М. Лютера и Аугсбургского религиозного мира 1555 года до Вестфальского мира 1648 года. Правовая категория толерантности нашла свое отражение в этих важнейших конституционных актах Священной Римской империи. В нормах этих договоров были найдены формулы межконфессионального компромисса.

Ключевые слова: Аугсбургский религиозный мир; плюрализм; конфессия; толерантность; Вестфальский мир.

Идея толерантности, получившая сегодня столь широкое распространение на Западе, берет свое начало в эпоху Реформации и конфессионализации. Именно в XVI–XVII веках начали складываться основные идеалы западного общества: права человека, свобода, демократия, рыночная экономика, свобода совести, отделение церкви от государства [1, с. 51].

Священная Римская империя (далее — Империя) была в историческом прошлом Европы уникальным государственным образованием, просуществовавшим чуть более тысячи лет. Государственная организация Империи отвечала средневековой концепции христианской универсальной монархии. По мнению ряда немецких исследователей истории права, Империя не имела конституции как закона в формальном смысле. Имперская конституция основывалась преимущественно на обычном праве. Наряду с этим, конституционно-правовое регулирование осуществлялось в виде многих законов, договоров и имперских привилегий [1, с. 21–22, 24]. Важнейшими конституционными актами являлись Аугсбургский религиозный мир 1555 года и Вестфальский мир 1648 года, состоящий из Мюнстерского и Оснабрюкского мирных договоров.

В период религиозного раскола в Империи, накануне и во время Тридцатилетней войны, особое место занимает идея межконфессиональной толерантности. Понятие «толерантность» (*лат.* *Tolerantia*) буквально означает «терпимость к чужим мнениям и верованиям». В более широком смысле толерантность означает форму отражения в общественном сознании объективного существования множественности (плюрализма) культур, способов

и стилей жизни, разных моделей и концепций понимания мира и места человека в нем. Толерантность предполагает, что субъекты взаимодействия, сохраняя свою независимость и автономию, не должны ограничивать свободу других, осознавая и признавая их самобытность и самоценность, уважая их право выбора, право быть иными, непохожими и даже противоположными в своих предпочтениях, интересах, привычках, верованиях, которые, впрочем, не должны противоречить самой идее толерантности. В каноническом праве толерантность рассматривали как составляющую терпения, выдержки и отношение к предмету, не всегда вместе с тем одновременным его одобрением и признанием [1, с. 41–42].

Яркий представитель своей эпохи, юрист-международник Г. Гроций (1583–1645) часто апеллировал к соборным законам, выбранным из законов божественных. Тогда средневековая христианская нравственная теология чрезвычайно сильно влияла на политику и право европейских государств. Теология и вопросы религиозной свободы занимали видное место среди научных интересов Гроция. В своих трудах он определял толерантность (*mutua tolerantia*) как первый шаг на пути достижения религиозного консенсуса, то есть Г. Гроций придерживался средневековой методологии, которая заключалась в том, что божественное право (*ius divinum*) и естественное право (*ius naturale*) составляли нераздельное целое [1, с. 41].

Существуют три аспекта толерантности. Во-первых, это политическая терпимость меньшинства, акт признания, но всегда также подчинения. Во-вторых, свобода совести как идея, выдвинутая М. Лютером для обозначения освобождения сознания в вере в Евангелие. Впоследствии она стала правом исповедовать свою веру без внешних ограничений. В XVI веке это понятие сохраняло внутриконфессиональное содержание. И, в-третьих, толерантность как согласие, целью которого была защита религиозного, политического и национального единства. Идеал гармонии включал в себя богословский, конфессиональный, политический и социальный элементы. Он развивался одновременно с религиозным расколом. Император Карл V объявил в 1530 году, что его план заключается в объединении в Империи для воссоединения христианского мира. Лютер отделял согласие в вере, которое считается существенным, от дружественного согласия, целью которого является достижение политического согласия [4, р. 475–476].

Проблема толерантности в Империи исключительно связывалась с конфессиональной проблематикой. Борьба за реализацию идеи толерантности как предпосылки свободного отправления религиозных культов представляет собой один из аспектов, взаимосвязанных с более важной проблемой той эпохи — проблемой плюрализма. В эпоху конфессионализации под плюрализацией общественной жизни понимались процессы расширения, дифференциации и быстрого обновления политического порядка, идеологии, религии, знаний, представлений и правовых норм. Такие процессы для того периода почти всегда были связаны с общественными катаклизмами и представляли

для современников, правящей верхушки и носителей идеи плюрализма большие трудности. Часто в таких мыслях и представлениях переплеталось старое и новое, но достаточно редко возникали идеи, приводившие общество к согласию. В социумах, где плюрализм оказывался угрозой для общества, толерантность выступала решением проблемы. И до настоящего времени эта мысль не потеряла своей актуальности не только для решения внутригосударственных (и далеко не теологических!) противоречий, но и на международной арене.

Анализируя категорию плюрализма с философско-правовых позиций, необходимо подчеркнуть, что сегодня плюрализм интерпретируется преимущественно как общественно-политическое понятие, отражающее взаимодействие эмпирических и нормативных элементов. Нормативное содержание плюрализма выражается в том, что разносторонность и различия признаются и одобряются; общественные группы при всех своих функциональных различиях имеют равные права для собственного свободного развития. Под плюрализмом в широком смысле следует понимать не только разносторонние, но и равнозначные, одинаковые и противоположные относительно природы или социума элементы, лишённые высшего организующего принципа — принципа единства. Плюрализм важен как структурный элемент свободной государственно-правовой демократии. Именно поэтому категории плюрализма и толерантности характеризует один и тот же феномен, но с разных точек зрения. В то время как плюрализм выдвигает множественность равноправных свободных групп, толерантность означает действенность и гарантии свободы других [1, с. 44–45].

В период раннего Нового времени распространённой в обществе была принципиальная религиозная нетерпимость, которая сопровождала конфессиональный раскол и определяла взаимоотношения лидеров конфессий. Определённое влияние на общие, а не только теологические процессы в обществе имела гуманистическая концепция мира Эразма Роттердамского — мыслителя, гуманиста, филолога эпохи Возрождения (1469–1536), который сыграл большую роль в подготовке Реформации. Предпринимались попытки урегулировать конфессиональные отношения. В текстах Аугсбургского религиозного мира 1555 года можно найти начала категории толерантности. Религиозная нетерпимость угрожала свободному развитию предпринимательства и торговли. Во Франции принципу «одна вера, один закон, один король» противопоставлялась цивилизованная (гражданская) толерантность, строго разделяющая государственный и религиозный интересы. Одновременно реализовывалась и немецкая историческая практика толерантности: сосуществование различных конфессий в имперских городах и территориях [1, с. 45].

Эти исторические, социальные и правовые предпосылки развития категории толерантности способствовали перемещению центра тяжести общественной мысли из теологической области в сферу светской правовой и политической идеологии. Если связывать во временном аспекте появление категории толерантности с Аугсбургским религиозным миром, необходимо отметить,

что до середины XVI века она находилась в стадии становления. Известно, что одним из первых в Новое время понятие «толерантность» (*tolerantia*) использовал Мартин Лютер (1483–1546), инициатор немецкой Реформации, в своем ответе на попытки закрепить в решениях Регенсбургского рейхстага 1541 года идею теологического согласия католиков и протестантов. В противовес концепции, навязываемой рейхстагом, истинная суть которой заключалась в продолжении ведущей роли римско-католической церкви, Мартин Лютер в своем письме от 12 июня 1541 года предлагал уладить существующие противоречия путем правовых гарантий, терпимого отношения католиков и протестантов к позициям сторон на долгие времена [1, с. 46].

Действительно, целью Римско-католической церкви и императора было достижение согласия (*concordia*) конфессий. Именно это понятие, *concordia*, как никакое другое, отражало основную проблему XVI века: с одной стороны, было потеряно реальное единство, а с другой — возникал реальный раскол. При этом уже не оставалось ни политических, ни ментальных аргументов в арсенале противоборствующих сторон. Реалии существования идей *concordia* и толерантности требовали определенного восприятия раскола во имя жизнеспособности толерантности. При укреплении же идеи *concordia*, в традиционном для католицизма смысле, толерантность становилась немыслимой и неэффективной. В условиях, сложившихся к середине XVI века, Мартин Лютер предложил расчленение толкования *concordia* на два понятия. Он разделил его на *concordia fidei* (согласие веры) и *concordia caritatis* (согласие уважения). Последнее именно и было целью Лютера [Там же, с. 46].

Эта дифференциация Мартина Лютера была в определенной степени основополагающей для непринятия политического мира по образцу Римско-католической церкви в условиях витающего в воздухе межконфессионального конфликта. Таким образом, была достигнута важная предпосылка, которую можно определить как принципиальную готовность к уважению инакомыслия и восприятию категории толерантности. При этом снова на историческую авансцену вышли парадоксы: реалии напряженности и противостояния в политической жизни общества сделали жизнеспособной категорию толерантности. В такой обстановке Аугсбургскому религиозному миру как образцу договорного права, содержащего нормы правового регулирования конфессионального раскола, придавалось особое значение категории толерантности. Он сыграл большую роль в правовом регулировании проблем межконфессиональных противоречий. При возникновении патовых ситуаций в отношениях между конфессиями правовые нормы оказывались все более эффективными. Это давало основание некоторым современникам Аугсбургского религиозного мира рассматривать его как своеобразную конституционно-правовую гарантию верующим [Там же, с. 46–47].

Но нельзя сказать, что Аугсбургский религиозный мир стал отправной точкой для развития толерантного мышления. Известно, например, что еще задолго до его подписания некоторые имперские князья из числа протестантов

предоставляли полную свободу своим подданным в личном выборе веры, что вызывало естественное осуждение и противодействие со стороны католического большинства, в частности в рейхстаге. Скорее всего, именно этот побудительный мотив способствовал законодательному закреплению нормы *jus emigrationis* (право эмиграции), которая давала право менять по религиозным соображениям место жительства путем переезда как внутри Империи, так и за ее пределы. Но этот путь отвечал скорее идее *concordia fidei*, по ее определению Лютером, и совпадал с идеологией католической церкви, а не с идеями толерантности. Идеологи *jus emigrationis* считали, что там, где в стране разобщены религии, там и нестабильный мир. В тот период достаточно сильным было еще убеждение о несовместимости конфессионального раскола и мира [1, с. 47].

Желание католической церкви избавиться от протестантов путем предоставления им права эмиграции из католических территорий способствовало дальнейшему целенаправленному совершенствованию имперского законодательства. Речь идет о закреплении в Аугсбургском религиозном мире исключительно важной нормы о том, что подданные, решившиеся на эмиграцию по религиозным мотивам, осуществляют это «под гарантией сохранения их собственности и права выкупа из крепостной зависимости». Эту норму, с учетом всех ее реальных ограничений на практике, немецкий исследователь Геклер вполне обоснованно определил как первое основное общее право, которое Империя гарантировала каждому немцу путем закрепления его в законодательстве. Известный немецкий исследователь Вестфальского мира Ф. Дикманн очень метко заметил взаимосвязь политики государства и категории толерантности. Он отмечал, что «мысль об обязанности государства быть толерантным возникла не с собственно категории толерантности, а с соперничества двух крупных конфессий» [Там же, с. 48].

Имперская политика XVI–XVII веков испытала мощное влияние не только католической церкви, но и зарождавшегося протестантизма. Принятие имперских законов и во многом осуществление имперской политики, в том числе и в международной сфере, находились под мощным конфессиональным влиянием. Единственно возможным путем достижения мира было вынужденное принятие и реализация идеи толерантности. Немецкий ученый Райнхарт Козеллек подчеркивал, что в период западноевропейского абсолютизма толерантность «была, как известно, единственным способным к развитию решением конфессионального конфликта» [Там же, с. 48].

Складывающийся внутриимперский правопорядок, а также отношения императора с территориями, где преобладало протестантское население, свидетельствовали о все возрастающей доминанте толерантности как одной из важных предпосылок мира в Империи. На использовании этого феномена фактически был построен весь комплекс предложенного Аугсбургским религиозным миром 1555 года решения конфессиональной проблемы, подтвержденного и закреплённого Вестфальским миром. По образному выражению немецкого

ученого В. Шульце, один раз увиденные, даже если и неоткрытые, двери свободы вероисповедания оказались широкими воротами к долгожданному принципу конфессионального объединения территорий. В этой связи категория толерантности оказывалась действенным рычагом не только для достижения мира внутри Империи, но и для самого ее существования [1, с. 49].

Право правителя определять религию на своей территории, его высшая власть в этом вопросе, становится его обязанностью защищать истинную веру как неотъемлемую часть княжеской власти, стремящейся к абсолютизму. В рамках территориализма верховенство одной религии основано на всеобщей ответственности правителя. Впоследствии этот принцип политического порядка отстаивался протестантскими учеными в области конституционного права, но позже был принят и их авторитетными католическими коллегами [5, S. 5].

Убежденность в спасительности идеи толерантности в Империи формировалась у многих прогрессивных современников и очевидцев в преддверии Тридцатилетней войны не только на отечественных, но и на зарубежных примерах: отсутствие толерантности привело к турецкой войне 1604 года; инквизиция иезуитов в Польше против сторонников свободы вероисповедания была связана с массовыми репрессиями и т. д. Уважение к другим конфессиям рассматривалось все чаще не только как необходимое решение, но и как единственная предпосылка мира в Империи. Иными словами, толерантность как философская и мировоззренческая категория постепенно трансформировалась в категорию философско-правовую и политическую. Она стала необходимым условием цивилизованного диалога культур, религий, государств, существования межкультурного пространства. Более того, категория толерантности в Империи подкреплялась в определенной степени гарантиями, достигнутыми как в процессе международного общения, так и закрепленными в договорах. Речь идет прежде всего об Аугсбургском религиозном мире 1555 года и Вестфальском мире, подписанных представителями монархов и имперских чинов с намерением достичь, кроме всего прочего, желаемого баланса в межконфессиональных отношениях как внутри Империи, так и за ее пределами [1, с. 49].

После опустошительной Тридцатилетней войны усилилось стремление к миру. Изменения в правосознании, новое понимание богословского вопроса об истине и государственного интереса, который предполагал разумный компромисс в случае конфессионального конфликта, понимание конституции как нейтрального порядка по отношению к конфессиональным отношениям, которая защищала от религиозной войны, называя государство светским юридическим сообществом, приверженность мирскому общему благу — все эти руководящие идеи Нового времени способствовали заключению мира в Империи [5, S. 5].

Толерантность как правовая категория нашла вполне логично заметное отражение в документах Вестфальского мира, который определил на долгие десятилетия правовой порядок в Империи. Этот мир представляет собой в истории развития толерантности очень важный шаг вперед, который

не должен недооцениваться. Под толерантностью в то время понималась свобода вероисповедания, свобода совести каждого человека, имеющего право выбирать свое вероисповедание и публично пользоваться им. Однако следует подчеркнуть, что эта проблема оценивается историками неоднозначно. В XVIII веке ученые-конституционалисты считали религиозные права, закрепленные Вестфальским миром, совместимыми с идеей терпимости, получившей распространение в эпоху Просвещения. Однако в 1648 году для участников договора индивид не был, по мнению немецкого историка Конрада Репгена, в центре внимания при рассмотрении вопросов политической организации государства и религиозных прав. Предполагалось лишь мирное сосуществование трех крупных церквей (католической, лютеранской и кальвинистской), положение которых должно быть закреплено юридически межконфессиональным соглашением, обязательным для протестантов и католиков. Участники переговоров не всегда могли следовать четко определенным принципам. Напротив, им приходилось постоянно подвергать их сомнению, поскольку необходимость заключения мира и сложившаяся политическая ситуация требовали от них компромисса. Найденные формулы компромисса были вызваны сложностью политических и конфессиональных реалий в Империи. Поэтому неудивительно, что в Вестфальском мире нет общей идеи или концепции религиозного и гражданского мира, а есть скорее решения конкретных практических проблем, которые были вызваны политическим и религиозным антагонизмом между различными конфессиями [1, с. 42; 3, р. 230–231].

Практически вопрос религиозных приоритетов отступил на задний план перед необходимостью решения проблем выживания, самосохранения и правопорядка. Кроме этого, имперские чины, служившие Империи, консолидировались настолько тесно, что они выиграли для себя достаточное политическое поле деятельности, чтобы осуществлять в пределах своих территорий особое правовое регулирование отношений с религиозными меньшинствами. По сравнению с Аугсбургским религиозным миром новые положения Вестфальского мира сократили конфликтный потенциал и обеспечили правопорядок для князей и их подданных [1, с. 43; 6, S. 452].

Идея толерантности нашла свое отражение в Оснабрюкском договоре. В нем слово «толерантность» на латыни встречается дважды, наряду с другими словами с аналогичным значением. В дополнение к публичному или частному отправлению обрядов было предусмотрено право на исповедание без вмешательства священника. Немецкий государствовед XVIII века И. Я. Мозер считал свободное отправление религиозного обряда основным индивидуальным правом каждого немца. Эта форма с правом присутствовать на массовых мероприятиях на соседней территории была воспринята протестантскими депутатами и в принципе была разрешена, даже если она не соответствовала статус-кво 1624 года. Но та же статья Оснабрюкского договора (IPO V, § 34, 36 и 37) предоставляла князю право высылать соответствующих лиц, что противоречило первоначальным требованиям протестантских представителей

на Вестфальском конгрессе. Весной 1652 года католический магистрат имперского города Кельн обнародовал указ, предписывающий всем его лютеранским подданным покинуть город в течение пяти лет. В конфессиональной реальности после 1648 года осуществление права подданных на эмиграцию и права политической власти на их высылку значительно перевешивало право на домашнее отправление обрядов. Тем не менее Вестфальский мир подготовил условия для возникновения и развития идеи терпимости в той степени, в какой это способствовало правовому урегулированию религиозных проблем. По крайней мере, происходило умиротворение возникающих конфессиональных страстей. Но, увековечивая конфессиональные границы, унаследованные от XVI века и начала XVII века, строгое применение статус-кво, установленное в 1648 году, подрывало религиозную терпимость. Сохранялась проблема признания всех конфессиональных общин, которые не были упомянуты в Оснабрюкском договоре, о чем указывали некоторые немецкие юристы во второй половине XVIII века. Поэтому связь между Вестфальским миром и прогрессом терпимости в Империи неоднозначна [3, p. 231–232; 6, S. 452].

Прогресс идеи толерантности не должен связываться только с государством или политической системой Нового времени. По мнению ученых, например Юста Липсиуса, в XVI и XVII веках современные им государства не терпели религиозных меньшинств и стремились установить или восстановить религиозное единство. В этом отношении имперская конституция может показаться ретроградной в той мере, в которой она допускает конфессиональный плюрализм. Категория толерантности тогда стала эффективной предпосылкой не только межконфессионального согласия, но и мира в Империи и Европе в целом [1, с. 50; 3, p. 232–233].

С точки зрения отношения к проблеме межконфессионального толерантного сосуществования вызывает интерес позиция курфюрста Бранденбурга Фридриха Вильгельма (1620–1688). Значительное место в его политике на Вестфальском мирном конгрессе занимало урегулирование религиозного вопроса, ведь бранденбургское общество носило многоконфессиональный характер. Свобода вероисповедания стала основой религиозной политики Фридриха Вильгельма [1, с. 50; 2, с. 230, 232].

Таким образом, категория толерантности, получившая закрепление в важнейших конституционных актах Священной Римской империи, нашла свое отражение в свободе вероисповедания и свободе совести индивида, имеющего право выбирать себе вероисповедание и публично пользоваться им. В то же время эти свободы были определены только трем конфессиям (католики, лютеране, кальвинисты). Предполагалось мирное сосуществование лишь между этими тремя крупными церквями, положение которых было закреплено основными имперскими актами. Поэтому категория толерантности носила в то время ограниченный характер.

Литература

1. Дмитрієв А. І. Вестфальський мир 1648 року і сучасне міжнародне право. Київ: Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України; Київський університет права, 2001. 426 с.
2. Социальные связи и их трансформация в Западной Европе XVII века: коллективная монография / отв. ред. С. А. Васютин, О. В. Ким. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 733 с.
3. Braun G. Les traités de Westphalie comme paix confessionnelle: ébauche de l'idée moderne de tolérance? // Revue d'histoire diplomatique. 2009. № 3. P. 215–239.
4. Gantet C. Une paix religieuse en 1648 // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français. 1998. № 1/2. P. 471–488.
5. Link C. Die Bedeutung des Westfälischen Friedens in der deutschen Verfassungsentwicklung: Zum 350jährigen Jubiläum eines Reichsgrundgesetzes // Juristen-Zeitung, 1998. № 1. 9 Januar. S. 1–9.
6. Schmidt G. Der Westfälische Friede als Grundgesetz des komplementären Reichsstaats // 1648: Krieg und Frieden in Europa. Bd. 1. Münster: Bruckner, 1998. S. 447–454.

Literatura

1. Dmitriev A. I. Vestfal's'kij mir 1648 roku i suchasne mizhnarodne pravo. Kuiv: In-t derzhavi i prava im. V. M. Korecz'kogo NAN Ukraïni; Kiïvs`kij universitet prava, 2001. 426 s.
2. Social'ny'e svyazi i ix transformaciya v Zapadnoj Evrope XVII veka: kolektivnaya monografiya / отв. red. S. A. Vasyutin, O. V. Kim. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014. 733 s.
3. Braun G. Les traités de Westphalie comme paix confessionnelle: ébauche de l'idée moderne de tolérance?? // Revue d'histoire diplomatique. 2009. № 3. P. 215–239.
4. Gantet C. Une paix religieuse en 1648 // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français. 1998. № 1/2. P. 471–488.
5. Link C. Die Bedeutung des Westfälischen Friedens in der deutschen Verfassungsentwicklung: Zum 350jährigen Jubiläum eines Reichsgrundgesetzes // Juristen-Zeitung, 1998. № 1. 9 Januar. S. 1–9.
6. Schmidt G. Der Westfälische Friede als Grundgesetz des komplementären Reichsstaats // 1648: Krieg und Frieden in Europa. Bd. 1. Münster: Bruckner, 1998. S. 447–454.

M. P. Belyaev

The Legal Category of Tolerance in the Constitutional Acts of the Holy Roman Empire

The idea of tolerance dates back to the era of the Reformation and confessionalization. The article examines the development of the legal category of tolerance from M. Luther and the Augsburg religious peace of 1555 to the Peace of Westphalia in 1648. The legal category of tolerance is reflected in these most important constitutional acts of the Holy Roman Empire. Formulas for interconfessional compromise were found in the norms of these agreements. Citizens received the right to worship at home. The imperial constitution allowed for denominational pluralism. In some German principalities, religious freedom has become the basis of religious policy.

Keywords: the religious peace of Augsburg; pluralism; confession; tolerance; the peace of Westphalia.

УДК 34.01

DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.03

А. А. Дорская

Положения Судебной реформы 1864 года и деятельность министерства юстиции Российской империи в 1867–1899 годах

В статье анализируется деятельность министерства юстиции Российской империи по реализации положений Судебных уставов 1864 года после отставки Д. Н. Замятни-на и вплоть до провозглашения окончания Судебной реформы в 1899 году. Рассмотрено взаимодействие министерства на вертикальном и горизонтальном уровнях с другими государственными органами. Показана противоречивая деятельность министерства юстиции в условиях нарастания охранительных тенденций.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 года; министерство юстиции Российской империи; охранительная политика; мировые суды; волостные суды.

Деятельность министерства юстиции по подготовке и реализации положений Судебной реформы 1864 года можно разделить на четыре неравных хронологических периода:

1. 1802–1857 годы — министерство юстиции взаимодействовало со Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Правительствующим сенатом по обсуждению возможных проектов Судебной реформы, а также активно изучало зарубежные системы судостроительства и судопроизводства, что впоследствии отразилось на подготовке Судебных уставов.

2. 1857–1864 годы — министерство юстиции редактировало и комментировало проекты, разработанные Комиссией при Государственной канцелярии, вырабатывая наиболее точные формулировки как с точки зрения юридической техники, так и с позиций понятности текста будущих Судебных уставов.

3. 1864–1866 годы — основными направлениями работы министерства юстиции после утверждения 20 ноября 1864 года Судебных уставов стала организационная деятельность по открытию новых судебных учреждений, подбору кадров, обеспечению их работы всем необходимым, а также нормотворческий процесс подготовки подзаконных актов, целью которых была конкретизация действовавшего законодательства в части функционирования судебной системы.

4. 1866–1899 годы — министерство юстиции работало в условиях нарастания охранительных тенденций в российской политике, что выражалось в постепенной разработке разнообразных ограничений в положениях Судебных уставов 1864 года.

На работу и роль министерства юстиции в процессе реформирования судебной системы и судопроизводства оказывали влияние и кадровые перемещения, и общий политический климат в стране, и общественная реакция на проводимые изменения.

Нарастание охранительных тенденций во внутривластном курсе стало ощущаться еще в 1866 году, но затем и в самом министерстве юстиции произошли существенные изменения. 16 апреля 1867 года состоялась отставка Д. Н. Замятнина с поста министра юстиции. Новым министром юстиции стал С. Н. Урусов, а товарищем министра юстиции назначили псковского губернатора К. И. Палена.

Однако уже осенью того же года последовали перестановки. 15 октября 1867 года Константин Иванович Пален стал министром юстиции и оставался на этом посту вплоть до 30 мая 1878 года. Именно на данное время приходится нарастание охранительных тенденций в деятельности вверенного ему министерства.

С 1867 года резко возросло количество актов о судоустройстве, которые были направлены на усиление если и не участия, то присутствия в судебной деятельности органов исполнительной власти.

Также пересмотру подверглись положения, обеспечивающие принцип несменяемости, который, по мнению отцов Судебной реформы 1864 года, являлся одной из главных гарантий, обеспечивающих независимость судейского корпуса и подчинения его исключительно закону. В 1867 году министр юстиции граф К. И. Пален, сославшись на недостаточное число подготовленных лиц, получил право назначения судебных следователей, на которых не распространялась привилегия несменяемости. Однако и тогда, когда численность достигла достаточной отметки, эта практика продолжалась и оставалась доминирующей.

Нарастание в 1870-е годы террористической угрозы, деятельность народнических организаций привели к тому, что была создана комиссия под руководством обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената Э. В. Фриша, в которую вошли представители министерства юстиции, министерства внутренних дел, корпуса жандармов, а также Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В результате ее деятельности Государственный совет согласился с мнением, представленным министром юстиции К. И. Паленом. 4 июня 1874 года был принят закон о пересмотре статей уложения, касавшихся противозаконных сообществ¹. Были изменены статьи 250 и 318 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1866 года)². Суровость наказания за участие в таких организациях зависела от того, ставилась ли цель организовать

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 4 июня 1874 г. «О наказаниях за составление противозаконных обществ и участие в оных» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1876. Т. XLIX. Отделение I. № 55606.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост. Н. С. Таганцев. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1876. 726 с.

бунт, подготовить террористический акт, противодействовать распоряжениям правительства и т. д.

Затем в 1877 году последовали организационные изменения в Правительствующем сенате — было учреждено Соединенное присутствие первого и каскационного департаментов. Теперь оно могло рассматривать дела о злоупотреблениях по службе и проступках судей, прокуроров и следователей.

Такое положение дел являлось нарушением принципа самостоятельности судебной власти. Получалось, что отныне дела в отношении судей должны были рассматривать представители как судебных, так и исполнительных органов.

Очень трудным для министерства юстиции был 1878 год, когда сначала 23 января Правительствующий сенат вынес приговор по «Процессу 193-х», а затем 5 февраля Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Естественно, оправдательный приговор в отношении В. Засулич нанес огромный удар по министру юстиции К. И. Палену. Тогда, пытаясь избежать отставки, он сделал ход на опережение.

5 апреля 1878 года К. И. Пален внес на рассмотрение Государственного совета представление «Об изменении подсудности дел о преступлениях, предусмотренных ст. 263–271 и 393 Уложения о наказаниях (издание 1866 г.), а также наиболее тяжких преступлений против должностных лиц». Суть данного документа сводилась к тому, что любые дела, связанные с убийством чиновников, неповиновением им, оскорблением их, должны были быть переданы из подсудности окружных судов в особое присутствие судебных палат. Главной целью данного представления являлось создание условий, не позволяющих повторить ситуацию, как это было на процессе Веры Засулич, т. е. подобного рода дела больше не могли рассматриваться присяжными заседателями и они переходили к высшим представителям судейского сообщества.

6 апреля того же года К. И. Пален внес в Государственный совет еще одно представление об изменении статей закона от 7 июня 1872 года, определяющих порядок производства дел по государственным преступлениям. Удивительным было то, что проект того закона был шесть лет назад предложен самим министром юстиции. К. И. Пален объяснял этот шаг тем, что если подобные дела будут рассматриваться на высшем уровне, то к ним иначе будут относиться не только российские подданные, но и представители Западной Европы. Кроме того, он заявлял, что практика показала многие недочеты закона 1872 года. В частности, серьезно замедляла такие процессы доставка подсудимых в Санкт-Петербург, что было к тому же достаточно дорого. Длительные переезды способствовали тому, что обвиняемые общались друг с другом, а поэтому могли договориться о единой линии поведения на процессе. В результате дела о государственных преступлениях были возвращены в подсудность Судебных палат [5, с. 392].

Однако данные шаги не спасли министра юстиции от отставки 30 мая 1878 года. Министерство же продолжило свою работу.

19 июля 1878 года при министерстве юстиции была образована комиссия под руководством товарища министра юстиции Э. В. Фриша. Ее задачей было устранение затруднений в применении нормативно-правовых актов, касающихся производства дел о государственных преступлениях, т. е. главным образом речь шла о пересмотре положений закона от 19 мая 1871 года.

Был проведен мониторинг, показавший, что подобные дела оказывались в суде не ранее 4,5 месяцев от их открытия и не позже двух лет. На разбирательство по делу уходило от года до двух лет. Кроме того, оказалось, что дознание практически ничем не отличалось от следствия. В результате комиссия пришла к выводу, что предварительное следствие должно начинаться сразу после совершения преступления, независимо от жандармского дознания [5, с. 394].

24 июня 1881 года по указу Александра III при министерстве юстиции была учреждена еще одна комиссия под председательством Э. В. Фриша. В этой комиссии было заметным противостояние В. К. Плеве, который 15 апреля стал директором департамента полиции, и Н. В. Муравьева, возглавившего обвинение в процессе по убийству Александра II в Особом присутствии Правительствующего сената. Усилилось и противостояние министерства юстиции с корпусом жандармов.

Результатом работы данной комиссии стала разработка второй книги Устава уголовного судопроизводства о порядке расследования и рассмотрения дел о государственных преступлениях. Устав был внесен в Государственный совет министром юстиции Д. Н. Набоковым, получил там одобрение, но далее Александр III предложил его пересмотреть вместе с участием с А. Д. Толстого, недавно назначенного министром внутренних дел. Однако такой пересмотр так и не состоялся.

Наращение охранительных тенденций отразилось и на отношении министерства юстиции к суду присяжных заседателей. Так, ставший 6 ноября 1885 года министром юстиции Н. А. Манассеин, который во многом был обязан своей карьерой К. П. Победоносцеву и разделял его консервативные взгляды, предлагал изъять у суда присяжных не только дела по государственным преступлениям, но и дела против порядка управления. Например, законом от 18 декабря 1885 года присяжным запрещалось отныне рассматривать дела о нарушении паспортного устава, поскольку по ним очень часто выносились оправдательные вердикты. Дальше данный процесс только прогрессировал.

Логичным в этом ряду охранительных мероприятий стало Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 20 мая 1885 года, внесенное на рассмотрение министром юстиции, согласно которому происходило ужесточение дисциплинарной ответственности судей, которая могла выражаться как в выговоре, так и в вычетах из жалования³. Кроме того, было учреждено

³ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 20 мая 1885 г. «О порядке издания Общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб., 1887. Т.5. № 2959.

Высочайшее дисциплинарное присутствие Правительствующего сената, решения которого обжалованию не подлежали.

При подготовке данного документа министерство юстиции использовало несколько технических приемов для ущемления прав судей. В частности, не только увеличивалось количество оснований для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, но самое главное — их формулировки были настолько размытыми и неопределенными, что могли на практике использоваться достаточно произвольно. В мнении отсутствовало закрепление гарантий прав судьи, в отношении которого осуществлялось дисциплинарное преследование. В то же время министр юстиции теперь получил не только фактическое, но и формальное право осуществлять контроль за деятельностью судей, а также по собственному усмотрению инициировать привлечение их к дисциплинарной ответственности.

Характеризуя мнение Государственного совета от 20 мая 1885 года, канадский исследователь П. Соломон отмечает, что оно, помимо сужения юрисдикции обычных судов, способствовало тому, чтобы царские чиновники «держали судей в строю». Министру юстиции было предоставлено право требовать от судей объяснения любых их действий, а также давать указания о решениях в завершенных или процедурных делах в будущем. Данный нормативно-правовой акт расширял основания для отстранения судей от процесса и допускал перевод судей из одной коллегии или суда в другие по решению министерства [8, р. 264–265].

В думский период министерство юстиции обвинялось депутатами в отказе от принципа несменяемости судей, и ставшему 24 апреля 1906 года министром юстиции И. Г. Щегловитову пришлось отбиваться от этих упреков.

Как ни странно, но охранительная тенденция проявилась и в том, что министерство юстиции обобщало материалы, полученные Высочайше утвержденной комиссией по преобразованию волостных судов [2, с. 12]. Таким образом, упор делался на сохранение крестьянских обычаев, многие из которых получали статус правовых через судебные решения. Это способствовало явлению, о котором много писали российские юристы второй половины XIX века: действие Свода законов Российской империи распространялось не более чем на 13–17 % населения, тогда как основную часть составляло крестьянство, которое жило в соответствии с теми обычаями, которые сложились в их местности.

В отношении волостных судов охранительная позиция министерства юстиции проявлялась в том, что министерство практически сводило на нет стремление земств каким-либо образом решить проблемы с финансированием волостной юстиции. Так, в 1878 году поступило ходатайство саратовского губернатора, который просил разрешения одному из уездных судов выплачивать вознаграждение волостным судьям, решения которых будут признаны наиболее основательными. Данная инициатива рассматривалась в министерствах юстиции и внутренних дел. Реакция министра юстиции К. И. Палена была

настолько безапелляционно отрицательной, что данное предложение земских органов так и не было реализовано [7].

Постепенно влияние министерства юстиции на реформирование судебной сферы снижалось, а других министерств возрастало. Здесь можно привести два примера.

Первый связан с подготовкой судебной реформы на Дону, в Земле Войска Донского, которая должна была осуществляться параллельно с преобразованием войскового управления. Как отмечает С. М. Шахрай, судьба судебных органов в данном регионе решалась не столько в министерстве юстиции, сколько в военном министерстве [4, с. 8]. Однако при этом все формы, свидетельствующие о равенстве министерств, соблюдались: велась обширная переписка, постоянно происходил обмен мнениями. Однако все решила воля императора, который считал, что нужно использовать надвигающееся 300-летие Войска Донского для решения актуальных на тот момент задач.

16 мая 1870 года были утверждены Временные правила о введении мировых судебных установлений в Земле Войска Донского, которые считались воплощением в жизнь плана министра юстиции К. И. Палена.

Мировые суды на Дону вводились в соответствии с Судебными уставами 1864 года, но, во-первых, отдельно от общих, во-вторых, с некоторыми особенностями в пользу донских казаков. В частности, именно в данном регионе устанавливался самый низкий имущественный ценз для мировых судей во всей Российской империи. Для утверждения на должность достаточно было иметь в собственности 200 десятин земли, тогда как в других частях страны эта цифра колебалась от 400 до 1600 десятин. Таким образом, любой зажиточный казак имел возможность стать мировым судьей.

Общие суды были созданы в области Войска Донского 20 марта 1873 года на основании Судебных уставов 1864 года без какой-либо специфики. Появились Новочеркасский и Усть-Медведицкий окружные суды, которые были отнесены к округу Харьковской судебной палаты, а также был введен суд присяжных.

Еще одним примером является тот факт, что когда 7 апреля 1894 года была создана Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части, проработавшая до 1899 года, одной из ее задач стало разграничение деятельности ведомств министерства юстиции и министерства внутренних дел в данной области [3, с. 141].

Роль министерства юстиции в ликвидации мировой юстиции была достаточно противоречивой. С одной стороны, как надзорный орган над мировыми судами министерство постоянно критиковало их деятельность. С другой стороны, в отчете министерства юстиции за 1887 год работа мировых судей признавалась вполне удовлетворительной [1, с. 74].

Однако были в деятельности министерства юстиции данного времени и положительные тенденции, предопределившие дальнейший ход Судебной реформы, пусть даже с имеющимися изъятиями и отступлениями. Так, министр

юстиции всячески помогал и продвигал по службе молодого А. Ф. Кони, считая, что он есть будущее светило российской юриспруденции [6, с. 175]. В конце 1877 года А. Ф. Кони был назначен вице-директором департамента министерства юстиции, получив опыт работы в органе исполнительной власти. Только потом он был назначен председателем Санкт-Петербургского окружного суда.

Интересно, что летом 1906 года, когда шло формирование правительства П. А. Столыпина, А. Ф. Кони был предложен пост министра юстиции. Премьер-министр заявил, что согласен на любые условия, и в течение трех дней настойчиво вел переговоры. Однако взвесив все за и против, известный российский юрист отказался, указав в качестве причины состояние здоровья.

В 1880–1890-е годы достаточно сложными были вопросы взаимодействия министерства юстиции с Правительствующим сенатом. Уже упоминавшийся канадский исследователь П. Соломон так описывает эти отношения. Апелляции могли привести к конфликтам в Первом департаменте Сената, который оставался административным органом, хотя министр юстиции Д. Н. Замятнин еще в 1865 году попытался сделать его официальным местом расширенного судебного пересмотра административных актов. Сенаторы действительно работали так, как будто они были судьями (несмотря на то что не имели пожизненного срока пребывания в должности), и пытались держать правительственных чиновников в узде, разрешая обжалование решений губернаторов. В 1897 году Н. В. Муравьев, который был министром юстиции с 1894 по 1905 год, безуспешно пытался добиться отмены этого процесса. Но только в межреволюционный период 1907–1917 годов политические партии центра и правой части спектра смогли добиться реформы административной юстиции [8, р. 265].

Одним из важных моментов, характеризующих деятельность министерства юстиции в тот период, является оценка проводимых им мероприятий: это либо контрреформы, либо корректировки курса, необходимые в связи с высветившимися в период проведения реформы нестыковками, коллизиями, пробелами или проявившимся массовым недовольством.

Говоря о Судебной реформе 1864 года, трудно сделать однозначный вывод: являлась ли последующая деятельность корректировкой избранного плана в связи с меняющимися условиями или реформа переросла в контрреформу. Причем в последнем случае нет однозначного ответа и на вопрос о том, когда данная контрреформа началась — еще при Александре II, когда постепенно началось отступление от части положений Судебных уставов 1864 года, или при Александре III — с издания знаменитого положения Комитета министров «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», утвержденного императором 14 августа 1881 года⁴.

⁴ Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб., 1885. Т. I. № 350.

Одним из важных факторов, определявших деятельность министерства юстиции в период нарастания охранительных государственно-правовых тенденций, является значительная продолжительность Судебной реформы, когда на определенном этапе большинство членов общества уже не знают, продолжается ли реформа или она уже закончилась. Приблизительно так же произошло с Судебной реформой. Нормативно-правовой документ, изданный в 1899 году и провозгласивший окончание Судебной реформы 1864 года, даже не вошел в Полное собрание законов Российской империи, что свидетельствует о его небольшой значимости.

Однако в любом случае Судебная реформа 1864 года является одной из наиболее успешных новаций в истории Российского государства, поскольку, во-первых, произошло отделение судебной власти от администрации; во-вторых, в российском судопроизводстве начали развиваться демократические принципы, которые представляют ценность до сих пор и реализуются в современной судебной системе — равенство всех перед законом, гласность, устность и т. д.; в-третьих, многие институты, созданные благодаря Судебным уставам 1864 года, не были уничтожены, несмотря на изменившиеся политические условия и правительственные установки. Как показал пример А. Ф. Кони, министерство юстиции по-прежнему отслеживало работу наиболее перспективных молодых юристов и давало им дорогу в судебную систему.

Можно говорить о том, что период с 1867 по 1899 год был наиболее сложным для министерства юстиции, так как именно оно было задействовано во всех процессах, связанных с организацией новой судебной системы, а затем должно было приспособиться к новым политическим условиям отступления от части положений Судебных уставов 1864 года. В данный период министерство юстиции проводило большую совместную работу с другими центральными государственными органами, прежде всего с министерством внутренних дел и Военным министерством, зачастую отдавая им инициативу в решении вопросов, связанных с судоустройством и судопроизводством.

Деятельность министерства юстиции в 1867–1899 годах отличалась противоречивостью.

С одной стороны, оно способствовало реализации положений Судебных уставов 1864 года в различных губерниях Российской империи, причем учитывались особенности каждой территории. Проводилась большая работа по привлечению в судебное ведомство молодых талантливых юристов, сформировавшихся под воздействием Университетской реформы 1863 года и Судебной реформы 1864 года.

С другой стороны, министерство часто высказывало недовольство вердиктами присяжных заседателей, способствовало тому, чтобы процессы по делам о государственных преступлениях, преступлениях против порядка управления рассматривались без присяжных, контролировало деятельность органов мировой юстиции и т. д. Однако при этом министерство никогда не выступало за уничтожение тех органов, которые были созданы в соответствии с Судебными уставами 1864 года.

Литература

1. Всеподданейший отчет министерства юстиции за 1886–1887 г. СПб.: Б/м, 1889. 123 с.
2. Земцов Л. И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2004. 36 с.
3. Терентьев Р. В. Правительственные законопроекты по реформированию местного судопроизводства в России в конце XIX – начале XX веков // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 2001. С. 140–146.
4. Шахрай С. М. Судебная реформа на Дону: история и современность (конституционно-правовой аспект) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2015. № 3 (5). С. 7–18.
5. Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: к 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 536 с.
6. Шахрай С. М., Краковский К. П. Юристы и Революция: Pro et Contra. М.: Кучково поле, 2017. 552 с.
7. Щедрина Ю. В. Обеспечение независимости судей волостных судов в России в 60–80-е гг. XIX в.: правовое регулирование и практика реализации // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 21.12.2020).
8. Solomon P. H., Jr. Judicial power in authoritarian states: The Russian experience // Rule by Law: The Politics of Courts in Authoritarian Regimes. Cambridge, 2008. 1 January. P. 261–282.

Literatura

1. Vsepoddanejšij otchet ministerstva yusticii za 1886–1887 g. SPb.: B/m, 1889. 123 s.
2. Zemczov L. I. Pravovy`e osnovy` i organizaciya deyatel`nosti volostny`x sudov v poreformennoj Rossii (60–80-e gg. XIX v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Lipeck, 2004. 36 s.
3. Terent`ev R. V. Pravitel`stvenny`e zakonproekty` po reformirovaniyu mestnogo sudoproizvodstva v Rossii v konce XIX – nachale XX vekov // Ucheny`e zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2001. S.140–146.
4. Shaxraj S. M. Sudebnaya reforma na Donu: istoriya i sovremennost` (konstitucionno-pravovoj aspekt) // Vestnik yuridicheskogo fakul`teta Yuzhnogo federal`nogo universiteta. 2015. № 3 (5). S. 7–18.
5. Shaxraj S. M., Krakovskij K. P. Sud skory`j, pravu`j, milostivy`j i ravny`j dlya vsech: k 150-letiyu Sudebnoj reformy` v Rossii. M.: Kuchkovo pole, 2014. 536 s.
6. Shaxraj S. M., Krakovskij K. P. Yuristy` i Revolyuciya: Pro et Contra. M.: Kuchkovo pole, 2017. 552 s.
7. Shhedrina Yu. V. Obespechenie nezavisimosti sudej volostny`x sudov v Rossii v 60–80-e gg. XIX v.: pravovoe regulirovanie i praktika realizacii // E`lektronny`j zhurnal «Vestnik MGOU». 2013. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (data obrashheniya: 21.12.2020).
8. Solomon P. H., Jr. Judicial power in authoritarian states: The Russian experience // Rule by Law: The Politics of Courts in Authoritarian Regimes. Cambridge, 2008. 1 January. P. 261–282.

A. A. Dorskaya

**Provisions of the Judicial Reform of 1864 and the Activities
of the Ministry of Justice of the Russian Empire in 1867–1899**

The article analyzes the activities of the Ministry of Justice of the Russian Empire on the implementation of the provisions of the Judicial Charters of 1864 after the resignation of D. N. Zamyatin and up to the proclamation of the end of the Judicial Reform in 1899. The interaction of the ministry at the vertical and horizontal levels with other state bodies is considered. The contradictory activity of the Ministry of Justice in the context of the growth of protective tendencies is shown.

Keywords: Judicial reform of 1864; Ministry of Justice of the Russian Empire; protective policy; magistrate courts; volost courts.

УДК 340.12

DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.04

**Я. Б. Жолобов,
И. В. Ботанцов**

Зарождение и развитие специализированного юридического образования в Российской империи

Актуальность исследования вызвана необходимостью развития специализированного юридического образования в современной России. Цель исследования заключается в выявлении истоков российского специализированного образования и анализе порядка организации первых учебных заведений, готовивших специалистов для судебной системы. В результате обоснована роль Царскосельского лицея в зарождении специализированного юридического образования. Авторы приходят к выводу, что многие принципы обучения, применявшиеся в училище, остаются важными компонентами в формировании современных образовательных стандартов.

Ключевые слова: юридическое образование; судебная система; Училище правоведения; Царскосельский лицей; П. Г. Ольденбургский.

К началу XIX века общее развитие правовой системы Российской империи, с одной стороны, и недостаточное развитие юридической техники и практики — с другой, вскрыли проблему отсутствия в государстве специализированного юридического образования.

Говоря об этом направлении образования в России, следует начать с лицея. Нет, не с того лицея Древней Греции, находившегося на окраине Афин в священной роще под названием Ликейон, а с Царскосельского императорского лицея (далее — Лицей), образованного 12 августа 1810 года постановлением Александра I.

Казалось бы, какое отношение он имеет к специализированному юридическому образованию? Лицей создавался благодаря усилиям М. М. Сперанского с той целью, чтобы в данном учебном заведении могли пройти курс обучения младшие братья царя — великие князья Николай и Михаил.

М. М. Сперанский работал над проектом преобразования Российского государства, и создание Лицея было непосредственно связано с реализацией этого проекта: ведь именно в нем предполагалось обучение и воспитание нового поколения будущих руководителей государства.

Торжественное открытие Лицея состоялось 19 октября 1811 года. В тот день к лицеистам обратился с речью адъютант — профессор нравственных и политических наук Александр Петрович Куницын: «Познание ваши, должны

быть обширны, ибо вы будете иметь непосредственное влияние на благо целого общества. Государственный человек должен знать все, что только прикасается к кругу его действия. <...> Государственный человек, будучи возвышен над прочими, обращает на себя взоры своих сограждан; его слова и поступки служат для них примером. Если нравы его беспорочны, то он может образовать народную нравственность более собственным примером, нежели властью. <...> Любовь к славе и Отечеству должна быть вашим руководителем!» [4].

Интересно, что в своей речи на открытии Лицея А. П. Куницын не упомянул имя императора, за что на следующий день Александр I прислал ему орден Св. Владимира.

А. С. Пушкин, вспоминая спустя четверть века это выступление, сложил стихотворное обращение к одноклассникам:

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.

Как следует из указа императора, значительное время в Лицее отводилось наукам нравственным, под которыми «разумеются все те познания, которые относятся к нравственному положению человека в обществе, и, следовательно, понятия об устройстве гражданских обществ, и о правах и обязанностях, отсюда возникающих».

Лицей призван был давать не фундаментальное образование (как университет), а практико-ориентированные знания и навыки, а также воспитание, необходимые для будущих государственных служащих.

Александр Петрович Куницын преподавал юридические науки, сам он был весьма известным юристом того времени. Он также работал в Санкт-Петербургском университете в 1811–1821 годах (т. е. практически с момента его открытия), был автором книги о необходимости ограничения всякой власти «Право естественное» (написанной под влиянием Ж. Ж. Руссо и И. Канта). Александр Петрович обучался в Санкт-Петербургском педагогическом институте, в Геттингене, в Парижском университете и Гейдельберге.

Пушкин высоко оценил роль Куницына:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена.

В курс юридических наук лицеистов входили такие предметы, как логика, психология, этика, право естественное, право народное, право гражданское русское, право уголовное, финансовое и т. д.

В целом образование в Лицее было одним из лучших в мире. По словам академика Л. Логунова, зарубежные специалисты в свое время провели исследование систем образования у разных народов в разные времена. Оказалось,

что лучше системы, чем та, которая была в Царскосельском лицее, человечество не придумало [2].

Осенью 1873 года Царскосельский лицей был переименован в Александровский и переведен в Санкт-Петербург. С конца 1870-х годов лицейская система образования стала претерпевать изменения в части дальнейшего увеличения числа юридических дисциплин. Постепенно Лицей и юридический факультет Санкт-Петербургского университета становятся похожими в своих программах. Это было связано с тем, что попечителем Императорского Александровского лицея стал родной дядя императора Александра II, сын Екатерины Павловны, сестры Александра I, и принца Георга Ольденбургского — принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

С конца 1870-х годов увеличилось и число юридических наук.

Воспитанники изучали основные предметы сразу всех трех факультетов университета: нравственно-политического, физико-математического, словесного.

Лицей можно однозначно назвать учебным заведением, которое непосредственно относится к специализированному юридическому образованию. Его выпускники получали особые места в юридических профессиях и государственной службе.

Выпускник Лицея Дмитрий Николаевич Замятнин (3-й курс, выпуск 1823 года) занимал впоследствии пост министра юстиции (1862–1867), благодаря ему состоялось открытие новых судов, при его непосредственном участии претворялась в жизнь Судебная реформа 1864 года. Д. Н. Замятин окончил Лицей с серебряной медалью, трудился под руководством М. М. Сперанского во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В январе 1864 года Замятнин был утвержден в должности генерал-прокурора. Поддерживал обвинение по делу Дмитрия Каракозова, стрелявшего в императора 4 апреля 1866 года [2].

В наши дни Клуб имени Замятина, действующий в формате экспертной дискуссионной площадки и имеющий целью обеспечение общественной поддержки реформирования судебной системы Российской Федерации для повышения уровня доверия общества к судебной системе, в своей работе выражает преемственность в идеях, целях и духе реформ, предложенных Дмитрием Николаевичем.

Следует отметить, что Лицей не был первым учебным заведением, где будущих законотворцев обучали праву. Еще Павел I указал обучать законоведению молодых людей при Сенате, но школу быстро закрыли, поскольку обучение не было эффективным. В 1806 году было открыто специализированное училище, но по инициативе М. М. Сперанского оно тоже было закрыто как не отвечающее требованиям времени. Вместо этого он посылал своих сотрудников учиться праву в Берлин. Впоследствии многие из них стали преподавателями в Училище правоведения П. Г. Ольденбургского (Неволин и другие), а сам М. М. Сперанский вместе с принцем писал устав училища.

П. Г. Ольденбургский является поистине уникальной личностью в истории российской юриспруденции. Петр Георгиевич приходился внуком российскому императору Павлу I, но, будучи членом русского Императорского дома, не имел

российского подданства, так как состоял в династии великих герцогов Ольденбургских, чем и объясняется его несвойственный для России титул принца. Дед Петра Георгиевича находился на престоле независимого Великого герцогства Ольденбургского. Сам же Петр Георгиевич родился в России, в Ярославской губернии, и всю жизнь свою провел на российской службе.

Юность принц провел в Ольденбурге, где с особенной любовью занимался юридическими науками и логикой под руководством Христиана Рунде. В 1829 году по Адрианопольскому миру Греция получила политическую самостоятельность, и кандидатом на греческий престол некоторые дипломаты того времени называли принца Ольденбургского. Но в конце 1830 года император Николай I вызвал принца (своего племянника) на русскую службу [1, с. 87].

В России принц достиг немалых высот: генерал от инфантерии (1841), шеф Стародубского кирасирского его имени полка, сенатор, член Государственного совета и председатель департамента гражданских и духовных дел, главноуправляющий IV отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, почетный опекун и председатель Санкт-Петербургского опекунского совета, главный начальник женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, попечитель Императорского училища правоведения, Санкт-Петербургского коммерческого училища, Императорского Александровского лицея, почетный член различных ученых и благотворительных обществ, председатель Российского общества международного права, попечитель Киевского дома призрения бедных, покровитель Глазной лечебницы. В 1845 году он получил титул «Его Императорское Высочество», также был награжден многочисленными орденами.

При всех его заслугах, даже военных, больше всего принц тяготел к юридическим наукам и совершенствованию правовой системы. Удивительно, с какой энергией человек королевской крови, не нуждавшийся ни в чем и не имевший даже российского гражданства, отдавал все свои силы и огромные деньги на службе Российскому государству.

Петр Георгиевич Ольденбургский после выхода в отставку с военной службы из-за категорического неприятия телесных наказаний был назначен Николаем I к присутствию на заданиях Правительствующего сената, где он увидел катастрофическую юридическую безграмотность не только рядовых судей, но и сенаторов, пересматривавших и обобщавших судебную практику нижестоящих инстанций. Имея некоторые познания в юриспруденции, принц видел, что даже образованные чиновники не способны грамотно анализировать правовой материал и составлять юридические тексты. Тогда он и приходит к идее о необходимости создания в России учебного заведения по подготовке специалистов именно для судебной системы.

Принц не был одинок в этом мнении. При всех заслугах Императорского лицея на поприще государственного строительства, надобность в еще более узкоспециализированном учебном заведении юридического профиля сохранялась. После восшествия Николая I на престол, по словам самого императора, «главным занявшим меня делом было, конечно, правосудие».

Наиболее очевидным недостатком правовой системы в целом и судебной системы в частности было отсутствие систематизации законодательства. М. М. Сперанский, возглавивший Второе отделение Собственной Е. И. В. канцелярии, стал тем, кому удалось привести в порядок весь правовой материал, накопившийся с момента издания Соборного уложения 1648 года, однако работа с результатами его труда требовала более высокой квалификации специалистов.

Введение в практику судебной деятельности Полного собрания законов Российской империи (1830), а за ним и Свода законов Российской империи (1832) выявило нехватку практико-ориентированных молодых специалистов, занятых в области юриспруденции. Поэтому П. Г. Ольденбургский обращается именно к М. М. Сперанскому с предложением о создании училища правоведения. С одобрения последнего принц испрашивает у императора соизволения на открытие училища и приобретение дома для него. Николай I, видя в воспитании нового поколения юристов одно из средств развития российской правовой системы, поддерживает идею.

П. Г. Ольденбургский хотел построить здание, специально предназначенное для училища, но он торопится начать обучение, поэтому принимает решение о покупке дома. Так, на личные средства принца было приобретено здание на Фонтанке, ставшее домом для многих поколений воспитанников. На его покупку и устройство училища принц потратил около 1 млн рублей (около 8 млрд рублей на современные деньги) [1, с. 144].

5 декабря 1835 года училище, ставшее первым юридическим вузом в России, приняло своих первых воспитанников. Училище получило статус императорского и было приравнено в привилегиях к Царскосельскому лицей.

После окончания училища воспитанники были обязаны служить не менее 6 лет в ведомстве министерства юстиции. Учебные программы предусматривали подготовку воспитанников с гимназического возраста до уровня университетского образования с практическим уклоном на запросы государственной службы.

Процессу обучения с самого начала стремились дать практическое направление. Для этого училище получало копии всех указов Сената, решений гражданских и уголовных дел. Под руководством профессоров воспитанники разыгрывали судебные заседания с участием представителей обвинения и защиты. Воспитанникам старших курсов полагалось посещать тюрьмы. Занятия по судебной медицине предполагали посещение морга Мариинской больницы и присутствие при вскрытии трупов.

В училище уделялось внимание разностороннему развитию воспитанников. Ставилась педагогическая задача развития индивидуальных талантов и стремлений обучающихся. Образование не имело целью приведение всех к какому-либо единому образцу. Поэтому в юридическом вузе присутствовали и естественно-научные и даже творческие дисциплины. Сам принц знал 8 языков, писал музыку и стихи, в 1834 году он осуществил перевод на французский язык «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. Александра Сергеевича, уже смертельно раненого, принц посещал в его квартире на набережной реки Мойки.

Только всесторонне и гармонично развитые личности, по мнению принца, могли вершить судьбы людей, что является неотъемлемым полномочием судьи. Неудивительно, что особым почетом в училище пользовалась музыка. Помимо обязательных музыкальных занятий существовал и музыкальный кружок. Один из воспитанников училища, Петр Ильич Чайковский, сочинил к пятидесятилетию училища «Правоведческую песню» и написал к ней музыку.

В юридических учебных заведениях на протяжении долгого времени преподавали известные юристы: С. В. Пахман, Н. С. Таганцев, С. А. Муромцев, А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, Ф. Ф. Мартенс, Д. И. Майер.

Среди выпускников училища (его окончили более 2000 человек) были такие известные личности, как Иван Аксаков, поэт и публицист, Александр Алехин, 4-й чемпион мира по шахматам, Александр Бульгин, министр внутренних дел, Иван Горемыкин, министр внутренних дел, председатель Совета министров Российской империи (окончил с серебряной медалью), Алексей Жемчужников, поэт, Владимир Ковалевский, известный геолог, основатель эволюционной палеонтологии, Владимир Набоков, министр юстиции, отец писателя Набокова, также преподавал в училище, был депутатом Первой Государственной думы, одним из первых высказывался за права женщин [5, с. 144], Константин Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода, член Государственного совета, главный идеолог контрреформ Александра III, Петр Чайковский, композитор, Николай Стояновский, министр юстиции, он учредил вместе с А. Ф. Кони Юридическое общество при Санкт-Петербургском императорском университете [3].

Интересным фактом является то, что учеников Училища правоведения называли чижиками-пыжиками — словами из уже существовавшей к тому времени народной песенки — за цвет их мундира и шапку из пыжика. Впоследствии песенка закрепилась за воспитанниками училища и ассоциировалась именно с ними. В настоящее время на Фонтанке, напротив здания училища, установлен памятник Чижик-Пыжику в память о правоведах.

Сегодня дело училища продолжает Российский государственный университет правосудия, учредителем которого является Верховный суд РФ. Университет не только готовит специалистов для судебной системы, но, как и училище, не ограничивает их только рамками судебной работы. В стенах вуза готовят юристов широкого профиля, готовых к работе в любом юридическом ведомстве и к собственной практике. В университете приветствуются спорт, творчество, научная и общественная деятельность. Сохранение и развитие подобных учебных заведений и специализированного юридического образования в современной России, по нашему мнению, не ведет к борьбе между вузами за студентов, а способствует разделению профилей обучения и здоровой конкуренции, в конечном счете увеличивающей качество образования.

В 1992 году также было создано и негосударственное учреждение высшего образования «Институт права им. П. Г. Ольденбургского», претендующее на преемство знаменитого учебного заведения.

Литература

1. Анненкова Э. А. Императорское училище правоведения. СПб.: Росток, 2006. 384 с.
2. Кобеко Д. Ф. Императорский царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811–1843. СПб.: Типография В. Ф. Киришбаума, 1911. 553 с.
3. Олимпиева И. В. Императорское училище правоведения (1835–1918): эволюция юридического образования в России и формирование корпуса просвещенной бюрократии: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021. 262 с.
4. Руденская С. Д. Царскосельский – Александровский лицей. 1811–1917. СПб.: Лениздат, 1999. 511 с.
5. Botantsov I. V. i dr. History of women's political and civil rights in Sweden // Вопросы истории. 2020. № 2. P. 142–146.

Literatura

1. Annenkova E. A. Imperatorskoe uchilishhe pravovedeniya. SPb.: Rostok, 2006. 384 s.
2. Kobeko D. F. Imperatorskij czarskosel'skij licej. Nastavniki i pitomcy 1811–1843. SPb.: Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1911. 553 s.
3. Olimp'ieva I. V. Imperatorskoe uchilishhe pravovedeniya (1835–1918): e`volyuciya yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii i formirovanie korpusa prosveshhennoj byurokratii: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2021. 262 s.
4. Rudenskaya S. D. Czarskosel'skij – Aleksandrovskij licej. 1811–1917. SPb.: Lenizdat, 1999. 511 s.
5. Botantsov I. V. i dr. History of women's political and civil rights in Sweden // Voprosy` istorii. 2020. № 2. P. 142–146.

**Ya. B. Zholobov,
I. V. Botantsov**

The Origin and Development of Specialized Legal Education in the Russian Empire

The relevance of the study is caused by the need to develop specialized legal education in modern Russia. The need for training practice-oriented personnel is especially great at the present time. The purpose of the study is to identify the origins of Russian specialized education and analyze the organization of the first educational institutions that trained specialists for the judicial system. The research methodology includes dialytic historicism, analysis, synthesis and other methods of formal logic, as well as special legal research methods. As a result, the role of Tsarskoye Selo Lyceum in the rise of specialized legal education was substantiated, and the first educational institution that trained lawyers for work in court or at School of Law was revealed. The authors come to the conclusion that many of the teaching principles applied at school, such as the specialization of education, on the one hand, and the development of erudition and amplitude of thinking, on the other, remain important components in the formation of modern educational standards.

Keywords: legal education; judicial system; School of Law; Tsarskoye Selo Lyceum; P. G. Oldenburgski.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.05

**Т. В. Корчагина,
А. И. Николаев**

Правовое воспитание в современных реалиях

В статье раскрыто значение правового воспитания, показаны его формы в современных условиях. Подчеркивается взаимосвязь между правовым воспитанием, правовым просвещением и образованием, а также ценностный характер правового воспитания. Показано влияние процесса цифровизации на правовое воспитание. Сделан вывод о необходимости разработки и внедрения стратегии развития правового воспитания в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое воспитание; правовое просвещение; образование; права человека; цифровизация.

Вопросы правового воспитания представляются актуальными в силу своей несомненной практической значимости, а также недостаточной научной их разработанности применительно к современным условиям. Более того, в условиях современного реформирования системы образования воспитание, которому достаточно много внимания уделялось в советское время, отошло на третий план, педагог как поставщик образовательных услуг фактически лишился воспитательной функции, что негативно сказалось на результатах его деятельности.

Правовое воспитание, с одной стороны, связано с педагогикой, которая изучает формы и методы воспитательного воздействия, пути достижения его наилучшего результата. С другой стороны, коль скоро речь идет именно о правовом воспитании, нельзя отрицать его обусловленности сущностью права и назначением в обществе. Поэтому правовое воспитание — это во многом предмет юридической педагогики как особого направления в современной социально-гуманитарной науке.

Достаточно большое внимание правовому воспитанию уделялось в советский период. В то время оно связывалось с вопросами правовой культуры личности и ее правовым поведением. Вопросы правового воспитания рассматривались в комплексе с такими понятиями, как правовое поведение, законность и правопорядок, которые и сегодня не потеряли своей актуальности, хотя и несколько трансформировались.

Цель правового воспитания, определяющая его содержание и формы, заключается в формировании правосознания. В свою очередь, правосознание

представляет собой сформированную у личности и общества систему теорий, воззрений, мыслей и чувств применительно к праву, его значению в обществе. Правосознание существенно влияет на правовое поведение не только личности, но и всего общества.

Правовое сознание выступает отражением существующей правовой реальности и того, как каждый субъект воспринимает и интерпретирует ее. Это важное для теории и практики правовой жизни понятие связано, таким образом, как с индивидуальными, так и с групповыми процессами познания, а также аксиологическими доминантами в правовой сфере общества. Правосознание включает в себя все уровни восприятия, понимания и толкования юридически значимых процессов.

Правовое воспитание ориентировано на формирование как индивидуального, так и коллективного правосознания. Оно может осуществляться в различных формах и разными методами, выбор которых определяется как поставленными воспитательными задачами, так и общим направлением правовой и образовательной политики государства.

Выборы форм и методов воспитания, в том числе правового, зависит от целого ряда факторов, но в конечном итоге он детерминирован динамикой общественных отношений. В современных условиях важным фактором такой динамики становится технологическое развитие. Новые технологии влияют на многие параметры и общественной жизни, и правовой системы [4, с. 4]. Доминирующее значение в этом отношении имеют цифровые технологии, которые развиваются очень быстро и проникают во все сферы нашей деятельности, включая сферу права [1, с. 45].

Правовое воспитание в условиях цифровизации имеет ряд важных особенностей, которые определяются, во-первых, трансформацией роли права как главного регулятора общественных отношений, во-вторых, изменением системы образования, вызванным применением дистанционных и иных электронных технологий.

Пандемия коронавируса ускорила процессы цифровизации образования, стала одной из причин ситуации оторванности учеников и студентов от живого, непосредственного общения с учителями и профессорами. В силу этого закономерно снизился потенциал общего воспитательного воздействия личности педагога. Поэтому приходится искать новые формы и методы воспитания, в том числе правового воспитания. Цифровые инструменты представляют для этого благоприятные возможности, но лишь при их умелом использовании.

Современная молодежь (а это главный объект правового воспитания) значительную часть времени проводит в сети Интернет, в том числе в социальных сетях. Но потенциал социальных сетей для правового воспитания используется сегодня явно недостаточно. Очень редко можно встретить интересные, познавательные, ориентированные на молодежную среду аккаунты правовой направленности, несущие в себе активный воспитательный потенциал. Представляется, что необходимо разработать и внедрить целостную программу правового

воспитания молодежи в сети Интернет. Наполнение такой программы должно учитывать интересы и запросы молодежи, привычные для нее формы сетевого общения и восприятия материала.

Особенности виртуальной среды формируют особый тип мышления — так называемое клиповое мышление, которое не позволяет читать и глубоко анализировать серьезные длинные тексты. В этом случае подача правового материала должна осуществляться дозированно, отдельными интересными и наглядными блоками, желательна с интерактивным контентом. В этом случае эффективность правового воспитания, осуществляемого в виртуальном пространстве, будет более высокой.

Важное значение имеет не только форма правового воспитания, но и его содержательное наполнение. Оно должно учитывать многие процессы и новации, которые происходят в современном обществе, в том числе и под влиянием цифровых технологий.

Правовое воспитание всегда несет в себе определенный ценностный заряд. Оно предполагает формирование у людей определенной системы правовых ценностей, которые, с одной стороны, связаны с общими ценностями общества, а с другой стороны, обусловлены сущностью и назначением права, содержанием его главных принципов.

Под давлением цифровой среды правосознание человека подвергается трансформации, а иногда идет и сознательное манипулирование. При этом нередко происходит подмена традиционных правовых ценностей новыми ценностными ориентирами, которые в результате могут оказаться даже антиправовыми.

В качестве важной правовой ценности предлагается рассматривать права человека. Это положение практически никем не оспаривается. Гораздо более сложным представляется вопрос о содержании прав человека и их трактовке на современном этапе, когда возникает выраженное противоречие между правами основополагающими и новыми, между правами традиционными и правами цифровыми.

В условиях цифровизации сфера действия прав человека получает тенденцию к расширению, в том числе за счет виртуального пространства и тех возможностей, которые предоставляют новые технологии.

В российском правоведении по поводу эволюции системы прав человека получили распространение две противоположные позиции [2, с. 12–13]. Представители первой точки зрения полагают, что цифровые технологии инициируют появление нового поколения прав человека — цифровых прав, которые могут трактоваться как имеющие новое, ранее неизвестное социуму наполнение. Вторая точка зрения базируется на признании факта, что цифровые права должны рассматриваться как уже известные ранее права человека, которые получают распространение в новом пространстве — виртуальном. В целом указанный вопрос пока еще не решен в отечественной теории прав человека.

Наблюдаемое развитие цифровых технологий неоднозначно влияет на права и свободы человека и гражданина: с одной стороны, возрастают угрозы,

влияющие на возможность полноценной реализации целого ряда прав и свобод, с другой стороны, появляются и используются новые эффективные механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина.

В связи с этим совершенствование правового воспитания должно базироваться на признании и четком понимании основополагающих прав и свобод человека, их ценностного содержания и значения. В этом контексте особое значение приобретает право граждан на информацию, без которого не может быть полноценного правового воспитания в цифровом обществе. При этом гарантии этого права должны включать в себя и вопросы обеспечения информационной безопасности личности.

Одним из важных направлений правового воспитания в современных условиях является антикоррупционное воспитание. Оно направлено на формирование антикоррупционного правосознания каждой личности, а также общества в целом.

Являясь частью системы правового воспитания в целом, антикоррупционное правовое воспитание нацелено на формирование высокого уровня антикоррупционного правосознания, нетерпимости к коррупции в обществе и сознании отдельного гражданина [3, с. 12–14]. Однако в настоящее время, как отмечают специалисты, отсутствует целостная система антикоррупционного правового воспитания в стране, что является частью более общей проблемы отсутствия единой системы правового воспитания в целом.

В современных условиях развитие правового воспитания определяется совокупностью многих важных факторов, среди которых можно выделить существующий уровень и векторы развития образования, содержание государственной правовой политики, готовность членов общества воспринимать правовые ценности и следовать им на практике.

Правовое воспитание, с одной стороны, предполагает получение каждым субъектом глубоких знаний о праве, его роли в обществе, перспективах развития. С другой стороны, не менее важным для правового воспитания представляется воздействие на чувственно-эмоциональную сферу личности. Каждый субъект общественных отношений должен получить сформированную систему правовых ценностей, соответствующую базовым ценностям конкретного общества. В этом случае правовое поведение субъекта будет осознанным, а цели правового воспитания — достигнутыми.

Правовое воспитание направлено на формирование определенного мировоззрения, связанного со стойким комплексом представлений субъекта о праве, а также на развитие ценностного комплекса, связанного с позитивным отношением к праву. Поэтому важной составной частью правового воспитания выступает правовое просвещение. Однако оно не в полной мере способствует формированию правовых убеждений личности, знания о праве не всегда трансформируются в ценностные ориентиры личности. Желаемому результату способствует целенаправленное и комплексное воспитательное воздействие. Поэтому просвещение и воспитание следует рассматривать как две важные

и неразрывные стороны педагогической деятельности. В процессе правового воспитания происходит формирование высоких нравственных качеств, которые имеют большое значение для становления осознанного правового поведения личности: честности, ответственности, законопослушности [3]. В силу этого правовое воспитание приобретает высокую значимость для общества и государства, а потому должно осуществляться на основе целенаправленной государственной политики.

Высказанные суждения позволяют сформулировать ряд тезисов по поводу правового воспитания.

Во-первых, правовое воспитание необходимо рассматривать как один из приоритетов деятельности государства в сфере образования. Это возможно лишь в общем контексте понимания образования как важной функции государства и воспитания как неотъемлемой части образовательного процесса.

Во-вторых, в основе правового воспитания должна лежать ценностная модель, отвечающая высоким правовым идеалам современного общества, соответствующая принципам и нормам действующей конституции.

В-третьих, важное значение для успешного правового воспитания имеет его комплексный и целенаправленный характер. Поэтому предлагается разработать и принять на федеральном уровне комплексную Стратегию развития правового воспитания в Российской Федерации на пятилетний период. В содержании такой стратегии, имеющей плано-перспективный характер, необходимо отразить цели и принципы правового воспитания, его аксиологическое наполнение, формы и методы. В этом случае можно надеяться на успех соответствующей деятельности, конечным итогом которой станет формирование у людей высокого уровня правосознания как основы должного правового поведения в обществе.

Литература

1. Николаев А. И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2019. № 4. С. 44–48.
2. Николаев А. И. Права человека в условиях информационного общества // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 1. С. 10–14.
3. Пашенцев Д. А. и др. Антикоррупционное правовое воспитание: научно-практическое пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М.: Проспект, 2020. 144 с.
4. Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права // Право и образование. 2019. № 7. С. 4–9.

Literatura

1. Nikolaev A. I. Voprosy` cifrovizacii prava v sovremennoj juridicheskoj doktrine // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2019. № 4. S. 44–48.

2. Nikolaev A. I. Prava cheloveka v usloviyax informacionnogo obshhestva // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2017. № 1. S. 10–14.

3. Pashencev D. A. i dr. Antikorrupcionnoe pravovoe vospitanie: nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. D. A. Pashenceva. M.: Prospekt, 2020. 144 s.

4. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya vliyaniya sovremenny`x cifrovyy`x tekhnologij na razvitie prava // Pravo i obrazovanie. 2019. № 7. S. 4–9.

**T. V. Korchagina,
A. I. Nikolaev**

Legal Education in Modern Realities

The article reveals the importance of legal education, shows its forms in modern conditions. The relationship between legal upbringing, legal awareness and education, as well as the value character of legal education is emphasized. The influence of the digitalization process on legal education is shown. It is concluded that it is necessary to develop and implement a strategy for the development of legal education in the Russian Federation.

Keywords: legal upbringing; legal awareness; education; human rights; digitalization.

И. А. Васильев

Клубы-организаторы Суперлиги нарушили акты УЕФА?

Объявление ряда ведущих футбольных клубов Европы весной 2021 года о создании нового турнира, не организованного УЕФА, не стало громом среди ясного неба. УЕФА начал поиск нормативных оснований в своем регулировании для привлечения клубов к спортивной ответственности. В своем исследовании автор рассматривает Устав УЕФА и Регламент УЕФА по лицензированию в целях поиска возможных юридических оснований для привлечения клубов-организаторов Суперлиги к спортивной ответственности.

Ключевые слова: Суперлига; футбольные соревнования; соревнования УЕФА; Устав УЕФА; регламенты УЕФА; лицензирование; спортивная ответственность.

Введение

Официальный пресс-релиз о создании так называемой Суперлиги¹ появился 18 апреля 2021 года. Он ознаменовал создание 15 клубами нового соревнования по футболу в Европе не под юрисдикцией Союза европейских футбольных федераций (далее — УЕФА, конфедерация) или Международной федерации футбола (далее — ФИФА). Причина появления лиги достаточно завуалированно была подана через ситуацию экономической турбулентности в европейском футболе, вызванной пандемией. Как отмечалось, клубы-создатели в течение многих лет участия в соревнованиях УЕФА всегда ставили перед собой цель — добиться повышения качества и интенсивности таких соревнований. Однако начавшаяся эпидемия коронавируса и связанные с ней издержки форсировали поиск более устойчивого подхода для поддержки европейского футбола. Предложенные же УЕФА решения

¹ Официальный сайт Суперлиги. URL: <https://thesuperleague.com/press.html> (дата обращения: 05.07.2021).

не виделись для ряда клубов панацеей против фундаментальных проблем, поэтому и появилась Суперлига. В каком-то смысле данный кейс является одним из череды ситуаций, заставляющих задуматься о существующей пирамиде управления в европейском футболе².

Новый турнир предполагает участие 20 клубов, из которых 15 являются основателями и перманентными участниками, а оставшиеся 5 должны проходить в соревнование на основании достижений в предыдущем сезоне в национальных чемпионатах (заметим, что это не что иное, как пропуск по типу wild card, используемый, например, в баскетбольной Евролиге³). Матчи планировалось проводить в середине недели, сохраняя внутренний календарь национальных футбольных соревнований. Данный аспект Суперлиги является крайне важным, так как работает на сохранение на национальном уровне основы подготовки и спортивного развития клубов, футболистов, тренеров и персонала.

Просуществовав несколько дней, Суперлига потеряла большинство клубов-основателей, из которых верными договору о создании соревнования остались только футбольные клубы «Барселона», «Ювентус» и «Реал Мадрид»⁴. Данный факт не остался без внимания УЕФА. Вышедшие клубы урегулировали вопрос с конфедерацией, понеся определенные финансовые расходы и обязуясь осуществить инвестиции в развитие футбола⁵. В отношении трех оставшихся клубов была начата процедура проверки их действий, связанных с созданием нового турнира, на предмет соответствия правовому регулированию УЕФА⁶. В результате против «Барселоны», «Ювентуса» и «Реал Мадрида» 25 мая 2021 года было возбуждено дисциплинарное производство за возможное нарушение нормативно-правовой базы УЕФА⁷, которое, впрочем, было приостановлено 9 июня⁸ в связи с подачей 31 мая Суперлигой заявления

² Robby Houben. A letter to the Editor-in-Chief // The International Sports Law Journal. 2021. № 21 (6–7).

³ См., например, 2021–22 EuroCup season to start under revamped competition model. URL: <https://www.euroleaguebasketball.net/euroleague-basketball/news/i/bghapniwxcysyre33/2021-22-eurocup-season-to-start-under-revamped-competition-model> (дата обращения: 05.07.2021).

⁴ Клубы АПЛ официально вышли из Суперлиги — Аньелли признал, что без них проект невозможен. Без заявлений только «Барса» и «Реал». URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/odukhevremeni/2912944.html> (дата обращения: 05.07.2021).

⁵ UEFA approves reintegration measures for nine clubs involved in the so-called «Super League». URL: <https://www.uefa.com/insideuefa/mediaservices/mediareleases/news/0269-123871bd86ca-d9571aa78f72-1000--/> (дата обращения: 05.07.2021).

⁶ Чеферин о реинтеграции 9 из 12 клубов Суперлиги: «Они осознали ошибки. С остальными УЕФА будет разбираться». URL: <https://www.sports.ru/football/1096861505-cheferin-oreintegraczi-9-iz-12-klubov-superligi-oni-osoznali-oshibki.html> (дата обращения: 05.07.2021).

⁷ Proceedings opened against Real Madrid CF, FC Barcelona and Juventus FC. URL: <https://disciplinary.uefa.com/insideuefa/disciplinary/updates/0269-125cd4eadd13-fbde697983d0-1000--proceedings-opened-against-real-madrid-cf-fc-barcelona-and-juve/> (дата обращения: 05.07.2021).

⁸ Stay of Proceedings against FC Barcelona, Juventus FC and Real Madrid CF. URL: <https://www.uefa.com/insideuefa/disciplinary/updates/026a-127aba32c876-2b582edec896-1000--stay-of-proceedings-against-fc-barcelona-juventus-fc-and-real-m/> (дата обращения: 05.07.2021).

в Европейский суд о нарушении УЕФА норм Договора о функционировании Европейского союза в части гарантий экономической конкуренции⁹. Как отмечается в прессе, аналогичный по предмету запрос от судьи Коммерческого суда Мадрида последовал после начала 11 мая проверки УЕФА в отношении трех клубов. Судью интересовало, обладают ли УЕФА и ФИФА монополией на организацию международных клубных соревнований и если это так, то не нарушает ли это принципы экономической конкуренции¹⁰.

Судья Коммерческого суда Мадрида 1 июля издал приказ с требованием к УЕФА прекратить преследование в отношении трех клубов, оставшихся организаторами Суперлиги, запретив также применять к ним какие-либо спортивные санкции. Отдельно в данном приказе судья отменил для клубов «Барселона», «Ювентус» и «Реал Мадрид» все завуалированные санкции, о которых УЕФА отдельным соглашением договорился с клубами, являвшимися организаторами нового турнира: сокращение на 5 % дохода, взнос в Фонд спортивной солидарности УЕФА в размере 15 миллионов евро, а также штраф в размере 100 миллионов евро в случае несоблюдения обязательств по соглашению и, в частности, если они намерены участвовать в Суперлиге¹¹.

На момент написания статьи (5 июля 2021 года) сложилась следующая ситуация: с одной стороны, мы ожидаем развития событий в Европейском суде и, с другой стороны, нам не известно, какие нарушения своих актов УЕФА вменяет оставшимся клубам. Поэтому прогнозируем, какое нормативно-правовое регулирование УЕФА могло быть нарушено создателями Суперлиги.

Вариант 1. Нарушение клубами Устава УЕФА

Устав УЕФА (далее — Устав) в положениях ст. 2 определяет комплекс целей данной спортивной конфедерации. Из них выделим потенциально интересующие нас в связи с кейсом Суперлиги: «d) организовывать и проводить международные футбольные соревнования и турниры на европейском уровне по всем видам футбола, уважая здоровье игроков; e) предотвращать любые методы или действия, которые могут поставить под угрозу регулярность матчей, или соревнований, или привести к злоупотреблениям в футболе; j) защищать

⁹ European Super League claims UEFA, FIFA in violation of EU Competition rules in a reference from Madrid Court. URL: <https://twitter.com/EUCourtPress/status/1399272856228356097> (дата обращения: 05.07.2021).

¹⁰ Суперлига в суде ЕС обвинила УЕФА в нарушении закона о конкуренции. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/430907-superliga-v-sude-es-obvinila-uefa-v-narushenii-zakona-o-konkurencii> (дата обращения: 05.07.2021).

¹¹ El juez exige a la UEFA que no excluya a los equipos de la Superliga y amenaza con multas. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2021-07-01/el-juez-exige-a-la-uefa-que-no-excluya-a-los-equipos-de-la-superliga-y-amenaza-con-multas_3162164/ (дата обращения: 05.07.2021).

общие интересы ассоциаций-членов; к) обеспечить надлежащий учет потребностей различных заинтересованных сторон в европейском футболе (лиг, клубов, игроков, болельщиков)»¹².

Условием участия в соревнованиях должно быть согласие каждого клуба, состоящего под юрисдикцией национальной федерации, соблюдать Устав, акты и решения компетентных органов конфедерации, принятые в соответствии с ними¹³, а также каждый участник соревнований УЕФА при направлении своей заявки должен подтвердить в письменной форме, что клуб, его игроки и официальные лица признали и приняли эти обязательства¹⁴. Подобным образом акты УЕФА распространяются на клубы, желающие принимать участие в соревнованиях конфедерации.

Объединяя процитированные ранее цели, мы можем сформулировать два тезиса, которые пригодятся нам впоследствии. Во-первых, УЕФА определяет себя организатором любых футбольных соревнований на территории Европы между клубами, принадлежащими к федерациям-членам. Статус подтверждается в положениях ст. 49 Устава: УЕФА обладает исключительной юрисдикцией для организации или отмены международных соревнований в Европе, в которых участвуют федерации-члены и/или их клубы (за исключением соревнований, организатором которых выступает ФИФА)¹⁵. Данный посыл связан не только со взятой на себя обязанностью обеспечения регулярности соревнований, но также и с противодействием любым формам злоупотребления федерациями и клубами своими правами в европейском футболе. Во-вторых, УЕФА выступает гарантом координации и защиты интересов различных субъектов, вовлеченных в европейский футбол (тех самых stakeholders), по всем аспектам их участия в организуемых соревнованиях.

УЕФА в нормах Устава последовательно выступает против существования организаторов футбольных соревнований в европейском масштабе, действующих не в юрисдикции конфедерации. Для соревнований европейского уровня УЕФА использует категоричный термин, называя ст. 51 Устава «Запрещенное объединение в группы»: никакие организации или союзы между федерациями — членами УЕФА или между лигами или клубами, прямо или косвенно связанными с разными федерациями — членами УЕФА, не могут быть созданы без разрешения УЕФА¹⁶. Лишение клубов права создания организации не под эгидой УЕФА может быть проверено при помощи теста

¹² UEFA Statutes. Edition 2021. Article 2. Objectives. URL: <https://documents.uefa.com/v/u/OsXl2S7PUiUKy7gCop4Q5w> (дата обращения: 05.07.2021).

¹³ Там же. Article 50. Entry. URL: <https://documents.uefa.com/v/u/OsXl2S7PUiUKy7gCop4Q5w> (дата обращения: 05.07.2021).

¹⁴ Там же. Article 59. 3. URL: <https://documents.uefa.com/v/u/OsXl2S7PUiUKy7gCop4Q5w> (дата обращения: 05.07.2021).

¹⁵ Там же. Article 49 Jurisdiction. URL: <https://documents.uefa.com/v/u/OsXl2S7PUiUKy7gCop4Q5w> (дата обращения: 05.07.2021).

¹⁶ Там же. Article 51. Prohibited Groupings. URL: <https://documents.uefa.com/v/u/OsXl2S7PUiUKy7gCop4Q5w> (дата обращения: 05.07.2021).

на пропорциональность¹⁷, на чем мы остановимся впоследствии в настоящем исследовании.

После ознакомления с приведенными нормами складывается впечатление, что создание Суперлиги формально противоречит текущей редакции Устава УЕФА, причем целой плеяде норм данного акта организации. Впрочем, последствия такой контрадикции не всегда очевидно неправомерны.

С одной стороны, достаточно гибкая формулировка целей УЕФА о надлежащем учете интересов широких кругов футбольной общественности представляется нам той самой обоснованной целью использования института спортивной ответственности в отношении клубов, желающих революционно изменить картину европейского футбола. В то же время правомочен вопрос: насколько попираемы интересы субъектов, вовлеченных в соревнования УЕФА фактом создания Суперлиги? Календарь соревнований на национальном уровне не подвергается риску, что прямо следует из пресс-релиза лиги. Регулярность проведения соревнований также не пострадает. Но, пожалуй, это два единственных интереса, которые могут оставаться перманентными вследствие появления Суперлиги. Клубы-участники соревнований УЕФА вправе сослаться на снижение доходов от своих выступлений — таковые объективно зависят от того, сколько заработает конфедерация благодаря турнирам, а отсутствие ведущих клубов Европы вряд ли скажется, даже нейтрально, на интересе рекламодателей и спонсоров. Здесь мы прогнозируем практически неизбежное снижение коммерческой привлекательности соревнований. Соответственно, и болельщики только на первый взгляд сохраняют статус-кво своих интересов: зрелищность прежних соревнований теперь конкурирует с новым турниром и тем самым расширяется аудитория, вовлекая новых зрителей в футбольную семью. Интересы футболистов, имеющих действующие договоры с клубами Суперлиги, фактом появления данного соревнования поднимаются на новый уровень: есть перспективы увеличения оплаты труда, привлечения новых персональных спонсоров, приумножения личного престижа, в конце концов. При этом положение игроков, выступающих за клубы-участники соревнований УЕФА, может испытывать давление за счет снижения внимания зрителей, а значит, и рекламодателей, спонсоров, потенциальных инвесторов и владельцев. После завершения срока договора с клубом футболист может оказаться в ситуации недостижимости прежнего уровня оплаты в силу наступления другой финансовой реальности. Наконец, интересы футбольных федераций — членов УЕФА, до момента вмешательства Суперлиги во внутренние дела и право нормотворчества таких ассоциаций никак не затрагиваются появлением нового соревнования.

Получается, что интересы разных субъектов европейской футбольной семьи (stakeholders) приобретают неоднозначную перспективу в связи с появлением Суперлиги: налицо разнонаправленная динамика как в плюс, так и в минус

¹⁷ См., например, Kai Möller. Proportionality: Challenging the critics // International Journal of Constitutional Law. Volume 10. Issue 3. P. 709–731.

(с приоритетом первого, пожалуй). Это наличие положительного эффекта позволяет говорить о недопустимости отсылки к негативному влиянию на интересы субъектов как основанию защиты УЕФА перечисленных уставных целей. Не беря на себя ответственность говорить о сбалансированности интересов, мы все же подчеркнем сложность аргументации в пользу УЕФА о нарушении фактом создания нового соревнования положений e, j, k ст. 2 Устава как целей организации.

Оставшийся п. d ст. 2 Устава коррелирует с позиционированием себя УЕФА как единственного организатора футбольных соревнований на европейском уровне, не считая ФИФА. Конечно, обращает на себя внимание отсылка, читаемая между строк, к защите жизни и здоровья футболистов. Но таковая, как представляется в результате анализа языка нормы, преподнесена конфедерацией не в качестве гарантии, недостижимой другими организаторами, а в качестве принципа проведения соревнований, обязательного для УЕФА. При этом любое соревнование УЕФА является квинтэссенцией экономической деятельности организации: извлечение и перераспределение между участниками прибыли вряд ли может быть оспорено как одна из целей проведения. Прямой запрет на объединение в любые группы без согласия УЕФА, поправленный создателями Суперлиги, может рассматриваться в качестве злоупотребления доминирующим положением¹⁸ регулятора европейского клубного футбола. В связи с вышесказанным напрашивается вопрос о выходе за пределы специфики спорта как периметра защиты УЕФА права своего нормотворчества в условиях действия Договора о функционировании Европейского союза и соответствующих норм о защите экономической конкуренции. Однако такое полноценное исследование достойно отдельной научной статьи, поэтому ограничимся постановкой очевидной проблемы.

Проверка нормы ст. 51 Устава УЕФА при помощи классического теста на пропорциональность ограничений прав включает четыре вопроса: (1) наличие правомерной цели регулирования; (2) регулирование противоречит праву субъекта; (3) выбор регулирования, подходящего для цели; (4) установление приоритетной цели из двух конкурирующих (цель регулирования vs право субъекта).

Является ли преследуемая цель правомерной? Очевидно, что при помощи ограничительной нормы УЕФА элиминирует риски появления в европейском измерении футбола (а) новой конфедерации со своими членами и (или) (б) нового организатора соревнований между клубами. Такие интересы, как мы ранее отмечали, являются разнонаправленными, и некоторые из них в рамках Суперлиги получают свое дополнительное развитие в сравнении с текущими соревнованиями. Наличие у УЕФА как корпоративной организации уставного статуса регулятора в европейском футболе не означает по умолчанию выбора

¹⁸ Доминирование не эквивалентно злоупотреблению и является способом обеспечения единообразия регулирования и правоприменительной практики в видах спорта на конкретной территории.

цели регулирования за пределами интересов субъектов-участников. Нам кажется неочевидным, что конфедерация может предоставить особые материальные (финансовые, социальные) и юридические (защита жизни и здоровья, личных прав) гарантии для футболистов и клубов в сравнении с новым соревнованием. В то же время и Суперлига не представила детализации планируемых критериев допуска. Но, как следует из пресс-релиза, критерии гарантированно будут выборочными: не все клубы, принадлежащие к национальным футбольным федерациям, получают право участия — такое предоставит только орган управления нового соревнования, включая возможное введение своего лицензирования и финансового регулирования в отношении хозяйственной деятельности клубов, своих дисциплинарных правил и спортивной ответственности участников. Поэтому при отсутствии конкретики в части материальных и юридических гарантий для участников Суперлиги чаша весов балансирования ценностей может склониться в пользу конфедерации. Не будем забывать: УЕФА выполняет консолидирующую роль в европейском футболе, что означает комплексное действие. Конфедерация объединяет национальные федерации, лиги и клубы в пирамиду соревнований по спортивному принципу, открывает глобальное пространство для становления игроков и тренеров, создавая возможности для получения прибыли от участия в организованных соревнованиях.

Действительно ли выбранное регулирование противоречит праву субъекта? В нашем случае — праву клубов объединиться в Суперлигу как организацию, созданную без согласия УЕФА. Необходимо установить наличие или отсутствие конфликта ценностей двух субъектов: конфедерации и клубов-организаторов. Представляется, что присутствие такого конфликта является реальным. С одной стороны, есть защищенность клубов в пирамиде организации соревнований по спортивному принципу, проводимая УЕФА как ценность, достижимая в условиях отсутствия неverified соревнований. С другой стороны, юридические, материальные и зрительские интересы субъектов в Суперлиге могут получить более полное удовлетворение в сравнении с соревнованиями, организованными УЕФА. Следовательно, мы можем переходить на следующий этап теста пропорциональности.

Третьим вопросом является *выбор подходящего для такой цели регулирования*. Возможной целью обсуждаемой нормы выступает защищенность клубов в пирамиде организации соревнований по спортивному принципу: справедливые критерии допуска (в том числе лицензирование и финансовый фэйр-плей, последний признан ценностью Европейским парламентом¹⁹); наличие нормативных определений для дисциплинарных проступков и спортивной ответственности субъектов футбола; прозрачный механизм распределения прибыли между участвующими клубами и некоторые другие. Но даже при таком подходе

¹⁹ См. Arbitration CAS 2020/A/6785 Manchester City FC v. UEFA, para. 104. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Award_CAS_6785_internet.pdf (дата обращения: 05.07.2021).

запрет объединений нам не представляется безальтернативным подходом. Напрашивается создание конфедерацией таких условий, при которых клубы не откажутся от соревнований, организованных УЕФА, в пользу иного проекта. Суперлига привлекала потенциалом распределения прибыли (именно прогнозом, но зафиксированным на первый сезон, по-видимому, в учредительном соглашении). Благодаря данному прецеденту мы видим, что установленный УЕФА запрет представляет собой ограничение возможности распоряжаться своими ресурсами (в нашем случае для клубов — спортивными возможностями) способом, который приносит максимальную финансовую выгоду. Поэтому нельзя признать состоявшееся регулирование по установлению запрета на объединение в Суперлигу наименее ограничительным способом защиты преследуемых конфедерацией целей. Соответственно, переходить на четвертый этап теста на пропорциональность не требуется.

Отметим, что нарушение любого из положений Устава УЕФА является основанием для применения спортивных санкций, предназначенных для клубов и перечисленных в положениях ст. 53. Правда, необходимо сделать уточнение. Формальным ограничением для определения санкции и ее размера выступает ст. 23 Дисциплинарного регламента, согласно положениям которой учитываются объективные и субъективные элементы правонарушения, а также отягчающие и смягчающие обстоятельства²⁰. Есть и менее очевидный нюанс, который должен быть использован в спортивном правосудии для выполнения принципа соразмерности, требующего от санкций не только карающего, но и превенционного эффекта. Как нам представляется, большинство санкций выбраны предметно для конкретных нарушений (например, для нарушения правил лицензирования и финансового фэйр-плей — запрет на регистрацию клубом новых футболистов в соревнованиях УЕФА, ограничение количества игроков для таких соревнований, отзыв выданной клубу лицензии), другие являются универсальными (предупреждение или штраф). Для клубов — организаторов Суперлиги — корреспондирующими санкциями могут выступать либо штраф (но обосновать его превенционную и карающую направленность сложно), либо дисквалификация на текущих соревнованиях и (или) исключение из будущих соревнований (что обладает превенционной целью, равно как и карающей)²¹. Выбор иной меры принуждения из перечня, представленного в ст. 53, не будет отвечать логике обусловленности негативных последствий содержанием совершенного проступка. Штраф представляет собой материальные потери клуба вследствие невыполнения им взятых на себя негативных обязательств воздерживаться от организации неverified соревнования. Дисквалификация / исключение из соревнований, проводимых под эгидой

²⁰ UEFA Disciplinary Regulations Edition 2020. Article 23 Determination of disciplinary measures. URL: https://documents.uefa.com/v/u/ZNsWJsRSmOuSS2Ql_y8~qQ (дата обращения: 05.07.2021).

²¹ Там же. Article 53. URL: https://documents.uefa.com/v/u/ZNsWJsRSmOuSS2Ql_y8~qQ (дата обращения: 05.07.2021).

УЕФА, отстраняет клуб как субъекта, выбравшего участие в другом состязании. Другие санкции сконструированы как негативное воздействие в ситуациях нарушения требований об организации матчей и порядке на них, поведении болельщиков, упомянутого ранее лицензирования и финансового фэйр-плей, некоторых других видов проступков.

Вариант 2. Нарушение правил лицензирования и финансового фэйр-плей

Данный прогноз нами представлен как гипотетический, поскольку производство в отношении нескольких клубов — организаторов Суперлиги — было открыто дисциплинарным и этическим инспектором²², но не инспектором Следственной палаты органа по лицензированию и финансовому контролю за клубами УЕФА²³.

Регламент УЕФА по лицензированию и финансовому фэйр-плей содержит норму о принятии клубами-участниками обязательства по соблюдению нормативно-правовой базы конфедерации²⁴, дополняя его требованием участия на международном уровне только в соревнованиях, признаваемых УЕФА или ФИФА (за исключением товарищеских матчей)²⁵. Нарушение приведенных положений ст. 43 ведет к привлечению к спортивной ответственности на основании названного регламента в соответствии с его ст. 19. Перечень санкций, представленных в этой статье, идентичен ранее рассмотренным нами нормам Устава и Дисциплинарного регламента УЕФА, но включает уточнение в отношении ограничения на количество игроков, зарегистрированных клубом для участия в соревновании УЕФА, и на потолок оплаты труда футболистов, включенных в лист «А» клуба²⁶.

Наличие в Регламенте по лицензированию и финансовому фэйр-плей обязанности признания нормативно-правовой базы, идентичной Уставу УЕФА для участников соревнований УЕФА, формально позволяет привлекать клубы

²² Following an investigation conducted by UEFA Ethics and Disciplinary Inspectors in connection with the so-called ‘Super League’ project, disciplinary proceedings have been opened against Real Madrid CF, FC Barcelona and Juventus FC for a potential violation of UEFA’s legal framework. URL: <https://www.uefa.com/insideuefa/disciplinary/updates/0269-125cd4eadd13-fbde697983d0-1000--proceedings-opened-against-real-madrid-cf-fc-barcelona-and-juve/> (дата обращения: 05.07.2021).

²³ Procedural rules governing the UEFA Club Financial Control Body Edition 2019. Chapter 1 Investigatory Chamber. request. URL: <https://documents.uefa.com/v/u/tiwZWPkjhpinhndT5sc9A> (дата обращения: 05.07.2021).

²⁴ UEFA Club Licensing and Financial Fair Play Regulations Edition 2018. Article 43. Declaration in respect of participation in UEFA club competitions. URL: <https://documents.uefa.com/v/u/MFxeqLNKelkYuh5JSafuhg> (дата обращения: 05.07.2021).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Article 29 — List of disciplinary measures. URL: <https://documents.uefa.com/v/u/MFxeqLNKelkYuh5JSafuhg> (дата обращения: 05.07.2021).

к ответственности за нарушение любого из актов, но согласно разным процедурам. Для Устава производство дел идет на основании Дисциплинарного регламента, для Регламента о лицензировании и финансовом фэйр-плей — согласно Процедурным правилам Органа УЕФА по лицензированию и финансовому контролю. Отличие двух процессов заключается в полноценной стадии предварительного расследования во втором случае (с особенными последствиями). Негативный сценарий для клубов по завершении проверки может выражаться либо в предложении заключения мирового соглашения, либо в применении к клубу с его согласия определенных спортивных санкций, либо в передаче спора на рассмотрение Палаты по разрешению споров Органа УЕФА по лицензированию и финансовому контролю²⁷.

Ранее мы отметили, что УЕФА вынужденно приостановила производство в отношении ряда клубов по факту создания Суперлиги, несмотря на завершение расследования дисциплинарного и этического инспектора и установление им нарушения(ий) нормативно-правовой базы УЕФА. Текущая ситуация препятствует открытию дисциплинарного процесса вследствие нарушения организаторами Регламента УЕФА по лицензированию и финансовому фэйр-плей. Но нам представляется, что и в отсутствии основания для приостановления дисциплинарного преследования клубов, ссылка на вышеприведенные нормы Регламента вряд ли позволила УЕФА получить безапелляционную позицию о состоявшемся спортивном проступке. И если лицензионное условие признания любых правовых актов УЕФА не вызывает вопроса с точки зрения пропорциональности регулирования²⁸, то другое требование об участии на международном уровне только в соревнованиях, признаваемых УЕФА или ФИФА, должно быть проверено при помощи известного нам теста.

Налицествует ли правомерная цель используемого регулирования? Ограничение права участия в несогласованных соревнованиях должно быть обусловлено высокопорядковой целью-ценностью. В качестве таковой видится (1) защита жизни, здоровья футболистов, выступающих за клубы и (или) (2) гармоничное сосуществование европейских турниров с национальными чемпионатами. Постулирование ценности(ей) означает при возникновении спора о пропорциональности доказывание УЕФА презумпции, что официальные соревнования, организованные не конфедерацией или ФИФА, не соответствуют некоему неписаному и неопределенному стандарту для таких спортивных событий, проводимых в европейском масштабе. В то же время коммерческие притязания УЕФА, стремление к максимизации прибыли даже в интересах участников организованных соревнований не видятся такой целью. Насколько существующее положение регламента соответствует принципам экономической конкуренции, когда любое соревнование является

²⁷ Там же. Article 14 — End of the investigation. URL: <https://documents.uefa.com/v/u/MFxeqLNKkelYuh5JSafuhg> (дата обращения: 05.07.2021).

²⁸ Пропорциональной является норма-обязанность признания актов, но сами ограничения, следующие из нормативно-правовой базы конфедерации, нуждаются в самостоятельных проверках.

не только социальным событием, но и источником получения участниками дохода? Клубы, участвующие в соревнованиях УЕФА, вынуждены не рассматривать к участию любые турниры, пока таковые не получают признания конфедерации или ФИФА, даже при условии их некоммерческого характера для участников. По сути, рассматриваемый запрет преследует одну цель — концентрацию интереса зрителей, а значит и субъектов, проводящих трансляции, спонсоров и рекламодателей только на соревнованиях УЕФА в отсутствие альтернативы. При этом материальные и юридические гарантии для игроков и участвующих клубов, как мы отмечали ранее в настоящем исследовании, нуждаются в сравнении между текущим регулированием УЕФА и проектом Суперлиги, не демонстрирующим на текущий момент необходимой детализации.

Интерес футболистов, клубов и национальных федераций в гармоничном сочетании соревнований национального и европейского уровней за счет блокирования участия клубов по своему усмотрению в иных спортивных событиях представляется нам спорным. Клубы могут самостоятельно определять стратегию своего развития, а возможные риски для сочетания графиков национальных и европейских соревнований должны выявляться самими участвующими субъектами. УЕФА как конфедерация, отвечающая за развитие футбола в Европе, должна предлагать для своих соревнований критерии участия, гармонизирующие сосуществование таковых с другими событиями, но не препятствующие клубам осуществлять выбор между фреймом футбольной пирамиды и внешних организаторов. Таким образом, мы имеем дело с массивом разных интересов вовлеченных субъектов: как субъектов футбола (конфедерации, национальные федерации, клубы, футболисты), так и иных лиц и организаций, так или иначе связанных с футбольной деятельностью.

Выбранное УЕФА регулирование противоречит праву участия клубов в любых соревнованиях? Однозначный ответ напрашивался при рассмотрении предыдущего вопроса. УЕФА установил прямой запрет клубам, подавшим заявку на Лигу чемпионов или Лигу Европы, на участие в соревнованиях, не обладающих признанием конфедерации или ФИФА. Конкуренция между нормой Регламента по лицензированию и финансовому фэйр-плей и правом клубов по выбору соревнований для участия наличествует.

УЕФА выбрало подходящее для преследуемой правомерной цели регулирование? Использование прямого запрета не отвечает интересам всех субъектов, вовлеченных в соревнования под эгидой УЕФА, за исключением самой конфедерации. В ситуации нормативной неопределенности критериев допуска клубов, не являющихся организаторами, и порядка проведения Суперлиги заявить о решении УЕФА блокировать иные соревнования для участников как о единственном доступном средстве затруднительно. Отсутствие спортивного принципа доступа к участию в Суперлиге²⁹ само по себе не может выступать обоснованием

²⁹ Отсутствие спортивного принципа участия в Суперлиге может быть признано только отчасти из-за планировавшегося гибридного формата: клубы-организаторы плюс несколько клубов, отобранных по результатам их национальных соревнований и получающих wild card.

запрета для любых организованных не под юрисдикцией УЕФА соревнований. Например, CAS признал за некоторыми футбольными федерациями как членами ФИФА историческое право организации национальных соревнований по американской модели — закрытых турниров со своей системой критериев участия и без повышения или понижения клубов³⁰. Использование запрета означает фактическую невозможность или бесперспективность иного регулирования. Но потенциал альтернативы пока что не исследован по причине отсутствия такой разработки со стороны УЕФА. Поэтому ответить утвердительно на поставленный вопрос нам представляется в очередной раз делом затруднительным, а значит, тест на пропорциональность регулирования не пройден.

Заключение

Создание Суперлиги, несомненно, являлось очередным вызовом пирамиде управления спортом³¹, в данном случае — в части европейского футбола. Сдержанная позиция ФИФА по данному кейсу говорит о неоднозначности ситуации: договариваться можно, но обе стороны понимают невысокие шансы проверки норм рассмотренных нами актов УЕФА на предмет пропорциональности введенных для клубов ограничений³² — фактических запретов на самореализацию и саморазвитие. Участвуя в соревнованиях, организованных УЕФА, клуб самообязывается на своеобразную корпоративную гильдейность: выбирай между достигнутым отбором в соревнование конфедерации и сторонними предложениями.

Санкционная риторика, открыто использованная до известного момента УЕФА, скорее всего выстраивалась вокруг несоблюдения установленного Уставом УЕФА запрета на создание клубами сторонней организации, которой явилась Суперлига. Созданное конфедерацией регулирование своим пропорциональным вторжением в основы экономической конкуренции демонстрирует любому субъекту риски не быть признанным не только в европейском

³⁰ Arbitration CAS 2017/O/5264, 5265 & 5266 Miami FC & Kingston Stockade FC v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA), Confederation of North, Central America and Caribbean Association Football (CONCACAF) & United States Soccer Federation (USSF), award of 3 February 2020. URL: <http://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/5264,%205265,%205266.pdf> (дата обращения: 05.07.2021).

³¹ Benoît Keane, Ben Foster. Sport And Competition Law — The Year In Review 2020/21. URL: https://www.lawinsport.com/topics/item/sport-and-competition-law-the-year-in-review-2020-21?category_id=112 (дата обращения: 05.07.2021).

³² Можно согласиться с европейскими исследователями: «In the authors' view, existing EU jurisprudence suggests that rules intended to prevent teams or players from participating in «unauthorised» competitions or leagues are to be regarded as anti-competitive and unlawful». См.: Chris Anderson, Tom Murray. Doomed To Fail? An Analysis Of European Super League And The Complex Web Of Football Governance, Regulations & Laws. URL: <https://www.lawinsport.com/topics/item/an-analysis-of-the-legal-and-regulatory-hurdles-facing-the-european-super-league> (дата обращения: 05.07.2021).

правосудии, но, пожалуй, и в спортивном арбитраже (CAS), во всяком случае до момента появления аргумента о недоступности иных средств регулирования, кроме сформулированного в Уставе ограничения. Как мы ранее заметили, участники добровольно признали свои обязанности соответствовать нормативно-правовому регулированию конфедерации и не ссылались на свое незнание. Но такая логика не страхует УЕФА от обвинения в нарушении анти-монопольного регулирования Европейского союза, что и произошло в кейсе Суперлиги.

Обращение к правилам лицензирования как критериям участия в соревнованиях УЕФА не привносит в кейс Суперлиги убедительного основания для привлечения клубов-организаторов к спортивной ответственности. Как представляется, именно поэтому данное регулирование, не предоставляющее конфедерации новый аргумент в сравнении с Уставом, не было задействовано для открытия дисциплинарного процесса.

Подходящим регулированием в целях поддержания исключительности соревнований в европейском масштабе, как видится автору исследования, могло выступать особое планирование графика соревнований под эгидой УЕФА. Календарь коррелировал бы только с национальными чемпионатами и событиями, организованными ФИФА, не оставляя пространства для планирования Суперлигой своих матчей. В таком случае клубам-организаторам и клубам, приглашенным в порядке *wild card*, пришлось бы делать выбор. Спонсоры и рекламодатели Лиги чемпионов, Лиги Европы, возможно, переключили бы свои интересы (читаем: сумму контрактов) на Суперлигу, учитывая бренды клубов-участников. Здесь вполне возможна и альтернатива — консервативный подход, когда сотрудничество суперлиги с УЕФА просчитывалось спонсорами более выигрышным решением в силу наличия сформированной аудитории, прозрачных и популярных конкурсов трансляций, ежегодных изменений в пуле участвующих клубов. Как следствие, вытеснение клубов-организаторов из своих соревнований или из Суперлиги имело бы амбивалентно непредсказуемый эффект для обеих конкурирующих сторон и, кажется, что этот тот случай, когда конфедерации можно и нужно решительно рискнуть без обращения к институту спортивной ответственности.

Литература / *Literatura*

1. Kai Möller. Proportionality: Challenging the critics // *International Journal of Constitutional Law*. 2016. № 10 (3). P. 709–731.
2. Robby Houben. A letter to the Editor-in-Chief // *The International Sports Law Journal*. 2021. № 21 (6–7). Published online. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40318-021-00188-w> (дата обращения: 05.07.2021).

I. A. Vasiliev

Did the Super League Host Clubs Violate UEFA Regulations?

The announcement of a new tournament not organized by UEFA by some of European leading football clubs in the spring of 2021 did not come as a bolt from the blue. UEFA has begun looking for a legal basis in its regulation to hold clubs sporting responsibility. In his research the author examines the UEFA Charter and the UEFA Licensing Regulations in order to find possible legal grounds for bringing the Super League host clubs to sporting responsibility.

Keywords: Super League; football competitions; UEFA competitions; UEFA Charter; UEFA regulations; licensing; sports responsibility.

УДК 342.8

DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.07

И. В. Минникес

Правонарушения и ответственность избирателей: сравнительно-правовой анализ

В статье с помощью синхронного и диахронного сравнения анализируется вопрос о нарушениях, совершаемых избирателем как субъектом избирательного процесса. Особое внимание уделено уклонению избирателя от выборов, избранию непригодного кандидата и совершению иных нарушений в процессе выборов или влекущих за собой последствия в виде лишения избирательных прав.

Ключевые слова: выборы; избирательное право; история выборов; избиратель; нарушения избирателей; ответственность избирателей.

Вопрос о правонарушениях избирателя и юридической ответственности за правонарушения в электоральной сфере в современном российском избирательном праве занимает весьма незначительное место.

Избиратель как лицо, наделенное субъективным активным избирательным правом и реализующее это право прежде всего посредством голосования за кандидата, а также, выражаясь языком законодателя, посредством осуществления других избирательных действий, как правило, законодательством наделен только правами.

Обязанности и ответственность возлагаются на органы, уполномоченные на проведение выборов (в частности, избирательные комиссии), кандидатов и связанных с ними лиц (доверенных лиц, уполномоченных представителей по финансовым вопросам и др.), а также на третьих лиц, независимо от того, наделены ли они правом подачи голоса на выборах (в частности, на должностное лицо за вмешательство с использованием должностного или служебного положения в деятельность избирательной комиссии с целью повлиять на ее решения, процедуру регистрации кандидатов, составление списков кандидатов, подсчет голосов избирателей и т. д.)

Крайне редко законодатель угрожает ответственностью тем, кто так или иначе имеет отношение к избирателям. Так, в ст. 142 УК РФ (в ред. Федеральных законов от 21.07.2005 № 93-ФЗ, от 01.04.2020 № 94-ФЗ), предусматривающей ответственность за фальсификацию избирательных документов, среди субъектов упоминаются члены избирательной комиссии, кандидат и уполномоченный им представитель, а также *уполномоченные представители*

избирательного объединения, группы избирателей. Однако очевидно, что сам избиратель как лицо с определенным статусом и в этом случае не является субъектом ответственности.

Но если рассматривать проблему в более широком временном и территориальном масштабе, ответственность избирателя иногда все-таки предусматривается. Опираясь на факты сравнительно-правового анализа с использованием синхронного и диахронного методов, можно заключить, что политическая или моральная ответственность избирателя, которая подразумевается при выражении избирателем своего мнения по кандидатуре, в некоторых случаях дополняется и юридической ответственностью.

Для большей иллюстративности в данной работе используются широкие хронологические рамки. Так, применительно к электоральной практике России рамки исследования включают даже феодальный период истории нашего государства, хотя и с поправкой на то, что в этот период правонарушения и ответственность фиксировались скорее казуально, нежели посредством общеобязательных норм права.

В целом же более или менее определенная и достаточно полная юридическая регламентация выборов — это достижение значительно более позднего времени. О ней можно говорить с полным правом лишь применительно к началу XX столетия. Однако и правовые документы, фрагментарно рисующие картину российских выборов в XVI–XVIII веках, дают достаточно информации для того, чтобы обосновать наиболее вероятные варианты избирательного процесса и ответственности участников выборов за свои действия (или бездействие).

Следует отметить, что основанием налагаемой на избирателя юридической ответственности может быть как правонарушение, так и иное действие, которое нельзя с определенностью отнести ни к правонарушениям, ни к правомерным действиям. В частности, это касается тех ситуаций, когда в целом правомерное действие, например голосование за определенное лицо, в последующем будет оценено властями как нарушающее интересы казны (если избранный не показал должного усердия и квалификации в работе «по выбору»).

К числу наиболее распространенных деяний избирателей, влекущих за собой юридическую ответственность, относятся уклонение избирателя от участия в выборах, совершение им правонарушения и избрание непригодного к должности кандидата.

1. Уклонение избирателя от участия в выборах

В зависимости от того, на каком этапе избирательного процесса избирателем произведено действие или бездействие, можно выделить несколько видов данного правонарушения: а) уклонение от статуса избирателя; б) уклонение от явки на выборы; в). уклонение от участия в голосовании и подтверждении его итогов.

Уклонение от статуса избирателя

Первый вид правонарушения относится к изучаемому вопросу лишь косвенно. Пока лицо не признано избирателем, оно, соответственно, и не должно отвечать как избиратель.

Однако из этого очевидного постулата бывают и исключения. Они связаны с тем, что на ранних этапах существования выборов статус избирателя не имел строгого юридического оформления. Во многом наличие или отсутствие избирательных прав было делом ситуации или субъективной воли.

Так, если вспомнить историю выборов в Земские соборы и местные власти в XVI–XVII веках, можно найти упоминание о людях, которые не имели права голоса на конкретной территории, но по требованию управомоченного лица привлекались к голосованию. Несмотря на то что их желание/нежелание стать избирателями в данном случае роли не играло, они могли стать мишенью недовольства жителей и субъектов, управомоченных на проведение выборов [10, с. 257–266]. В XVIII веке неоднократно жители территорий отказывались от выборов и, следовательно, от субъективного избирательного права, мотивируя этот отказ отсутствием достойных кандидатов: в 1761 году от уфимских жителей пришло прошение с просьбой уволить от «выбора» своих купцов из-за их малолюдства; просьбу освободить от выборов подали торопчане, жалуюсь, что у них в городе из купцов выбрать некого [7, с. 105–107]; годом позже купцы Переяславля-Залесского попросили позволения избрать в комиссию депутата от «приписного» Ростова, поскольку «переяславские купцы пришли в крайнее изнеможение и убожество» от сильного пожара [Там же, с. 130]. Но столичные власти в большинстве случаев выражали недовольство такими просьбами и грозили неблагоприятными последствиями для жителей.

Следует отметить, что в каком-то смысле этот вид нарушений сходен со следующим — уклонением от явки на выборы. Дело в том, что в тот период списков избирателей просто не существовало. То, что конкретное лицо является избирателем, диктовалось социальной принадлежностью, а документально обычно подтверждалось включением то в списки «по службе», то в документы о налогообложении. Поэтому избирателем автоматически становился тот, чье имя было внесено в какой-либо список, например посадских людей, дворян (по выбору) или детей боярских. Учитывая то, что официальный список и реальное число наличествующих в конкретный период времени посадских, дворян или детей боярских были величинами существенно разнящимися, создавалась благоприятная ситуация для отказа от статуса избирателя.

Уклонение от явки на выборы

Явка избирателей, как справедливо отмечено на VII Международной конференции по образованию и социальным наукам, рассматривается специалистами как важный показатель состояния здоровья любой демократии, старой или новой,

консолидированной или переходной. Помимо этого, явка избирателей является наиболее важной формой политического участия, особенно в день выборов [18, с. 662–663]. Однако до сих пор ученые и практики ставят вопрос о разработке наиболее эффективных методов привлечения избирателей на голосование.

Оценка неявки как вида правонарушения предполагает, что субъективное право избирать дополнено коррегирующей праву обязанностью.

Многие авторы высказываются в пользу введения обязательного голосования как одного из самых верных способов повышения явки. В современной электоральной практике обязанность избирателя участвовать в выборах предусмотрена законодательством нескольких стран. Невыполнение предписанной законом обязанности влечет за собой определенные санкции.

Отсутствие избирателя на выборах обычно наказывается штрафом, хотя некоторые исследователи отмечают, что на представителей высшего и среднего слоев населения большее влияние оказывают немонетарные санкции [16, с. 273].

В Египте ранее штраф имел символический размер — 1 доллар. Но теперь уже не так. По данным издания «Аль-Ватан», Национальная избирательная комиссия Египта подготовила список избирателей, которые в марте 2018 года не проголосовали на президентских выборах. Каждому избирателю, не явившемуся на выборы без уважительной причины, грозил штраф в 500 египетских фунтов¹. Неявка на выборы в Пакистане влечет за собой ответственность от наложения штрафа до 5 лет каторжных работ, в Люксембурге, Бразилии и Аргентине пассивность избирателя может стоить ему должности в государственном органе².

Но и в тех случаях, если закон не имел определенных указаний на последствия неявки, полностью исключить абсентеизм из ряда правонарушений невозможно. Так, в документальных сведениях о практике российских выборов XVIII века время от времени всплывают упоминания о наказаниях за неявку на выборы. Например, в 1761 году в Угличе в назначенное для голосования время не появился в месте выборов ни один избиратель. Провинциальная канцелярия заново назначила дату голосования, но, помимо извещения избирателей, приняла дополнительные меры по принуждению к тому съезду; в Мосальске в 1767 году дворяне за три неявки были лишены губернатором права на участие в выборах [3, с. 329]; в Серпухове за отсутствие на сходах у купца Сокольникова отобрали ранее переданные ему луга [5, с. 639]; такое же обвинение предъявили кандидату в магистрат в Кашире, обосновывая его непригодность к выборным службам [6, с. 69].

¹ Миллионам египетских граждан грозит штраф за неявку на выборы [Электронный ресурс] // Информационный портал газеты Известия. 2018. 9 октября. URL: <https://iz.ru/798146/2018-10-09/millionam-egipetskikh-grazhdan-grozit-shtraf-za-neiavku-na-vybory> (дата обращения: 03.09.2021).

² Международный опыт по введению штрафных санкций за неявку на выборы [Электронный ресурс] // Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. URL: https://www.rcoit.ru/news/35110/?sphrase_id=48083 (дата обращения: 04.09.2021).

Следует отметить, что принудительное «избирательное право» в целом нехарактерно для российской электоральной практики, а санкции за неявку имеют казуальную природу.

Уклонение от участия в голосовании и подтверждении его итогов

Как доказывает многолетняя электоральная практика, явка избирателей для голосования не гарантирует, что действия электората будут соответствовать правовым нормам и не вызовут осуждения со стороны властей.

Примером может служить привлечение к суду так называемых неверных выборщиков на президентских выборах в США³. Хотя обязанность выборщика проголосовать только за победителя от штата в американском законодательстве не предусмотрена напрямую, но в некоторых штатах отказ от такого голосования влечет наказание в виде штрафа или назначение выборщиком другого человека.

В современном российском праве нормы об ответственности за такие действия отсутствуют. Однако так было не всегда. В частности, об этом говорит воеводская отписка 1636 года из Галича в столицу. В ней галицкий воевода Петрушка Щетинкин (как уничижительно именуется автор послания к царю) сообщает, что галицкие и бельские избиратели «Григорей Шанской со товарищи 20 человек», вопреки условиям призывной грамоты, требующей выбрать по два человека от городских и дворовых и по два от «лутчих» людей Галича и Бельска на выборных дворян, «выбор не дают, ослушаютца» [12, с. 65]. Несмотря на то что в отписке не были упомянуты принятые воеводой меры, слушание избирателей вряд ли осталось без последствий.

Еще один пример дают выборы 1648 года. Судя по переписке между столицей и воеводой Переяславля-Рязанского, на выборы первоначально явилось всего 22 рязанца, которые отказались провести голосование, объяснив это тем, что «малыми людьми выборных людей выбрать не уметь, потому город большой...» [3, с. 166]. Воевода тут же отправил грамоту в Москву с этой отговоркой, но строптивых избирателей задержал в городе, не позволив вернуться по домам.

В 1917 году на выборах в Учредительное собрание крестьяне Апраксинской волости Костромского уезда заявили, что голосовать не будут, поскольку, по их мнению, «всякие выборы ведут лишь к новым расходам» [11, с. 590]. Поскольку нет точных сведений о том, вызвало ли такое решение негативные последствия, то эту ситуацию можно тоже трактовать как уклонение от голосования.

В настоящее время уклонение от голосования избирателей, пришедших к избирательным урнам, принимает своеобразные формы, которые трудно регламентировать законодательными средствами.

³ Полякова В. Верховный суд США разрешил штатам наказывать «неверных выборщиков» [Электронный ресурс] // Новости дня в России и мире — РБК | Политика. 2020. 6 июля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2020/5f033cdf9a79470d161f8c33> (дата обращения: 03.09.2021).

Так, по наблюдениям многих зарубежных исследователей, в современных выборах проблему представляет подача пустого или недействительного бюллетеня. Эта проблема характерна прежде всего для тех стран, где введено обязательное голосование и предусмотрены санкции за неявку. В частности, при анализе практики бельгийских местных выборов было отмечено, что Бельгия «представляет собой интересный случай, поскольку обязательное голосование (с сопутствующей явкой 90,4 %) вынуждает сомневающихся избирателей участвовать в выборах», но при этом они склонны подавать пустые или недействительные бюллетени [19, с. 245].

Ту же тенденцию отметили и в практике выборов в других странах: по результатам изучения 417 демократических парламентских выборов в 73 странах с 1970 по 2011 год, был сделан вывод, что при обязательном голосовании число недействительных голосов выше, чем при добровольном голосовании, поскольку недействительное голосование рассматривается как «функциональный эквивалент воздержания» [17, с. 298].

2. Нарушения правовых и иных предписаний

Данные основания привлечения к ответственности избирателя можно подразделить на две группы.

Первую группу составляют деяния, совершенные избирателем, но не связанные напрямую с избирательным процессом. Они интересны тем, что могут повлечь за собой санкции в виде лишения права голоса. Вторая группа деяний предусматривает особое время совершения — избирательный процесс.

Следует отметить, что и первая, и вторая группа деяний регламентируются в основном правовыми средствами. Однако в некоторых случаях, связанных прежде всего с неразвитостью избирательного права, какое-либо действие избирателя не подпадает под законодательную регламентацию, а наказание может налагаться ситуативно.

Деяния избирателя, не связанные напрямую с избирательным процессом

Совершение преступления или административного проступка, предусмотренных современным уголовным или административным правом, — это деяние, ответственность за которое назначается любому деликтоспособному субъекту. Но этот субъект, будучи избирателем, может быть подвергнут и еще одному наказанию — временному изъятию избирательных прав, и, следовательно, он уже не будет рассматриваться как избиратель.

Эта ситуация лишь частично относится к исследуемой проблеме, поскольку правонарушение не связано с выборами, а вот ответственность включает и поражение избирательных прав.

Так, в советском законодательстве было предусмотрено в качестве санкции поражение в политических правах, куда относилось и лишение гражданина избирательных прав. Речь идет не о тех, кто, согласно Конституции, априори не имел права голоса, а о людях, которые были лишены его в качестве наказания за какие-то действия.

Например, ст. 15 Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов, утвержденной декретом ВЦИК 4 ноября 1926 года, указывает, что избирательными правами не могут пользоваться (следует обратить внимание на формулировку: не «лишены», а не вправе «пользоваться») «лица, закабаляющие окружающее население путем систематического предоставления в пользование имеющихся у них сельскохозяйственных машин, рабочего скота и проч. или постоянно занимающиеся снабжением населения кредитом (товарным или денежным) на кабальных условиях». Этого Конституция не предусмотрела, но инструкция 1926 года предлагает расширительный способ толкования конституционных положений.

Справедливости ради нужно заметить, что предписания данной инструкции все-таки способствовали правильному применению статьи о лишении избирательных прав, поскольку ранее электоральная практика включала в список лишенцев и тех, кто никаких противозаконных действий не совершил, но, например, не доказал свою лояльность по отношению к новой власти [15, с. 207].

Однако на практике вопрос о наказании в виде лишения избирательных прав мог подниматься и без реальных оснований. Так, М. С. Саломатовой приведены архивные данные о лишении избирательных прав за «продажу сена в 1916 г.», «дореволюционную состоятельность», за то, что отец был попом и т. п. [13, с. 142, 144]. Встречались и совсем курьезные обоснования: в Бежицком уезде Брянской губернии были лишены избирательных прав 11 человек «за выступления с критикой сельсовета», один — по подозрению в воровстве, один — как алкоголик и еще один — за то, что он еврей [Там же, с. 151].

Однако в законодательстве могут быть предусмотрены и такие варианты, когда правонарушение и ответственность тесно связаны именно с избирательным процессом.

Деяния избирателя, связанные с избирательным процессом

Этот вид деяний можно рассматривать как самостоятельный, поскольку они совершаются в обстановке проведения выборов, хотя санкции могут быть самыми различными.

Так, Екатериной II в Обрядах выборов 1766 года было велено выбор производить «с учтивостию, тихостию и безмолвно». Однако на практике поведение избирателей при голосовании могло заметно отличаться от предписанного. Например, в Мосальске один избиратель избил другого, в Зарайске группа депутатов «с великим азартом и шумством» отстаивала своего кандидата [9, с. 248, 282] и т. д. Особенность данного рода деяний состоит в том, что

вероятность отстранения особо «отличившихся» избирателей от голосования каждый раз зависела от воли организаторов выборов.

С развитием избирательного законодательства волюнтаризм властей уступил формально определенным законодательным предписаниям.

Показательна в этом отношении Глава IX Положения о выборах в Учредительное собрание 1917 года [4], которая носит название «Об ограждении свободы и правильности выборов».

Помимо тех правонарушений, которые могут быть совершены любым лицом (в частности, воспрепятствование «посредством насилия над личностью наказуемой угрозы, обмана, злоупотребления властью или экономической зависимостью свободному осуществлению избирательного права лицом, пользующимся правом участия в выборах в Учредительное собрание» (ст. 104); «посредством беспорядков, застрачиваний или прекращения способов сообщения части избирателей воспользоваться их избирательным правом в Учредительное собрание» (ст. 105); препятствование «правильному производству выборов в помещениях участковых избирательных комиссий посредством насильственных действий, угроз, беспорядков, повреждения избирательных списков, записок или ящиков, либо посредством насилия над личностью членов избирательных комиссий» (ст. 106)), законодателем в положение внесена ст. 108. Она предусматривает ответственность в виде тюремного заключения за склонение избирателя «посредством обещания или доставления имущественной или личной выгоды самому голосующему или члену его семьи к воздержанию от участия в выборах в Учредительное собрание или к голосованию определенным образом». В этой части субъект не персонифицирован, однако вторая часть данной статьи указывает, что такому же наказанию *«подлежит избиратель, потребовавший или принявший имущественную или иную личную выгоду с указанной в первой части сей статьи целью»* (выделено мной. — И. М.). Таким образом, законодатель прямо обозначил ответственность избирателя как особого субъекта электорального процесса.

Правда, правовая регламентация ответственности за нарушение избирательного процесса не избавила выборы от недостатков.

В частности, в ходе выборов в Учредительное собрание было отмечено несколько видов нарушений закона избирателями:

- открытое обсуждение списков кандидатов на сельских сходах и общее решение в пользу одного из них. Позже, уже во время голосования на избирательном участке, никому не дозволялось проголосовать вопреки решению схода;
- сбор бюллетеней и голосование от имени соседей, близких и родственников;
- нарушение тайны голосования;
- устранение избирательных комиссий или их отдельных представителей, создание самостийных органов контроля за выборами и т. д.

Самые активные избиратели совершали и более серьезные деяния. Так, два десятка крестьян-избирателей из села Дмитриево Владимирской губернии,

отправившись утром на заготовку дров, потребовали у избирательной комиссии не производить подсчет голосов до их возвращения. Вечером эти «избиратели» с топорами вытряхнули из урн все поданные за эсеров бюллетени и взамен положили списки партии большевиков [12, с. 185]. Очевидно, что данные действия идут вразрез со статьями Положения о выборах в Учредительное собрание.

3. Выбор ненадлежащего лица

В настоящее время избиратель, выразив свою волю посредством голосования, далее превращается в довольно пассивную фигуру избирательного процесса. Юридически к избирателю нельзя предъявить никаких претензий по поводу предпочтенного им кандидата или списка.

Однако практике выборов знакома и иная ситуация — когда связь избирателя с избранным не прекращается и после того, как выборное лицо официально вступило в должность и приняло на себя предусмотренные правом обязанности. Эта связь в российском праве XVI–XVIII веков воплощается, прежде всего, в особом правонарушении избирателей — избрании «некачественного» кандидата.

В XVI–XVIII веках избиратели нередко стремились избавиться от статуса выборного лица и переложить эту обязанность на любого другого. Это связано как с хлопотами по выборной должности, отвлекающими от основного занятия, так и с финансовой ответственностью перед казной, из-за чего, вкупе с иными факторами, престиж выборного статуса постепенно падал. Поэтому документальные свидетельства об избрании физически и даже морально непригодных лиц не вызывают удивления.

Так, судя по документам, в состав законодательной комиссии 1728 года было избрано лишь 6 человек моложе 50 лет, были и делегаты старше 70 лет (при этом те, кто совсем уже «по осмотру оказались или глухими и хромыми, или старыми и дряхлыми» [14, с. 403–404], были отсеяны еще на уровне губерний и в столицу не отправлены).

Однако следование принципу «кто угодно, но не я» могло повлечь за собой весьма неприятные для избирателей последствия. Если это препятствовало выборной службе и было откровенным нарушением, проводилось следствие и, соответственно, гнев властей падал не только на ответственное за выборы лицо, но и на самих избирателей. Например, в отношении одного избранника той же комиссии проводилось следствие — случайно или злым умыслом в комиссию избрали депутата, больного падучей [Там же, с. 399].

Интересно отметить, что ненадлежащие характеристики кандидата могут быть не только очевидными, как, например, старость, дряхлость или ненадлежащий социальный статус, так и неочевидными, например непорядочность кандидата, проявившаяся в процессе отправления выборной должности. Например, избранник оказался нечист на руку и присвоил часть казенных

денег от податей или вследствие трудного времени не смог собрать пошлины в той сумме, которую отправлял в казну его предшественник.

Ответственность за выбранного кандидата могла быть как материальной, так и личной. Чаще всего отвечали за деяния избранного те, кто принимал участие в местных выборах.

Законодательство XVI–XVIII веков фактически объявляло, что любое правонарушение избранного лица с ним разделяют и те, кто его выбрал. Это правило регламентировано указом о татевных делах 1555 года: если, например, губной целовальник упустит татя или украдет имущество, добытое разбойным путем, его собственный достаток пойдет в погашение ущерба, а если его не хватит, недостающее «взяти на тех людех, хто того целовалника в губные целовалники выбрал» [2, с. 37].

Это правило воплощалось при каждом выборе в особом документе, называемом обычно «выбором за руками», «приговором о выборах», «излюбленным списком» и т. п. Он имел два назначения: во-первых, удостоверял волю избирателей, фиксируя имена тех, кого избрали на выборный пост; во-вторых, представлял собой своеобразное ручательство избирателей за своего кандидата.

Так, «выбор» на тюремного сторожа ирбитских крестьян Верхотурского уезда, датированный 1671 годом, обещал, что если избранный в сторожа Яков «будучи в сторожахъ, воровствомъ какимъ почнетъ воровать, или безъ указу почнетъ тюремныхъ сидельцовъ выпускать... или станеть ихъ на кабакъ водить, или почнетъ самъ пьяно напиватца или какое ни есть дурно учинить, и на насъ на всехъ Ирбитцкихъ крестьянехъ в томъ пеня государя... и наши выборныхъ людей головы въ его Яковлеву голову место...» [1, стб. 5–6].

Реже ответственность налагалась на избирателей при проведении общегосударственных выборов, например в Земские соборы.

Так, Заручная челобитная новгородских избирателей из «нарочитых людей», датированная 1648 годом, предупреждает столичные власти о том, что новгородские наемные старосты выдвигают на собор не из «лутчих», а из «молотчих» людей. Хотя об этом были извещены и новгородский воевода, и дьяк, но авторы челобитной все равно решили подстраховаться и донести сей факт до столицы, дабы, как сказано в документе, «нам от тебя, государя, за ослушание в опале не быти» [3, с. 161]. Эта фраза свидетельствует о том, что избиратели заранее опасаются санкций за избрание «некачественного» делегата Земского собора и даже то, что они должным образом информировали об этом лиц, напрямую ответственных за выборы, не уменьшило их страхов.

Таким образом, даже выборы делегатов в Земские соборы, деятельность которых особо не соотносилась с фискальными интересами казны и власти, должны были соответствовать более или менее определенным критериям. В упомянутом выше случае грамота о призыве делегатов на собор требовала «лутчих» людей [8, с. 91].

Безусловно, в данном исследовании затронут лишь ограниченный круг вопросов, связанных с возможностью привлечения к ответственности лица,

имеющего особый статус — статус избирателя. Многие аспекты данной проблемы вызывают вопросы. Например: как следует квалифицировать действия главы украинской Радикальной партии, который во время первого тура выборов президента продемонстрировал перед телекамерой свой бюллетень с отметкой, что он проголосовал за себя? Его привлекли к ответственности за нарушение тайны голосования⁴. Но является ли сам голосующий субъектом данного преступления?

Кроме того, в нашей стране все чаще поднимается вопрос о введении юридической ответственности избирателя за неявку на выборы как средства снижения уровня абсентеизма. Является ли эта мера решением вопроса преодоления пассивности электората?

Независимо от того, какую позицию занимает тот или иной общественный деятель, журналист или юрист-практик, с точки зрения корректировки существующего законодательства вопрос об ответственности избирателя заслуживает внимания и дальнейшего исследования.

Литература

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. Выборы, выписи, грамоты данная, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные дела, дельные записки, записи, изветы. СПб.: Тип. Имп. Ак. наук, 1857. 776 стб.
2. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты / под ред. Н. Е. Носова. Л.: Наука, 1986. 264 с.
3. Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. / под ред. А. А. Вешнякова. М.: Норма, 2001. 776 с.
4. Положение о выборах в Учредительное собрание. URL: <http://музейреформ.рф/node/13792> (дата обращения: 01.09.2021).
5. Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Университ. тип., 1903. 810 с.
6. Кизеветтер А. А. Посадские избирательные сходы XVIII столетия. Б. Продолжение // Русское богатство. 1901. Октябрь. № 10. С. 35–71.
7. Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. Т. 1. СПб.: Тип. Л. Ф. Пантелеева, 1887. 595 с., прил.
8. Латкин В. Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно съ западно-европейскими представительными учреждениями. СПб.: Русская Скоропечатня, 1885. 452 с.
9. Липинский М. А. Новая данная для истории Екатерининской комиссии о сочинении проекта новаго уложения // Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. 1887. Июнь. Ч. 251. С. 225–293.
10. Минникес И. В. Выборы в истории Российского государства в IX – начале XIX века. СПб.: Юридический центр — Пресс, 2010. 538 с.

⁴ Ляшко получил штраф за показ бюллетеня на выборах президента Украины [Электронный ресурс] // Информационный портал газеты Известия. 2019. 11 апреля. URL: <https://iz.ru/867003/2019-04-11/liashko-poluchil-shtraf-za-pokaz-biulletenia-na-vyborakh-prezidenta-ukrainy> (дата обращения: 01.09.2021).

11. Очерки по истории выборов и избирательного права / под ред. Ю. А. Веденеева, Н. А. Богодаровой. 2-е изд. Калуга – М.: Символ, 2002. 692 с.
12. Памятники русского права. Вып. 5. Памятники права периода сословно-представительной монархии. Первая половина XVII в. / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1959. 668 с.
13. Саломатова М. С. Выборы в Советской России. Законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.): монография. Новосибирск: НГУЭУ, 2016. 340 с.
14. Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Ак. наук, 1868. 451 с.
15. Ящук Т. Ф. Организация местной власти в РСФСР: 1921–1929 гг.: монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. 590 с.
16. Cepaluni G., Hidalgo FD. Compulsory Voting Can Increase Political Inequality: Evidence from Brazil // *Political Analysis*. 2016. V. 24/2. P. 273–280
17. Coma FMI and Werner A. Compulsory voting and ethnic diversity increase invalid voting while corruption does not: an analysis of 417 parliamentary elections in 73 countries // *Democratization*. 2019. 26 (2). P. 288–308.
18. Eme-Uche U; Aj, EF and Okonkwo C. Electoral security and voter's turnout in 2019 gubernatorial election in Abia state: interrogating the narratives // 7th International Conference on Education and Social Sciences (INTCESS). 2020. P. 662–676.
19. Hooghe M., Marien S., and Pauwels T. Where Do Distrusting Voters Turn if There is No Viable Exit or Voice Option? The Impact of Political Trust on Electoral Behaviour in the Belgian Regional Elections of June 2009 // *Government and opposition*. 2011. V. 46 I. 2. P. 245–273.

Literatura

1. Akty`, otnosyashhiesya do yuridicheskago by`ta drevnej Rossii. T. 1. Vy`bory`, vy`pisi, gramoty` danny`ya, doklady`, doprosy`, dosmotry`, doezdy`, duxovny`ya dela, del`ny`ya zapiski, zapisi, izvety`. SPb.: Tip. Imp. Ak. nauk, 1857. 776 stb.
2. Zakonodatel`ny`e akty` Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny` XVI – pervoj poloviny` XVII veka. Teksty` / pod red. N. E. Nosova. L.: Nauka, 1986. 264 s.
3. Institut vy`borov v istorii Rossii. Istochniki, svidetel`stva sovremennikov. Vzglyady` issledovatelej XIX – nachala XX vv. / pod red. A. A. Veshnyakova. M.: Norma, 2001. 776 s.
4. Polozhenie o vy`borax v Uchreditel`noe sobranie. URL: <http://muzejreform.rf/node/13792> (data obrashheniya: 01.09.2021).
5. Kizevetter A. A. Posadskaya obshhina v Rossii XVIII st. M.: Universit. tip., 1903. 810 s.
6. Kizevetter A. A. Posadskie izbiratel`ny`e sxody` XVIII stoletiya. B. Prodolzhenie // *Russkoe bogatstvo*. 1901. Oktyabr`. № 10. S. 35–71.
7. Latkin V. N. Zakonodatel`ny`ya komissii v Rossii v XVIII st. Istoriko-yuridicheskoe izsledovanie. T. 1. SPb.: tip. L. F. Panteleeva, 1887. 595 s., pril.
8. Latkin V. N. Zemskie sobory` drevnej Rusi, ix`` istoriya i organizaciya sravnitel`no s`` zapadno-evropejskimi predstavitel`ny`mi uchrezhdeniyami. SPb.: Russkaya Skoropechatnya, 1885. 452 s.
9. Lipinskij M. A. Novy`ya danny`ya dlya istorii Ekaterininskoj kommissii o sochine-nii proekta novago ulozheniya // *Zhurnal Ministerstva narodnago prosveshheniya. Shestoe desyatiletie*. 1887. Iyun`. Ch. 251. S. 225–293.

10. Minnikes I. V. Vy`bory` v istorii Rossijskogo gosudarstva v IX – nachale XIX veka. SPb.: Yuridicheskij centr — Press, 2010. 538 s.
11. Oчерki po istorii vy`borov i izbiratel`nogo prava / pod red. Yu. A. Vedeneeva, N. A. Bogodarovoj. 2-e izd. Kaluga – M.: Simvol, 2002. 692 s.
12. Pamyatniki ruskogo prava. Vy`p. 5. Pamyatniki prava perioda soslovno-predstavitel`noj monarxii. Pervaya polovina XVII v. / pod red. L. V. Cherepnina. M.: Gosyurizdat, 1959. 668 s.
13. Salomatova M. S. Vy`bory` v Sovetskoj Rossii. Zakonodatel`stvo i praktika realizacii (1918–1936 gg.): monografiya. Novosibirsk: NGUE`U, 2016. 340 s.
14. Sbornik Russkago istoricheskago obshhestva. T. 2. SPb.: Tip. Imp. Ak. nauk, 1868. 451 s.
15. Yashhuk T. F. Organizaciya mestnoj vlasti v RSFSR: 1921–1929 gg.: monografiya. Omsk: Izd-vo OmGU, 2007. 590 s.
16. Cepaluni G., Hidalgo FD. Compulsory Voting Can Increase Political Inequality: Evidence from Brazil // *Political Analysis*. 2016. V. 24/2. P. 273–280.
17. Coma FMI and Werner A. Compulsory voting and ethnic diversity increase invalid voting while corruption does not: an analysis of 417 parliamentary elections in 73 countries // *Democratization*. 2019. 26 (2). P. 288–308.
18. Eme-Uche U; Aj, EF and Okonkwo C. Electoral security and voter`s turnout in 2019 gubernatorial election in Abia state: interrogating the narratives // 7th International Conference on Education and Social Sciences (INTCESS). 2020. P. 662–676.
19. Hooghe M., Marien S., and Pauwels T. Where Do Distrusting Voters Turn if There is No Viable Exit or Voice Option? The Impact of Political Trust on Electoral Behaviour in the Belgian Regional Elections of June 2009 // *Government and opposition*. 2011. V. 46. I. 2. P. 245–273.

I. V. Minnikes

Violations and Voters' Liability: A Comparative Legal Analysis

Using a synchronous and diachronous comparison the article analyzes the issue of violations committed by the voter as a subject of the electoral process. Particular attention is paid to the evasion of the voter from elections, the election of an unsuitable candidate and the commission of other violations in the election process or entailing consequences in the form of deprivation of voting rights.

Keywords: elections; electoral law; history of elections; voter; violations of voters; responsibility of voters.

УДК 342.2.

DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08

Е. М. Павленко

Обеспечение наилучших интересов и безопасности детей: международные стандарты и практика в России

Понятие «наилучшие интересы ребенка» входит в число общих принципов Конвенции ООН о правах ребенка, однако его четкого определения не существует. Автор показывает, что толкование международными организациями данного понятия ставит во главу угла свободу индивида и наличие свободного общества как ее необходимое условие. В то же время Российская Федерация во многом сохраняет традиционные подходы, основанные на представлениях о приоритете общественного над частным и существовании в обществе идеального образа человека, что, безусловно, ограничивает сферу применения понятия «наилучшие интересы ребенка» и задает иную очередность приоритетов.

Ключевые слова: наилучшие интересы ребенка; безопасность ребенка; безопасность детей; Конвенция ООН о правах ребенка; Совет Европы; свободное общество; устойчивое развитие.

Введение

Российское общество на пороге третьего десятилетия XXI века характеризуется осознанием глубокого кризиса системы ценностей, основанной на автономии личности. Обострение противоречий с подходами государств западной цивилизации, позиционирующих указанную систему ценностей как единственно возможную для всего человечества, требует выявления и формулирования собственных подходов, часто не осознанных в явной форме, но объективно существующих и закреплённых в массовом сознании посредством традиционных (неправовых) механизмов. Одной из актуальных проблем, к которой в настоящее время привлечено внимание международных организаций, специализирующихся на правах детей, является обеспечение наилучших интересов и безопасности ребенка. Однако очевидно, что с учетом различий в системах ценностей подходы к данной проблеме могут также различаться.

Цель исследования

Выявление и характеристика различий между подходами международных организаций и Российской Федерации к обеспечению наилучших интересов и безопасности детей.

Задача исследования

Анализ международных договоров и российских нормативных правовых актов в области обеспечения и защиты наилучших интересов, безопасности и прав детей.

Актуальность

Обеспечение наилучших интересов и безопасности детей постоянно оказывается в фокусе внимания общенациональных и региональных средств массовой информации применительно к конкретным ситуациям (гражданско-правовым спорам, несчастным случаям и т. п.), однако как целостная концепция в настоящий момент широко в Российской Федерации оно не обсуждается.

Научная новизна

Отдельные аспекты обеспечения наилучших интересов и безопасности детей неоднократно становились объектами научного исследования, в том числе в статьях Н. Е. Борисовой «Дети как приоритет государственной политики в свете конституционной реформы 2020 года» [1], Л. А. Букаловой, А. А. Атабековой и М. А. Симоновой «К вопросу о приемлемости для России положений Стратегии Совета Европы по правам ребенка (2016–2021 гг.)» [2], Н. В. Кравчук «“Интересы ребенка” в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения» [3], А. В. Полякова и У. В. Унусян «Проблема безопасности детства как приоритет национальной политики Российской Федерации» [4], О. С. Рыбаковой «Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации» [5] и других авторов.

Основное исследование

Понятие «наилучшие интересы ребенка» (*англ.* The best interest of the child, the child's best interests) получило широкое распространение в 1959 году с принятием Организацией Объединенных Наций Декларации о правах ребенка и затем

было закреплено в Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года (далее — Конвенция). Пункт 1 ст. 3 Конвенции в ее английском оригинале требует, чтобы наилучшим интересам ребенка уделялось первоочередное внимание «во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами»¹. Учрежденный Конвенцией, Комитет ООН по правам ребенка (далее — Комитет) на своей первой сессии в 1991 году включил понятие «наилучшие интересы ребенка» в число четырех общих принципов Конвенции². В то же время четкое определение понятия «наилучшие интересы ребенка» отсутствует как в тексте Конвенции, так и в документах Комитета. Более того, в принятом в 2013 году Замечании общего порядка по этому вопросу Комитет постановил, что «концепция наилучших интересов ребенка отличается сложностью, и ее содержание требуется определять в каждом отдельном случае», при этом «уяснение концепции и ее конкретное применение законодателем, судьей, административным, социальным или образовательным органом возможно только посредством толкования и применения пункта 1 статьи 3 в сочетании с другими положениями Конвенции»³. Утверждается также, что «для полномасштабного применения концепции наилучших интересов ребенка требуется разработка подхода, основанного на правах человека, с вовлечением всех заинтересованных сторон с целью обеспечить физическую, психологическую, моральную и духовную целостность и неприкосновенность ребенка и содействовать утверждению его человеческого достоинства». Таким образом, с точки зрения экспертов Комитета, понятие «наилучшие интересы ребенка» не имеет и не может иметь конкретной формулировки.

Тем не менее смысл этого понятия проясняется, если принять во внимание другие положения Конвенции. В ее преамбуле подтверждаются нормы международных пактов о правах человека, в соответствии с которыми каждый человек обладает правами и свободами без какого бы то ни было различия по признаку рождения, то есть ребенок изначально обладает тем же набором

¹ В официальном русском переводе п. 1 ст. 3 Конвенции, начиная с ее ранних проектов 1978 года, по неизвестным причинам использована иная формулировка: требуется уделять первоочередное внимание «наилучшему обеспечению интересов ребенка», при этом в остальной части перевода Конвенции, как и на протяжении всего ее английского текста, употребляется только понятие «наилучшие интересы ребенка». Эта ошибка перевода перешла из Конвенции не только в Замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета по правам ребенка, но и во внутрироссийские документы.

² Комитет ООН по правам ребенка. Общие руководящие принципы в отношении формы и содержания первоначальных докладов, которые должны представляться государствами-участниками в соответствии с п. 1 а) ст. 44 Конвенции. URL: <https://undocs.org/ru/CRC/C/5> (дата обращения: 01.06.2021).

³ Комитет ООН по правам ребенка. Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3). URL: <https://undocs.org/ru/CRC/C/GC/14> (дата обращения: 01.06.2021).

прав и свобод, что и взрослый. Статья 29 указывает среди целей образования «подготовку ребенка к сознательной жизни в свободном обществе», то есть в обществе, ставящем во главу угла свободу индивида и налагающем на него лишь минимально возможные ограничения. Таким образом, наилучшие интересы ребенка понимаются как наиболее полное обеспечение его прав в безопасной защищенной среде. Данная концепция представляется спорной, так как Конвенция о правах ребенка не устанавливает иерархии прав, а следовательно, «задача о нахождении максимума» обеспечения прав ребенка в конкретной ситуации может не иметь однозначного решения.

В принятом Комитетом ООН по правам ребенка Замечании общего порядка № 14 (2013) предложен «неисчерпывающий, несоподчиненный перечень элементов, которые могли бы рассматриваться при проведении оценки наилучших интересов любым лицом, ответственным за принятие решений, которому предстоит определять наилучшие интересы ребенка». Среди таких элементов упомянуты взгляды ребенка, его индивидуальность, сохранение семейного окружения и поддержание отношений, попечение, защита и безопасность ребенка, уязвимое положение, право ребенка на здоровье и право ребенка на образование.

Региональные международные организации в своей деятельности, касающейся прав ребенка, опираются на подход ООН, не конкретизируя общие понятия. Тот факт, что Конвенция о правах ребенка ратифицирована с теми или иными оговорками почти всеми государствами мира, делает большинство ее норм общеприменимыми при рассмотрении дел, так или иначе затрагивающих права детей. По этой причине, в частности, Европейский суд по правам человека в рамках своей компетенции неоднократно истолковывал понятие «наилучшие интересы ребенка» применительно к конкретным ситуациям возможного нарушения Конвенции о защите основных прав человека и основных свобод 1950 года (в том числе и в отношении значительного числа исков против Российской Федерации), подчеркивая при этом, что составить исчерпывающий перечень факторов, влияющих на выявление таких интересов, не представляется возможным, поскольку в каждом конкретном случае эти факторы зависят от обстоятельств⁴.

Начиная с 2009 года Совет Европы последовательно разрабатывает и принимает документ общеполитического характера — Стратегия Совета Европы в поддержку прав ребенка. В настоящее время действует уже третий документ такого рода — так называемая Софийская стратегия на 2016–2021 годы⁵. В этой стратегии подтверждается зафиксированный Конвенцией ООН принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, однако данная тематика раскрывается лишь фрагментарно, в первую очередь применительно к системе правосудия. В то же время упоминаются и другие направления обеспечения наилучших

⁴ См.: *Y. C. v. the United Kingdom* (Application no. 4547/10), judgment of 13 March 2012. Para. 135. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109557> (дата обращения: 01.06.2021).

⁵ Стратегия Совета Европы в поддержку прав ребенка (2016–2021). URL: <https://rm.coe.int/-2016-2021-1680931c99> (дата обращения: 01.06.2021).

интересов ребенка, в том числе «новые формы семьи и биоэтика, особенно в связи с суррогатным материнством и донорским деторождением», а также процедуры предоставления убежища, иммиграция, профилактика насилия, реабилитация и реинтеграция его жертв и др.

Комитет министров Совета Европы принял также ряд других документов по вопросам, связанным с обеспечением наилучших интересов ребенка. Среди них можно выделить Руководящие принципы правосудия, адаптированного к интересам детей (2010)⁶, Руководящие принципы о здравоохранении, адаптированном к интересам детей (2011)⁷, Рекомендации о социальных службах, адаптированных к интересам детей (2011)⁸, а также Рекомендации об участии детей и молодежи в возрасте до 18 лет⁹ (принцип обеспечения наилучших интересов ребенка воспринимается в связке с еще одним общим принципом Конвенции — уважением взглядов ребенка).

В России понятие «интересы ребенка» используется в нормах гражданского и семейного права начиная с XIX века. Однако концепция наилучших интересов ребенка в современном российском праве не получила развития и отсутствует даже в Федеральном законе от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹⁰: ее упоминания встречаются лишь в обзорах судебной практики (в том числе практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека), а также в двух постановлениях Пленума Верховного суда РФ¹¹ и одном постановлении Конституционного суда РФ¹². Единственный документ федеральной

⁶ Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly justice URL: <https://rm.coe.int/16807000f1> (дата обращения: 01.06.2021).

⁷ Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly health-care. URL: <https://rm.coe.int/09000016805c1527> (дата обращения: 01.06.2021).

⁸ Recommendation CM/Rec(2011)12 of the Committee of Ministers to member States on children's rights and social services friendly to children and families. URL: <https://rm.coe.int/168046ccea> (дата обращения: 01.06.2021).

⁹ Recommendation CM/Rec(2012)2 of the Committee of Ministers to member States on the participation of children and young people under the age of 18. URL: <https://rm.coe.int/168046c478> (дата обращения: 01.06.2021).

¹⁰ Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ (с изменениями на 05.04.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации России. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102054607#10 (дата обращения: 01.06.2021).

¹¹ См. постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (<https://www.vsrif.ru/documents/own/15888/>) и от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (<https://www.vsrif.ru/documents/own/24386/>).

¹² Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25.06.2020 № 29-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И. В. Николаенко [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал

исполнительной власти, ссылающийся на данную концепцию, — Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей»¹³, однако в нем идет речь о «наилучшем обеспечении интересов детей», то есть, во-первых, повторяется ошибка перевода п. 1 ст. 3 Конвенции, а во-вторых, акцент смещен с интересов ребенка как индивида на интересы детей-сирот как социальной группы.

Российское законодательство о детях и правах ребенка в настоящее время характеризуется известной противоречивостью. Это связано с тем, что в обществе не сформирована целостная концепция детства. Нестабильность общественного сознания в период трансформации порождает нестыковки подходов, тем более когда они не сформулированы явным образом. Так, в преамбуле Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» утверждается, что государство «исходит из принципов приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания в них высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности». На первый взгляд, данная формулировка лишь дополняет и уточняет нормы Конвенции ООН о правах ребенка (которая, как и любой международный договор РФ, в соответствии с Конституцией Российской Федерации является составной частью национальной правовой системы и имеет приоритет перед законом), однако в действительности она радикально не соответствует заложенному в Конвенцию подходу: подготовка детей к полноценной жизни в обществе подразумевает существование единых критериев оценки, которые, как и общая для всех нравственность, в свободном обществе представляются недопустимыми и невозможными¹⁴; нацеливание детей на общественно значимую активность и формирование у них патриотизма означает, что ценность коллективного организма признается выше ценности индивида, свобода которого

правовой информации России. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006290003> (дата обращения: 01.06.2021).

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» (с изменениями на 10.02.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации России. URL: http://pravo.gov.ru/proxu/ips/?doc_itself=&nd=102349970#10 (дата обращения: 01.06.2021).

¹⁴ Несмотря на то что в первоначальном проекте Конвенции о правах ребенка, как и в Декларации прав ребенка 1959 года, в качестве конечной цели образования указана возможность ребенка «стать полезным членом общества» (*англ.* To become a useful member of society), в окончательном тексте Конвенции о правах ребенка 1989 года такой формулировки уже нет, а в английской версии п. 1 ст. 40, посвященной несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым или признанным виновными в совершении уголовного преступления, желательность содействия выполнению ребенком «полезной роли в обществе» сформулирована как *child's assuming a constructive role in society*, однако слово *constructive* означает в английском языке скорее «созидательный» или «творческий», чем «полезный».

тем самым ограничивается. Кроме того, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», как и подзаконные акты, сужает понятие «интересы ребенка» с помощью уточнения «законные», то есть помещает на первое место в шкале ценностей интересы не индивида, а общества, имеющего возможность законодательно закрепить собственные приоритеты. В Заключительных замечаниях, вынесенных Комитетом ООН по правам ребенка по итогам рассмотрения объединенного доклада Российской Федерации в 2014 году, отмечалось, что понятия «законные интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка» неравноценны¹⁵.

С концепцией наилучших интересов ребенка тесно связана концепция безопасности ребенка, которая также не сформулирована четко, однако охватывает широкий круг угроз и защиты от них. Кроме того, подход системы ООН к вопросам безопасности в настоящее время характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: одна из них основана на целях ООН в области устойчивого развития (ликвидация голода и нищеты, доступное и качественное здравоохранение, чистая вода и санитария, доступная энергия и т. п.), а другая — на защите индивида и стремлении к свободному обществу. Среди ключевых угроз безопасности ребенка, видимых с позиций международных организаций, можно выделить следующие:

1) угрозы, связанные с подчиненным положением ребенка в традиционных сообществах (физическое и психологическое насилие со стороны взрослых, торговля детьми, экономическая и сексуальная эксплуатация, участие в вооруженных конфликтах);

2) угрозы, связанные с зависимостью ребенка от взрослых (необходимость миграции вместе с родителями, в том числе в случае вооруженных конфликтов, ослабление связей в семье и ее разрушение вследствие индивидуализации общества, безнадзорность, влияние уровня жизни родителей на возможности ребенка и отношение к нему, необходимость раннего включения в трудовую деятельность);

3) угрозы, связанные с социальным и международным порядком (степень устойчивости в кризисных ситуациях, уровень развития систем образования и здравоохранения, судебной и пенитенциарной систем, их дружелюбность по отношению к ребенку; состояние окружающей среды, качество питания, приоритеты в разрешении конфликта между интеллектуальной собственностью и доступностью лекарственных средств);

4) угрозы, связанные с отсутствием у ребенка знаний и опыта, нестабильностью его психики и неразвитостью его критического мышления (повышенная тревожность в сложных ситуациях, несчастные случаи, самоубийства, физическое и психологическое насилие в подростковых сообществах, вовлечение в наркоманию, преступную среду, вооруженные группы, экстремистские

¹⁵ Комитет ООН по правам ребенка. Заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации. URL: <https://undocs.org/ru/CRC/C/RUS/CO/4-5> (дата обращения: 01.06.2021).

и террористические организации). Отдельно стоит отметить угрозы, связанные с отсутствием у ребенка опыта правовой защиты;

5) угрозы, связанные с инвалидностью ребенка как препятствием для его полноценного вовлечения в жизнь сообщества;

6) угрозы, связанные с принадлежностью ребенка к социальной группе, то есть дискриминацией, в том числе по признаку возраста;

7) угрозы, связанные с воздействием цифровой среды на ребенка.

Комитет ООН по правам ребенка в своей деятельности придерживается подхода, основанного на защите индивида, поэтому в Замечании общего порядка № 14 (2013) безопасность ребенка определена как его право на защиту от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, сексуальных домогательств, давления сверстников, запугивания, унижающего достоинство обращения и т. д., а также на защиту от сексуальной, экономической и иных форм эксплуатации, наркотиков, привлечения к труду, вооруженных конфликтов и т. п. При всей важности указанной Комитетом проблематики очевидно, что она не охватывает огромный массив вопросов, связанных с безопасностью, в том числе тех, которые традиционно находятся в фокусе внимания ЮНИСЕФ и других специализированных организаций ООН.

В Стратегии Совета Европы в поддержку прав ребенка на 2016–2021 годы безопасность понимается несколько шире. В числе пяти приоритетных областей стратегии — жизнь без насилия для всех детей, что отвечает подходу Комитета ООН по правам ребенка, однако в тексте также упоминаются «безопасные условия занятия спортом для детей» и «безопасный доступ к ИКТ и цифровой среде».

В свою очередь, концепция безопасности ребенка, развиваемая в Российской Федерации, основана скорее на принципах устойчивого развития, чем на обеспечении защиты ребенка как индивида. Первоначально основное внимание уделялось безопасности жизни и здоровья детей, однако впоследствии концепция безопасности была распространена на их физическое и духовное развитие, что выразилось, в частности, в принятии Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ.

23 января 2021 года Правительством Российской Федерации был утвержден план основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года¹⁶. План состоит из 8 направлений: 1) здоровьесбережение с детства; 2) благополучие семей с детьми; 3) всестороннее развитие, обучение, воспитание детей; 4) инфраструктура детства; 5) защита детей, оставшихся без попечения родителей; 6) качество жизни детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов; 7) безопасность детей;

¹⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 № 122-П [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации России. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102996619#I0 (дата обращения: 01.06.2021).

8) координация реализации Десятилетия детства. Несмотря на то что в широком смысле на защиту безопасности ребенка направлены едва ли не все предусмотренные планом мероприятия, имеет смысл отдельно перечислить задачи плана по п. 7 «Безопасность детей»:

- формирование у обучающихся представления о безопасном образе жизни, правосознания и культуры в области безопасности дорожного движения;
- подготовленность детей к поведению в условиях чрезвычайных ситуаций, безопасному поведению в быту, на природе, на дорогах;
- реализация мер по профилактике асоциального поведения несовершеннолетних, детских суицидов и других причин потери детского населения;
- создание безопасного информационного пространства для детей;
- разработка и реализация системных решений по оказанию своевременной помощи детям и родителям в случае нарушения прав и законных интересов детей;
- сокращение повторной преступности среди несовершеннолетних осужденных, освобожденных из мест лишения свободы;
- проведение профилактической работы с несовершеннолетними осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, и их родителями.

Можно сделать вывод, что российская концепция безопасности ребенка хотя постепенно и сближается с международными подходами, но исходит из иных приоритетов. Комитет по правам ребенка выразил в 2014 году обеспокоенность по поводу того, что государственные учреждения по защите детей в России оценивают лишь общую физическую безопасность детей и не оценивают их эмоциональные и психологические потребности. Несмотря на то что данное суждение относилось к практике работы органов опеки и попечительства, его можно распространить и на наши представления о безопасности ребенка, которые, впрочем, имеют тенденцию к постепенному расширению. В плане основных мероприятий вообще не упоминаются проблемы торговли детьми, их эксплуатации, дискриминации, неприкосновенности частной жизни. Вместе с тем следует отметить, что вопросы профилактики суицида, преступности, травли и кибертравли, а также проведения реабилитационных мероприятий с жертвами насилия получили отражение в данном документе.

Слабым местом как международной, так и российской концепции безопасности ребенка представляется жесткая возрастная граница, отделяющая ребенка от взрослого: одномоментный переход из относительно безопасной и защищенной среды в относительно небезопасную и незащищенную порождает стремление максимально надолго «остаться в детстве», не принимая на себя ответственность за собственную жизнь даже после наступления совершеннолетия. Данная проблема требует не только правовой проработки, но и привлечения широкого спектра специалистов по различным аспектам развития личности.

Результаты исследования

Различия между подходами международных организаций и Российской Федерации к обеспечению наилучших интересов и безопасности детей вызваны различиями в общих представлениях о человеке и этапах его развития, а также различиями в оценке приоритетности угроз в период детства. Международные организации в целом выдвигают на первый план свободу индивида, независимо от его возраста, и оценивают общество и государство по критерию максимально возможного обеспечения этой свободы, рассматривая нарушение границ личности как наиболее важную угрозу ее безопасности. Российский подход, напротив, постулирует необходимость целенаправленного воздействия государства и общества на формирование ценностных установок новых поколений (т. е. воспитания), причем ядро таких ценностных установок предполагается общим для всех людей¹⁷. В то же время целостная концепция детства как особого этапа развития личности, затрагивающего в том числе и ее правовой статус, в Российской Федерации пока не сформулирована. Различные аспекты безопасности детей рассматриваются в нашей стране в настоящее время не системно, а по мере возникновения проблем, причем обнаруживается тенденция к расширению подхода от коллективного (дети как социальная группа) к индивидуальному (ребенок).

Литература

1. Борисова Н. Е. Дети как приоритет государственной политики в свете конституционной реформы 2020 года // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (41). С. 71–77.
2. Букалерева Л. А., Атабекова А. А., Симонова М. А. К вопросу о приемлемости для России положений Стратегии Совета Европы по правам ребенка (2016–2021 гг.) // Государство и право. 2018. № 1. С. 65–71.
3. Кравчук Н. В. «Интересы ребенка» в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения // Государство и право. 2020. № 2. С. 107–116.
4. Поляков А. В., Унусян У. В. Проблема безопасности детства как приоритет национальной политики Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2019. Т. 21. № 2. С. 227–239.
5. Рыбакова О. С. Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3 (112). С. 103–111.

¹⁷ Данное утверждение изначально имеет религиозную природу: в соответствии с христианством единое ценностное ядро заложено Богом в человека при его сотворении и проявляется в голосе совести, которому, однако, человек, будучи свободным, волен следовать или не следовать в каждом конкретном случае и который, кроме того, можно в себе заглушить. Воспитание также подразумевает существование идеального (практически недостижимого) образа человека. В религиозных обществах роль такого образа играет представление о святости, в СССР его сменило представление о человеке коммунистического будущего.

Literatura

1. Borisova N. E. Deti kak prioritet gosudarstvennoj politiki v svete konstitucionnoj reformy` 2020 goda // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 1 (41). S. 71–77.
2. Bukaleroва L. A., Atabekova A. A., Simonova M. A. K voprosu o priemlemosti dlya Rossii polozhenij Strategii Soveta Evropy` po pravam rebenka (2016–2021 gg.) // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 1. S. 65–71.
3. Kravchuk N. V. «Interesy` rebenka» v mezhdunarodnom i rossijskom prave: sravnitel`ny`j analiz doktriny` i praktika primeneniya // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 2. S. 107–116.
4. Polyakov A. V., Unusyan U. V. Problema bezopasnosti detstva kak prioritet nacional`noj politiki Rossijskoj Federacii // Vestnik RUDN. Seriya «Politologiya». 2019. T. 21. № 2. S. 227–239.
5. Ry`bakova O. S. Bezopasnost` rebenka v kontekste konstitucionny`x cennostej Rossijskoj Federacii // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2020. T. 15. № 3 (112). S. 103–111.

E. M. Pavlenko

Ensuring the Best Interests and Safety of Children: International Standards and Practice in Russia

The notion «best interests of the child» is one of the general principles of the UN Convention on the Rights of the Child, but there is no clear definition of it. The author shows that the interpretation of this concept by international organizations prioritizes the freedom of the individual and «free society» as its necessary condition. With certain reservations regarding the concept of sustainable development, this statement applies to the emerging international concept of child safety. At the same time, the Russian Federation largely retains traditional approaches based on the concept of the priority of the public over the private and the existence of an ideal image of a person in society, which undoubtedly limits the scope of application of the concept of “the best interests of the child” and provides a different priority order. The concept of child and childhood safety is being developed in Russia «from particular to general» as topical problems are identified.

Keywords: best interests of the child; child safety; children safety; UN Convention on the Rights of the Child; Council of Europe; free society; sustainable development.

УДК 340.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.09

А. В. Попова

Мягкое право как структурная часть комплексной отрасли российского законодательства в сфере правовой регламентации искусственного интеллекта¹

Автор статьи на основе анализа юридических документов и нормативных правовых актов, российской и иностранной научной литературы приходит к выводу о том, что необходимо определить не только сферу действия законодательства, регламентирующего искусственный интеллект, но и правовые и этические принципы, так называемое мягкое право (soft law), для чего следует внести соответствующие изменения в общие части кодифицированных актов, касающихся правовых принципов взаимодействия общества и искусственного интеллекта (ИИ), а также иных видов киберфизических систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое регулирование; отрасль законодательства; мягкое право.

В декабре 2020 года Президент Российской Федерации в целях дальнейшего развития механизма правового регулирования создания и применения искусственного интеллекта (далее — ИИ), роботов, объектов роботехники и киберфизических систем дал в общей сложности одиннадцать поручений Правительству Российской Федерации. Так, в соответствии с подп. а), в), д-2) и е) п. 1 Поручения Президента Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № Пр-2242 «Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту»² глава государства в срок до 1 мая 2021 года поручил Правительству Российской Федерации не только разработать систему законодательства по созданию «в отдельных отраслях экономики и социальной сфере экспериментальных правовых режимов в целях расширения применения

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации.

² Поручения Президента Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № Пр-2242 «Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту» (текст опубликован не был) [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64859> (дата обращения: 25.03.2021).

технологий искусственного интеллекта»; «ускоренного создания отечественного программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов на основе технологий искусственного интеллекта», но и сделать это прежде всего в сфере образовательных и медицинских услуг.

Как видно из этого перечня, специальное законодательное регулирование ИИ, его технологий, роботов, объектов робототехники еще предстоит создать, но такая задача поставлена президентом Российской Федерации и для ее выполнения отведено всего 5–6 месяцев. На наш взгляд, следует определить не только сферу действия такого законодательства, но и принципы, структуру и логику взаимосвязи норм права в различных сферах данного правового регулирования. В этой связи полагаем необходимым обратиться к зарубежному опыту, так как подобные законодательства уже частично существуют в отдельных странах, а стратегические документы, этические правила и кодексы взаимодействия с ИИ на сегодняшний момент есть уже более чем в 50 государствах, а также к российской и иностранной научной литературе для определения концептуальных подходов «специального законодательного регулирования, учитывающего специфику применения технологий искусственного интеллекта и робототехники»³.

В связи с повсеместным распространением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в настоящее время обсуждается необходимость создания как национального, так международного и регионального законодательства, регулирующих абсолютно новую систему общественных отношений, складывающуюся сегодня под влиянием инновационных технологий, прежде всего ИИ, и проникающих практически во все сферы жизни современного общества. Основной целью подобного специального законодательства должно стать формирование инновационной, дружественной, но обязательно безопасной среды. Адекватное правовое регулирование, как отмечается в научной литературе⁴ [6; 8; 9], имеет ключевое значение для максимизации выгод и минимизации рисков, связанных с ИИ и его технологиями.

Возможно ли правовое регулирование ИИ по той же схеме, по какой происходит регулирование различных сфер жизни человека в обществе и государстве? В научной литературе есть мнение о том, что существует так называемое

³ Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации России. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.08.2020).

⁴ *Каллахан Г.* Закон об искусственном интеллекте: как закон применим к ИИ [Электронный ресурс] // Rev Speech-to-Text Services | Convert Audio & Video to Text. URL: <https://www.rev.com/blog/artificial-intelligence-law-how-the-law-applies-to-ai> (дата обращения: 15.08.2021); *Gyurász Z.* From principles to practice: Regulating Artificial intelligence. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/348499661_From_principles_to_practice_Regulating_Artificial_intelligence (дата обращения: 15.08.2021) и др.

жесткое (*hard law*) и мягкое право (*soft law*), существенная разница между которыми заключается в регуляторах, зафиксированных в системе законодательства. Жесткое право основано на трех основных видах норм права — управомочивающих, запрещающих и обязывающих, т. е. подразумевающих наличие выраженной воли субъекта права. В отношении существующего на современном этапе развития искусственного интеллекта говорить о существовании какой-либо воли ИИ, даже действующего на основе самостоятельно воспроизводимого машинного обучения, пока нет оснований. Поэтому понятия разрешительных, обязывающих или рекомендательных норм права не могут соотноситься со сферой технологий, имитирующих когнитивные способности человека, а следовательно, закон в том виде, о котором мы говорим, не вполне будет соотносим с ИИ как сложно определяемой в правосубъектном плане категорией [2; 4].

В последнее время в научной литературе [1; 6; 7] возник значительный интерес к феномену мягкого права, получившего широкое распространение с 1970-х годов. Так, Ю. Б. Фогельсон полагает мягкое право идентичным живому праву в социологической теории права Ф. К. фон Савиньи [3] и О. Эрлиха [5]. Согласно данной теории, право представляет собой известную систему таких элементов, как «социально-действенные правила поведения, объективированные в правовых нормах, общедоступные, систематизированные профессиональными юристами на основе общих принципов (научной основе), санкционированные и приводимые в исполнение государством, постоянно изменяемые, сознательно приспособляемые к изменениям общественной жизни профессиональными юристами» [5, с. 45].

Таким образом, в отличие от жесткого права, которое не только создает обязанности определенного поведения для сторон правоотношений, но и требует их исполнения под угрозой применения санкции, мягкое право также создает обязанности, однако требования их исполнения с юридической точки зрения там нет. Но существуют иные способы заставить субъектов не пренебрегать нормами *soft law*. Так, на международном уровне различные организации создают нормы-рекомендации, фиксирующие желательное поведение в различных правилах, стандартах, этических кодексах и др., при этом субъекты правоотношений следуют им чаще всего из опасения, что в случае их неисполнения они будут признаны ненадежными и по отношению к ним могут применить определенное давление.

Подобное применение мягкого права характерно не только для англо-американской системы права, но и для государств — членов Европейского союза (ЕС), которые довольно часто прибегают к так называемому открытому методу координации⁵ [9]. Суть такого метода заключается в создании различного рода рекомендаций, не обязательных к исполнению с точки зрения закона, но их исполнение жестко контролируется специально созданной для этого общественной организацией, в функции которой входит контроль за исполнением таких «необязательных» правил, в ходе которого собираются отчеты о применении

⁵ *Yakovleva S.* Open Method of Coordination: an Instrument to Overcome the Failures of Hard Law? URL: <http://www.hse.ru/en/news/49762249.htm> (дата обращения: 15.08.2021).

последних. В результате анализа подобных отчетов рекомендации и стандартизированные документы совершенствуются в их содержательно-логической части, а также выясняются причины неисполнения правил *soft law*. Такой неюридический способ принуждения к исполнению рекомендованных норм получил название *naming and shaming* и практикуется он не только в ЕС, но и в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и *Global Compact* в различных сферах их деятельности, в том числе и в финансовой.

На первый взгляд, мягкое право сходно с морально-нравственными социальными нормами, но это не совсем так. Отличительными чертами именно мягкого права являются следующие признаки. Во-первых, нормы права, подлежащие исполнению «по желанию», опубликованы в официальных документах определенной организации и находятся в широком доступе, поэтому ознакомление с ними не вызывает никаких проблем, при этом не закреплена обязательность их исполнения. Во-вторых, контроль за выполнением действий, предписанных стандартами или иными документами, возложен на специально созданный орган, встроенный в структуру определенной организации. В его задачи входит создание социального давления на тех, кто мягкое право не хочет исполнять. В-третьих, правила-рекомендации — это живое право, которое, приспосабливаясь в изменяющейся действительности, способно к изменениям. Если мягкое право реализуется на национальном уровне, то для создания соответствующих правил используется государственный аппарат, в том числе и его контрольные органы для применения различных форм социального давления [5, с. 48–49]. Отметим, что все эти характерные признаки свидетельствуют о том, что в случае применения мягкого права понятие «государственный суверенитет» практически не работает.

Исходя из анализа наднациональных документов, обращаясь в сфере ИИ, роботов, киберфизических систем, можно сделать вывод, что по отношению к ним применяется как раз мягкое право. Так, Г. Марчант отмечает, что сама проблема правового регулирования ИИ порождает целый ряд вопросов, ответ на которые может дать только *soft law*. Ведь особенности систем правотворчества, имеющиеся в каждой отдельной стране, не могут обеспечить единый подход к регулированию ИИ. Сегодня реальность такова, что, несмотря на все более широкое развертывание и применение ИИ в растущем диапазоне приложений и количестве отраслевых секторов, в ближайшие несколько лет в лучшем случае будет какое-то спорадическое разрозненное, во-многом традиционное, регулирование сферы ИИ. Поэтому на таком промежуточном этапе правового регулирования пробел в управлении для ИИ будет в основном восполнен именно механизмами мягкого права, которые излагают существенные ожидания, но не подлежат прямому исполнению со стороны правительства, включая такие подходы, как профессиональные руководящие принципы, частные стандарты, кодексы этики и поведения⁶.

⁶ *Marchant G.* Soft Law Governance Of Artificial Intelligence. 25 January 2019. URL: <https://aipulse.org/soft-law-governance-of-artificial-intelligence/> (дата обращения 13.08.2021); *Marchant G. E.* «Soft Law» Artificial Intelligence Management. 2019. URL: <https://aipulse.org/soft-law-governance-of-artificial-intelligence/> (дата обращения 15.08.2021).

В настоящий момент в Российской Федерации поставлен вопрос о необходимости разработки специального законодательства в сфере создания и практического применения ИИ, киберфизических систем, робототехники. Однако сам ИИ, его технологии пока еще слабо развиты, и поэтому автор настоящего раздела полагает возможным использовать на начальном этапе именно мягкое право. Отметим, что и традиционное регулирование использования конкретных технологий ИИ с применением сложившихся подходов к правовому регулированию может быть вполне осуществимо и даже необходимо, хотя сам ИИ обладает многими характеристиками других новых технологий, которые делают их невосприимчивыми к комплексным нормативным решениям⁷. Кроме того, применение ИИ поднимает широкий круг вопросов и проблем, которые выходят за рамки традиционного внимания регулирующих органов к рискам для здоровья людей, безопасности их и окружающей среды. Действительно, многие риски, создаваемые искусственным интеллектом, не всегда можно соотнести с национальной системой законодательства, включая такие проблемы, как технологическая безработица, взаимоотношения человека и машины, «предвзятые» алгоритмы и риски для существования человека, связанные с действиями будущего сверхума, возможные нарушения прав и свобод человека и гражданина. Поэтому возникает дилемма: следует ли ограничиться изменениями и дополнениями в уже существующие нормативные правовые акты или создать специальные законы, регулирующие либо отдельные аспекты ИИ, либо кодификационный акт, относящийся к сфере цифровых технологий, технологий ИИ, инновационных технологий и др.

По мнению Г. Е. Марчент, риски, преимущества и развитие ИИ весьма неопределенны, что опять же затрудняет принятие традиционных упреждающих нормативных решений, а национальные правительства не хотят препятствовать инновациям в новой технологии упреждающим регулированием в эпоху жесткой международной конкуренции [8]. Правительства стран ЕС, США, Великобритании и других стран все чаще принимают решения о превалировании мягкого права над традиционным правовым регулированием. Так, в Стратегии ИИ⁸ (2018) ЕС не стала предлагать никаких новых мер регулирования для ИИ и в декабре 2018 года Комиссия ЕС опубликовала Скоординированный план по искусственному интеллекту, в котором изложены цели и планы комиссии

⁷ Marchant G. E. «Soft Law» Artificial Intelligence Management. 2019. URL: <https://aipulse.org/soft-law-governance-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 15.08.2021).

⁸ Communication From The Commission To The European Parliament, The European Council, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions: Artificial Intelligence for Europe (April 25, 2018). URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-artificial-intelligence-europe> (дата обращения: 25.03.2021); European Parliament resolution with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)); European Economic and Social Committee opinion on AI (INT/806-EESC-2016-05369-00-00-AC-TRA).

в отношении общеевропейской стратегии по ИИ⁹. Однако Комиссия ЕС отметила, что «[пока] саморегулирование может предоставить только первый набор критериев, по которым могут быть оценены появляющиеся приложения и результаты, государственные органы должны обеспечить соответствие нормативно-правовой базы для разработки и использования технологий искусственного интеллекта, которые соответствуют этим ценностям и основным правам. Комиссия будет следить за развитием событий и при необходимости анализировать существующие правовые рамки, чтобы лучше адаптировать их к конкретным задачам, в частности для обеспечения уважения основных ценностей и основных прав Союза»¹⁰. Такой же позиции придерживается и верхняя палата парламента Великобритании, рекомендовавшая этический кодекс поведения для ИИ¹¹, так как «темпы изменений в технологии ИИ означают, что чрезмерно предписывающие или конкретные законы не успевают за темпами и могут почти устареть к моменту их принятия», поэтому «регулирование, касающееся искусственного интеллекта, на данном этапе было бы неуместным»¹².

Автор настоящей статьи солидаризуется, но лишь отчасти, с мнением, получившем закрепление в зарубежной литературе, о том, что мягкое право иногда можно рассматривать как переходную фазу механизма правового регулирования, однако считаем необходимым высказаться в том плане, что традиционное законодательное регулирование может содержать в себе его элементы, когда этические принципы включаются в текст закона и им подобным образом придается необходимая обязательность исполнения, подкрепленная силой государства. Примером чего является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (последняя редакция) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹³, где зафиксированы принципы такой правовой «песочницы» или закон штата Калифорния, выражающий поддержку Азиломарским принципам ИИ¹⁴.

⁹ Communication From The Commission To The European Parliament, The European Council, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions: Coordinated Plan on Artificial Intelligence Brussels, COM (2018) 795 final (Dec. 7, 2018). URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/coordinated-plan-artificial-intelligence> (дата обращения: 26.03.2021).

¹⁰ Там же.

¹¹ UK House of Lords, Select Committee on Artificial Intelligence, Report of Session 2017–19, HL Paper 100, AI in the UK: Ready, Willing and Able? (April 16, 2018). URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201719/ldselect/ldai/100/100.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).

¹² Там же.

¹³ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (последняя редакция) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации России. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2021).

¹⁴ State of California, Assembly Concurrent Resolution № 215 (Sept. 7, 2018) // The Journal of Robotics, Artificial Intelligence & Law. 2020. Vol. 3. № 1. P. 20–22. URL: <https://www.bakermckenzie.com/-/media/files/people/chaeyoon/rail-us-ai-regulation-guide.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).

Поэтому для Российской Федерации полагаем верным создание системы специальных норм права, дополняющих соответствующие нормативные правовые акты, которые закрепляют прежде всего правовые и этические принципы деятельности ИИ и рамочно регулируют применение технологий в различных сферах жизни общества, определенных в Концепции развития ИИ. Необходимость такого подхода диктует неоднозначное и слабо прогнозируемое развитие ИИ.

Литература

1. Демин А. В., Гройсман С. Е. Фактор принуждения в контексте «мягкого права» // *LexRussica*. 2019. № 4. С. 56–67.
2. Ручкина Г. Ф. Искусственный интеллект, роботы и объекты робототехники: к вопросу о теории правового регулирования в Российской Федерации // *Банковское право*. 2021. № 1. С. 7–18.
3. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 292–305.
4. Спицин И. Н., Тарасов И. Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 8. С. 96–107.
5. Фогельсон Ю. Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // *Журнал российского права*. 2013. № 9. С. 43–51.
6. Ellis J. *Shades of Grey: Soft Law and the Validity of Public International Law* // *Leiden Journal of International Law*. 2012. Vol. 25. № 2. P. 313–334.
7. Greco T. *The Reality of Rights. On Horizontal and Vertical Relationships in Law* // *Soft Power*. 2016. Vol. 2. № 2. P. 161–173.
8. Marchant G. E., Wallach W. Introduction. In *Emerging Technologies: Ethics, Law and Governance*. Association for the Advancement of Artificial Intelligence, 2018. P. 1–12.
9. Trubek M., Trubek L. *Hard and Soft Law in the Construction of Social Europe: The Role of the Open Method of Coordination* // *European Law Journal*. 2005. Vol. 11. № 3. P. 1–30.

Literatura

1. Demin A. V., Grojsman S. E. Faktor prinuzhdeniya v kontekste «myagkogo prava» // *LexRussica*. 2019. № 4. S. 56–67.
2. Ruchkina G. F. *Iskusstvenny`j intellekt, roboty` i ob`ekty` robototexniki: k voprosu o teorii pravovogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii* // *Bankovskoe pravo*. 2021. № 1. S. 7–18.
3. Savin`i F. K. fon. *Sistema sovremennogo rimskogo prava*. T. 1 / per. s nem. G. Zhigulina; pod red. O. Kuteladze, V. Zubarya. M.: Statut, 2011. S. 292–305.
4. Spicin I. N., Tarasov I. N. *Ispol`zovanie iskusstvennogo intellekta pri otpravlenii pravosudiya: teoreticheskie aspekty` pravovoj reglamentacii (postanovka problemy`)* // *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava*. 2020. T. 15. № 8. S. 96–107.
5. Fogel`son Yu. B. *Myagkoe pravo v sovremennom pravovom diskurse* // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2013. № 9. S. 43–51.

6. Ellis J. *Shades of Grey: Soft Law and the Validity of Public International Law* // *Leiden Journal of International Law*. 2012. Vol. 25. № 2. P. 313–334.

7. Greco T. *The Reality of Rights. On Horizontal and Vertical Relationships in Law* // *Soft Power*. 2016. Vol. 2. № 2. P. 161–173.

8. Marchant Gary E. & Wallach W. *Introduction*. In *Emerging Technologies: Ethics, Law and Governance*. Association for the Advancement of Artificial Intelligence, 2018. P. 1–12.

9. Trubek M., Trubek L. *Hard and Soft Law in the Construction of Social Europe: The Role of the Open Method of Coordination* // *European Law Journal*. 2005. Vol. 11. № 3. P. 1–30.

A. V. Popova

Soft Law as a Structural Part of the Complex Branch of Russian Legislation in the Field of Legal Regulation of Artificial Intelligence

The author of the article, basing on the analysis of legal documents and regulatory legal acts, Russian and foreign scientific literature, comes to the conclusion that it is necessary to determine not only the scope of legislation regulating artificial intelligence, but also legal and ethical principles, the so-called soft law, and for this reason to make appropriate changes to the general parts of codified acts concerning the legal principles of interaction between society and artificial intelligence (AI), as well as other types of cyber-physical systems. In particular, the article substantiates proposals on introducing a system of ethical principles of interaction with artificial intelligence, cyber-physical systems and robots in the form of amendments to federal legislation.

Keywords: artificial intelligence; legal regulation; branch of legislation; form of state; federal structure; union state.

УДК 343.98

DOI 10.25688/2076-9113.2021.44.4.10

С. Н. Чурилов

О некоторых авторских позициях С. А. Шейфера в теории доказательственного права

В статье рассматриваются отдельные спорные положения в теории доказательственного права, отстаиваемые известным процессуалистом С. А. Шейфером. Подвергается критике утверждение С. А. Шейфера о том, что представление доказательств является элементом доказывания. Приводятся доводы о несуществовании индивидуального предмета доказывания при производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: факты события; понятие доказательств; виды доказательств; источники доказательств; элементы доказывания; виды предмета доказывания.

Идеология современного уголовного судопроизводства, развиваемая правоведами в русле концепции судебной правовой реформы 1991 года, в основном выдержала проверку временем на эффективность. Однако считать ее безупречной нет достаточных оснований, ибо с момента принятия в 2001 году нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в него внесено множество законодательных изменений и дополнений, основу которых составляют научные положения, сформулированные коллективным разумом ученых-процессуалистов с учетом многовекового опыта совершенствования науки уголовного процесса и правоприменительной практики. Этот закономерный процесс развития теории уголовного судопроизводства и совершенствования на ее основе уголовно-процессуального закона продолжается до сих пор, и вряд ли в ближайшее время в нем будет поставлена точка. В частности, до последнего времени ведется оживленная дискуссия на страницах процессуальной литературы по целому ряду положений центральной части уголовно-процессуальной науки — теории доказательств и доказывания. Высказываются противоречивые мнения по поводу понятия доказательств, сущности и цели доказывания, способов и субъектов собирания доказательств и использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности. Не прекращается дискуссия по проблемам истины в уголовном судопроизводстве и процессуальной роли суда в судебном разбирательстве уголовных дел.

Существенный вклад в разрешение этих вопросов внесли работы выдающегося ученого-процессуалиста С. А. Шейфера. Итоги многолетнего труда подведены им во втором издании монографии, вышедшей в свет в 2020 году [10].

Отдавая дань уважения этому ученому, мы выскажем наше мнение по ряду выдвинутых им положений, которые полагаем достаточно спорными. Так, он считает шагом вперед в развитии теории доказательств и доказательственного права сформулированное в ч. 1 ст. 74 УПК РФ понятие доказательств, под которыми понимаются не *фактические данные*, а *любые сведения* [10, с. 49–88]. Такого же ошибочного мнения по этому вопросу придерживается В. И. Качалов, который считает, что термин «любые сведения» имеет более широкое толкование по сравнению с термином «фактические данные» [3, с. 235], хотя и признает, что сущность любого доказательства определяется сведениями о фактах [4, с. 300]. С такой трактовкой этого ключевого понятия в теории и праве нельзя согласиться, ибо она не согласуется с положениями теории отражения и гносеологии. При решении этого вопроса следует исходить из аксиоматического положения о том, что всякое событие, требующее судебного исследования, закономерно связано с изменениями в материальной обстановке и сознании людей в виде материальных и идеальных следов (фактов), сведения о которых в принципе объективно отражают содержание этого события.

Применительно к процессу доказывания, выявленная и зафиксированная в соответствии с УПК РФ информация об обстоятельствах исследуемого события и его участниках есть сведения о фактах. Термин «любые сведения» не с полной ясностью подчеркивает информационное содержание доказательства, и по этой причине использование этого термина в теории и практике порождает неоднозначное понимание его материальной и правовой природы.

С. А. Шейфер, отстаивая новаторство авторов, понимающих под доказательствами *любые сведения*, противоречит самому себе, когда правильно отмечает, что доказательственная информация представляет собой результат «вторичного отражения» в сознании субъекта доказывания и материалов уголовного дела [10, с. 49–88]. Это бесспорное положение дает основание утверждать о том, что разделяемое указанным автором понятие доказательств, содержащееся в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, не обрело более четкого определения.

Важно отметить правильное, на наш взгляд, умозаключение С. А. Шейфера, согласно которому доказательства, то есть *любые сведения* (в нашем понимании — сведения о фактах) имеют, кроме содержания, и процессуальную форму, к которой он относит указанные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания, заключение эксперта, протоколы следственных действий и пр. Но нельзя согласиться с его мнением о том, что любые сведения — это сведения не о фактах, а об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Такую же ошибку допускает и Р. В. Костенко [6, с. 20]. В нашем представлении, сведения о фактах — это *средство* установления уголовно-релевантных обстоятельств и других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно в такой трактовке понимались доказательства в теории и праве именитыми учеными-процессуалистами прошлых лет [2, с. 68; 8, с. 376].

Другая крайность при определении этого понятия состоит в том, что некоторые ученые считают доказательство не достоверное знание о факте объективной

действительности, а сам факт как источник информации о событии [1, с. 31]. На самом деле, с точки зрения гносеологии доказательственный факт есть познанный субъектом доказывания факт объективной действительности [5, с. 25].

С. А. Шейфер не усматривает существенных противоречий между ч. 1 и ч. 2 ст. 74 УПК РФ. В ч. 2 этой статьи закона содержится перечень видов доказательств. К их числу законодатель отнес показания, заключения эксперта, специалиста, протоколы следственных действий и некоторые другие документы. Представляется, что заключения эксперта, равно как и показания, не могут рассматриваться как виды доказательств либо их источники. Это процессуальная форма, в которой представляются доказательства. А непосредственно видами доказательств выступают фактические данные, содержащиеся в этих источниках.

Источниками указанных видов доказательств являются результаты первичного отражения события и связанных с ним обстоятельств. Поэтому следовало бы в указанной норме уголовно-процессуального закона отнести к видам доказательств фактические данные, содержащиеся в показаниях, протоколах следственных действий, заключении эксперта и т. п.

По мнению С. А. Шейфера, дело обстоит иначе: «источник» доказательства — это сформированное в познавательном процессе доказательство. Однако в гносеологическом плане, как отмечено выше, это утверждение неверно. На самом деле, доказательством являются сведения об их источнике, которые имеют отношение к уголовному делу и являются допустимыми и достоверными.

Резюмируя свои представления по поводу терминов «источник доказательства», «вид доказательства» и «форма доказательства», С. А. Шейфер приходит к парадоксальному, с нашей точки зрения, выводу: явления, обозначенные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следует именовать не источниками (с этим утверждением мы полностью согласны), а видами доказательств, ибо термин «вид» адекватен термину «форма» [10, с. 49–88]. Как отчетливо видно, в его представлении форма доказательства — это вид доказательства, что свидетельствует о полном выхолащивании из понятия доказательства его содержания.

Имеют значительный интерес для теории доказательственного права взгляды С. А. Шейфера на представление доказательств как элемент доказывания по уголовным делам. По мнению этого ученого, представление доказательств является одним из процессуальных действий по собиранию доказательств. Но верно ли это утверждение с точки зрения теории доказывания? Представляется, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ по следующей причине. Представление доказательств обвиняемым и другими лицами, указанными в законе, не может быть процессуальным действием по собиранию доказательств, ибо они не вправе производить какое-либо процессуальное действие. Собирание доказательств осуществляет должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Одним из способов собирания доказательств является, наряду с производством следственных действий и истребования доказательств, принятие (получение) доказательств. Если доказательство представляется допрашиваемым лицом, то этот факт фиксируется в протоколе допроса. Представление

доказательства вне рамок допроса фиксируется, в отличие от мнения С. А. Шейфера, в протоколе *принятия* доказательства, но не в протоколе представления доказательства. Представление доказательств не может иметь процессуального статуса самостоятельного элемента доказывания, несмотря на то что в ч. 2 ст. 86 УПК РФ говорится о праве обвиняемого и некоторых других участников процесса *собирать* и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к материалам уголовного дела. Их влияние на процесс доказывания по уголовному делу выражается только в представлении доказательств. То же самое происходит и в ходе судебного разбирательства, когда стороны, а также иные участники уголовного процесса представляют суду доказательства. При этом факт принятия доказательств, представляемых суду, фиксируется в протоколе судебного заседания. Таким образом, представление доказательств в суде также не может рассматриваться в качестве элемента доказывания наравне с элементами собирания, проверки и оценки доказательств.

Говоря о процессуальной форме представления доказательств в виде письменных документов и предметов, С. А. Шейфер полагает, что таковой является *протокол представления доказательств*. Однако это утверждение автора требует соответствующего комментария. С нашей точки зрения, несмотря на то что доказательства представляются по инициативе заинтересованного участника процесса, следует учитывать, что уголовное дело находится в производстве не у лица, представляющего доказательство, а у следователя, который принимает представляемое доказательство. Поэтому протокол логично именовать *протоколом принятия доказательств*. Аналогичное суждение по этому вопросу было высказано А. М. Лариным много лет назад [7, с. 63].

В этой связи С. А. Шейфер полагает, что наряду с составлением *протокола представления доказательств* следователь выносит постановление об относимости представляемого доказательства к данному уголовному делу, а суд — постановление (определение) об удовлетворении ходатайства лица о представлении доказательства. На наш взгляд, при принятии доказательства следователем вне рамок допроса лица, представляющего доказательство, достаточно составления протокола принятия доказательства, а в случае представления доказательства суду, суд выносит постановление (определение) о принятии доказательства либо об отказе в его принятии, о чем указывается в протоколе судебного заседания. При выявлении в ходе осмотра принятого документа или предмета признаков вещественного доказательства выносится следователем постановление, а судом — постановление (определение) о приобщении доказательства в качестве вещественного доказательства.

К сказанному следует добавить, что процессуальная форма этого процессуального действия должна включать: фиксацию следователем в протоколе принятия доказательства, а судом — в постановлении (определении) о принятии доказательства ходатайства лица о приобщении предмета или документа к уголовному делу; обстоятельства, для установления которых представляется объект; общих и индивидуальных свойств представляемого объекта.

С вопросом о понятиях доказательств и доказывания находится в тесной связи дискуссионный вопрос о предмете доказывания. С. А. Шейфер, подводя итоги ведущейся дискуссии по данному вопросу, справедливо обращает внимание на несовершенство описания предмета доказывания, имеющегося в ст. 73 УПК РФ, в которой указаны взаимоисключающие обстоятельства. С одной стороны, предписывается установить, к примеру, виновность обвиняемого в совершении преступления, а с другой — обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния. Данная ситуация указывает на эклектичность понятия предмета доказывания. Мы считаем продуктивным мнение этого ученого о том, что предмет доказывания должен быть описан в законе с обозначением всех возможных правовых исходов доказывания [10, с. 89–103].

Кроме этого, С. А. Шейфер пишет о правомерности существования трех различных уровней предмета доказывания. К первому уровню он относит общую формулу предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), применимую ко всем видам преступлений, но свободную от описания признаков конкретных составов преступлений. Второй уровень предмета доказывания определяется с учетом юридических признаков конкретного уголовно-наказуемого деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ. Эти два уровня предмета доказывания не вызывают у нас каких-либо возражений. Сходных взглядов по этому вопросу придерживаются многие ученые-процессуалисты. Что же касается правомерности определения третьего уровня предмета доказывания, то на этот счет у нас иное мнение. С. А. Шейфер, обосновывая существование третьего уровня предмета доказывания, пишет о том, что он приобретает индивидуальность за счет неповторимости обстоятельств совершения отдельного преступления. Кроме этого, предмет доказывания этого уровня, утверждает автор, охватывает не только уголовно-релевантные обстоятельства, но и доказательственные факты [10, с. 89–103]. С таким утверждением согласиться нельзя. По нашему убеждению, третьего уровня предмета доказывания не существует, и он существовать не может. Существует общий предмет доказывания, указанный в ст. 73 УПК РФ, и видовой предмет доказывания.

Видовой предмет доказывания по структуре и уголовно-правовому содержанию является во всех случаях одинаковым по уголовным делам о преступлениях одного и того же вида. Что же касается доказательственных фактов, то они как средства доказывания уголовно-релевантных обстоятельств не входят в видовой и тем более общий предмет доказывания. Заранее определить круг доказательств в ходе судебного исследования преступления как единичного явления невозможно в силу различных объективных и субъективных причин, они, в отличие от обстоятельств уголовно-правового значения, не образуют цели доказывания.

Для мнения о том, что предмет доказывания третьего уровня приобретает индивидуальность за счет разнообразия доказательств, собираемых по конкретному уголовному делу, нет достаточных оснований. Можно говорить только об индивидуальности доказательственной базы по каждому уголовному делу, но не об индивидуальности предмета доказывания.

Реанимация умирающей идеи давно минувших дней о том, что сами доказательства нуждаются в доказывании и по этой причине есть основания утверждать о правомерности существования индивидуального предмета доказывания, вряд ли достигнет желаемого результата. По нашему убеждению, однажды собранные по уголовному делу доказательства не нуждаются в повторном собирании как самостоятельном элементе доказывания, они нуждаются в их проверке и оценке. Если принять на вооружение противоположную точку зрения, то следует признать, что имеющиеся в уголовном деле доказательства вновь подлежат собиранию. Абсурдность такой позиции налицо [9, с. 103].

Таким образом, можно сделать вывод, что доказательствами по уголовному делу являются фактические данные о следах исследуемого события. Эти данные должны быть получены в порядке, который предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством. На основании этих данных субъект доказывания устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В качестве доказательств допускаются фактические данные, которые содержатся в протоколах следственных и судебных действий, показаниях, заключениях эксперта, специалиста, иных документах, принимаются также и вещественные доказательства.

Представление доказательств не является элементом доказывания. Получение доказательств субъектом доказывания — один из способов собирания доказательств, процессуальной формой которого является на стадии предварительного расследования протокол получения доказательства, а в суде — постановление (определение) о получении доказательства.

Индивидуального предмета доказывания, в отличие от общего и видового предмета доказывания, не существует. Доказательства по уголовному делу не являются составной частью предмета доказывания, они есть средства установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Литература

1. Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 52 с.
2. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М.: Городец, 1997. 448 с.
3. Качалов В. И. Общие положения теории доказательств в уголовном процессе // Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. М.: Юрайт, 2014. С. 234–276.
4. Качалов В. И. Доказательство в уголовном процессе // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. Г. И. Загорского. М.: Проспект, 2016. С. 288–337.
5. Кедров Б. М. Типы противоречий в развитии естествознания. М.: Наука, 1965. 352 с.
6. Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: Концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 35 с.

7. Ларин А. М. Истребование и представление предметов и документов в стадии расследования // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий. Ташкент: Изд-во НИиРИО, 1982. С. 62–68.
8. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 683 с.
9. Чурилов С. Н. Предмет доказывания по уголовным делам. М.: Изд-во РГСУ, 2017. 148 с.
10. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 240 с.

Literatura

1. Agutin A. V. Mirovozzrencheskie idei v ugovolno-processual`nom dokazy`vanii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2006. 52 s.
2. Viktoriskij S. I. Russkij ugovolny`j process. M.: Gorodecz, 1997. 448 s.
3. Kachalov V. I. Obshhie polozheniya teorii dokazatel`stv v ugovolnom processe // Ugovolno-processual`noe pravo: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury` / pod obshh. red. V. M. Lebedeva. M.: Yurajt, 2014. S. 234–276.
4. Kachalov V. I. Dokazatel`stvo v ugovolnom processe // Kommentarij k Ugovolno-processual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod nauch. red. G. I. Zagorskogo. M.: Prospekt, 2016. S. 288–337.
5. Kedrov B. M. Tipy` protivorechij v razvitii estestvoznaniya. M.: Nauka, 1965. 352 s.
6. Kostenko R. V. Dokazatel`stva v ugovolnom processe: Konceptual`ny`e podxody` i perspektivy` pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb., 2006. 35 s.
7. Larin A. M. Istrebovanie i predstavlenie predmetov i dokumentov v stadii rassledovaniya // Aktual`ny`e problemy` sovershenstvovaniya proizvodstva sledstvenny`x dejstvij. Tashkent: Izd-vo NIiRIO, 1982. S. 62–68.
8. Sluchevskij V. Uchebnik russkogo ugovolnogo processa. Sudostrojstvo – sudoproizvodstvo. 4-e izd., dop. i ispr. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1913. 683 s.
9. Churilov S. N. Predmet dokazy`vaniya po ugovolny`m delam. M.: Izd-vo RGSU, 2017. 148 s.
10. Shejfer S. A. Dokazatel`stva i dokazy`vanie po ugovolny`m delam: problemy` teorii i pravovogo regulirovaniya. M.: Norma: INFRA-M, 2020. 240 s.

S. N. Churilov

About Some of the Author's Positions of S. A. Shafer in the Theory of Evidence

The article examines certain controversial provisions in the theory of evidence, defended by the famous proceduralist S.A. Shafer. The assertion of S.A. Shafer that the presentation of evidence is an element of proof is criticized. Arguments are made about the non-existence of an individual subject of proof in criminal proceedings.

Keywords: facts of an event; the concept of evidence; types of evidence; sources of evidence; elements of evidence; types of subject of evidence.

Ж. А. Гаунова

Федерализм как залог успешного экономического развития государства

Федерализм как политико-правовое явление находится в постоянной динамике: подвергаются изменениям основные принципы федерализма, появляются новые аспекты и институты. В статье проведен анализ происходящих глубинных изменений федеративных отношений, основанный на обобщении практического опыта федеративных государств, который позволит более успешно двигаться по пути социального прогресса и экономического развития. По мнению автора, формирование новых и развитие уже существующих наиболее успешных инструментов и механизмов взаимодействия регионов с федеральным центром, а также регионов между собой в целях построения сбалансированной системы публичной власти должно привести к укреплению экономических связей и способствовать созданию благоприятного климата для бизнес-сообщества.

Ключевые слова: федеративные отношения; интеграция; экономика; межрегиональное сотрудничество; централизация; регионализация.

Федерализм как политико-правовой принцип государственного устройства, закрепленный на высшем законодательном уровне, обеспечивает необходимую гибкость и создает условия для эффективного взаимодействия федерации с составными частями, а также способствует экономическому развитию государства в целом. Как любому явлению правовой действительности, федерализму присущ многоаспектный характер, в этой связи уместно говорить о внутренних проявлениях федеративных отношений, направленных на урегулирование отношений федерации и ее субъектов, определении правового статуса субъекта, и внешних, регламентирующих возможность участия субъекта федерации в международных отношениях.

Федеративная форма государства является своего рода гарантией демократии и может быть эффективна только в условиях общества, характеризующегося определенным уровнем экономического развития. Следует отметить,

что понимание категории «федерализм» у государствоведов различных стран весьма отличается. Так, например, американские ученые вкладывают в это понятие не только и не столько собственно форму государственного устройства страны, сколько форму правления, в отличие от российских авторов. Так, американский профессор Винсент Остром отмечает следующее: «Одна из важнейших проблем, касающихся управления человеческими обществами, — это соотношение федерализма и широко распространенных в различных частях мира устремлений людей к тому, что называют демократией [2, с. 20–21]». Российские ученые подходят к данному вопросу более прагматично и рассматривают федерализм как способ сочетания централизации и самостоятельности субъектов государства [4, с. 26].

На юридической карте мира сегодня выделяют 28 федераций, и они настолько различаются, что отнести всех их к одной форме государственного устройства можно только с большим допуском¹. Но все же федеративное наполнение для них является ключевым, несмотря на то, демократический политический режим там или авторитарный², республика это или монархия³.

История возникновения, а также развития государств с федеративным типом государственного устройства доказывает, что существует ряд факторов, непосредственно влияющих на его становление и последующее развитие. К таким факторам можно отнести экономические и естественно-географические, а также способ возникновения федерации. В XX веке федеративная форма государства начала использоваться для разрешения этнических проблем. К примеру, этнический фактор был ключевым в процессе реформирования федерации, а также разделения штатов в Индии, при создании и реорганизации федерации в Нигерии, Бельгии, Эфиопии. Обобщая опыт федеративных государств, можно констатировать, что, как правило, образование федераций происходит либо без учета этнической принадлежности населения⁴, либо именно различный этнический состав объединяющихся субъектов⁵ и является ключевым⁶.

¹ Федеративными являются примерно 13 % всех государств, но в них проживает почти треть населения Земли, а по площади они занимают примерно 50 % территории планеты.

² Малайзия, Федеральная Исламская Республика Коморские острова, Объединенная республика Танзания.

³ Объединенные Арабские Эмираты, Малайзия, Бельгия, Федерация Сент-Китс и Невис и др.

⁴ США, Германия, Австрия.

⁵ Югославия, Чехословакия, СССР, РФ.

⁶ Тенденция постепенного перехода от использования национального фактора к территориальным основам при создании или реформировании федерации накладывает дополнительные особенности. Территориальный федерализм в первую очередь предполагает децентрализацию с четким определением предметной компетенции субъектов с соответствующим материально-финансовым обеспечением. Несмотря на то что в целом наметился отход от формальной атрибутики государственных образований (герб, гимн, флаг, столица, названия высших органов), укрепились и получили развитие индивидуальные характеристики этноса (язык, обычаи, традиции, фольклор, ремесла, традиционные способы хозяйствования, спорт и т. д.).

Большое разнообразие причин и способов образования федеративных государств⁷ предопределяет множественность их видов, а также различную степень самостоятельности субъектов. Подавляющее большинство современных федераций, к примеру, не допускает сепарации (т. е. возможность выхода каких-либо образований из состава государства), а в Эфиопии она допускается. Различаются подходы и в отношении законодательной деятельности субъектов: где-то правовые акты субъектов федерации имеют ключевое значение в обозначенных сферах регулирования, а где-то такие акты являются номинальными. Существуют особенности и в определении субъектного состава федераций: одни включают в себя лишь равноправные территориальные единицы, другие в составе имеют общенациональные территории с особым статусом (США, Мексика, Бразилия), а третьи вообще состоят из субъектов разных типов и различных компетенций.

Нетипичной является классификация федераций по способу образования на центробежные (*coming-together federalism*) и центростремительные (*holding-together federalism*), о которой говорят канадские исследователи в своей книге «Сравнительный федерализм: системное исследование» [7, с. 54]. Центробежный федерализм, на их взгляд, является больше исключением, чем нормальной практикой (к примеру, бельгийский федерализм) — это случаи, когда унитарное государство сохраняет государственность только благодаря переходу к федерализму.

Очевидно, что вопросы, связанные с оптимизацией управления в государстве, должны рассматриваться неразрывно: это и вопросы компетенции местного самоуправления, федерального центра и субъектов федерации, а также деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Федеративные отношения зачастую осложняются не только демографическим составом населения, но и экономической, социальной и политической дифференциацией субъектов⁸, пробелами в законодательстве.

Важно помнить, что установленная конституцией или другим документом федеративная модель — это саморегулирующийся механизм, функционирующий в меняющихся условиях и с течением времени почти всегда будет необходима адаптация и корректировка этой модели. Степень централизации федерации можно выявить, оценив закрепленную модель распределения компетенций между федерацией и ее субъектами. Существующая модель всегда опосредована индивидуальными особенностями того или иного государства, есть также зависимость реализации от конкретных исторических и экономических условий. Как правило, в государствах, где федеративная форма отношений

⁷ Возникновение федераций происходило, как правило, в результате объединения суверенных государств или других территориальных единиц (Германия, Швейцария), либо они являлись доминионами или иными зависимыми территориями (Австралия, Индия, Бразилия, Нигерия).

⁸ Основной закон ФРГ, например, закрепляет, что территория федерации может быть изменена, для того чтобы «земли согласно их величине и возможностям могли эффективно выполнять возложенные на них задачи». При этом должны учитываться следующие факторы: земляческая общность, исторические и культурные связи, хозяйственная целесообразность, а также требования развития региональной инфраструктуры и территориального планирования.

более или менее стабильна и устойчива, за федерацией закрепляется конкретный перечень вопросов, который принципиально важен для государства в целом. К примеру, в достаточно децентрализованной Германии такой перечень включает всего 11 вопросов, тогда как в более централизованных федерациях, таких как Пакистан и Индия, их 67 и 97 соответственно. Встречаются и уникальные модели размежевания компетенций; так, в конституции Швейцарии не содержится исчерпывающий их перечень, а определения полномочий федерации и штатов разбросаны по разным ее статьям. Следует учитывать, что конституционно закрепленный способ распределения и осуществления полномочий может различаться с существующим на практике⁹. К федерациям с высокой степенью централизации можно отнести Индию, Пакистан, на практике этому соответствуют и Венесуэла с Мексикой, а также Аргентину и Бразилию из-за частого применения института федерального вмешательства в дела субъектов федерации. Примечательно, что данный институт отражен и в конституциях многих других федеративных государств, в том числе децентрализованных, хотя на практике его применение никогда не было востребовано¹⁰.

Еще одна классификация федеративных моделей предполагает их деление на симметричные и асимметричные, что также является достаточно условным, но, безусловно, влияет на статус субъекта в федерации и на его международную правосубъектность. Как отмечают М. В. Баглай и В. А. Туманов, асимметричность — это определенное отступление от такого основополагающего принципа федеративного государственного устройства, как равенство всех субъектов федерации [5, с. 22]. Тем не менее полагать, что абсолютно симметричная федерация возможна и целесообразна, видится нам подходом неверным в первую очередь потому, что асимметричность может быть оправдана ввиду объективно существующих социально-экономических, исторических, этнических, географических и иных различий территориальных единиц федеративного государства¹¹.

⁹ Характерно, например, для ОАЭ. Согласно Конституции 1971 года ОАЭ являются относительно децентрализованной федерацией, но на практике решающее влияние имеет эмират Абу Даби.

¹⁰ К примеру, ст. 37 Основного закона ФРГ определяет, что «если земля не выполняет возложенных на нее основным законом или другим федеральным законом федеральных обязанностей, федеральное правительство с согласия Бундесрата может принять необходимые меры, чтобы в порядке федерального принуждения побудить землю к выполнению своих обязанностей». Как правило, речь идет о таких нарушениях, как непоступление федеральных налогов, отказ от участия в планировании и строительстве федеральных дорог и др. Федеральное правительство может использовать различные меры для принуждения земли к выполнению своих обязательств, к примеру такие как финансовое воздействие или применение полицейских сил других земель, отстранение правительства земли, роспуск ее парламента — ландтага, назначение федерального комиссара или принятие федеральными властями временной опеки над властями земли (кроме судебных органов).

¹¹ Как отмечает И. А. Умнова, в силу наличия у субъектов федерации географических, геополитических, политических и иных особенностей они объективно не могут обладать равным статусом (см.: Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма: учеб.-практ. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2000. С. 155).

Как справедливо отмечает профессор С. А. Авакьян, «асимметричность позволяет учитывать специфику отдельных субъектов и поэтому не вредит федерации, а является одним из конструктивных диалектических средств федеративного строительства» [1, с. 72]. Создание асимметричной федерации также позволяет установить особую охрану исконной среды обитания малых народностей, уникальных природных богатств и т. п. На практике возникают ситуации, когда федерации де-юре провозглашаются симметричными и на конституционном уровне закрепляется однородный субъектный состав и равный правовой статус, при этом де-факто субъекты федерации равны не во всем¹².

Субъектный состав федеративных государств в современном мире является весьма неоднородным как по количеству государствообразующих субъектов, так и по конституционно закреплённым принципам их объединения. Достаточно широкий и нетипичный подход к структуре и понятию федерации, который имеет значение для правового статуса субъектов современных федераций, был применен в бразильской конституции 1998 года. Статья 1 Конституции Бразилии выходит за пределы определения федерации только как союза штатов и устанавливает, что Федеративная Республика Бразилия представляет собой нерасторжимый союз штатов, муниципий и федерального округа¹³. Так, в понятие союза, согласно Конституции Бразилии, включены разнородные и соподчиненные части федеративного государства. Таким образом, на практике получает распространение ситуация, когда административно-территориальные единицы государства¹⁴, которые не являются субъектами федерации, получают некоторые элементы субъектности [6, с. 25].

Чаще всего тенденции централизации/децентрализации сочетаются. Так, субъекты иногда получают больше полномочий, в том числе и для того, чтобы разгрузить федеральный бюджет (в США, например, в последние десятилетия штатам предоставляется больше полномочий в социальной сфере), а где-то происходит передача полномочий без необходимого их финансового обеспечения. Что мы имеем в итоге? С одной стороны, пронизывающие современный мир процессы интеграции толкают к большей централизации, но очевидно, что федеративные государства должны быть заинтересованы в поиске таких путей и способов, которые позволят обеспечить единую федеральную политику, не нарушая при этом права субъектов. С другой — неограниченная самостоятельность субъектов федерации и движение к децентрализации привели к появлению такого феномена, как конкурентный федерализм. В связи с этим возникает вопрос, могут ли конкурирующие между собой территориальные единицы федерации, которые обладают в равной степени ограниченным суверенитетом, если о таком суверенитете вообще можно говорить, и реализуют его в разнообразных институционально-экономических формах, эффективно

¹² К таким федерациям можно отнести Швейцарию и Австрию.

¹³ Конституция Федеративной Республики Бразилия от 5 октября 1988 года.

¹⁴ К примеру, в Нигерии федеральный округ представлен в сенате, правда, меньшим числом сенаторов, чем штаты, но с правом решающего голоса.

сосуществовать друг с другом. В данном случае очевидно, что для эффективной реализации данной концепции территориального устройства требуются инновации в области государственного, регионального и муниципального администрирования.

Ключевым поворотом в развитии федеративных отношений в нашей стране, по-видимому, может стать принятие документа стратегического планирования, а именно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹⁵. Данный документ является своеобразным планом реорганизации пространства России, что несет в себе некоторые опасности как для сложившейся федеративной модели (сохраняются все недостатки централизации и вертикальных отношений центра и регионов), так и для социально-экономического развития субъектов. Стратегия предусматривает формирование 12 макрорегионов¹⁶, для каждого из которых на основе конкурентных преимуществ (в том числе природных) определены перспективные экономические специализации. В подходе, сформулированном в документе, упор сделан на реализацию масштабных проектов с выделением федеральных средств уже присутствующим в регионах крупным акторам, что не будет способствовать в полной мере достижению цели, сформулированной в самой стратегии, а именно обеспечению устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения. Кроме того, как известно, макрорегиональные образования не имеют собственных бюджетов, что не в полной мере соответствует логике единства вертикального стратегического планирования.

Необходимо отметить, что одной из существенных черт современного федерализма является постоянная динамика, федерализм адаптируется к новым внутренним и внешним вызовам, идет поиск наиболее оптимальных управленческих решений для достижения экономического и социального благополучия всех субъектов федерации. Для многих молодых федераций характерен поиск адекватных моделей федеративного устройства, которые смогли бы установить оптимальный баланс между тенденциями централизации и децентрализации в механизме функционирования федеративного процесса.

Еще одним важным вопросом в жизни современной федерации является вопрос возможности участия субъекта федерации в международных отношениях¹⁷, что может оказать благоприятное влияние на развитие экономических

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. № 7 (ч. 2). Ст. 702.

¹⁶ Центральный, Центрально-Черноземный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Уральско-Сибирский, Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский, Дальневосточный.

¹⁷ К примеру, Основной закон ФРГ 1949 года в ст. 24 предусматривает, что «земли правомочны осуществлять государственную компетенцию и в выполнении государственных задач, они могут с одобрения Федерального правительства передавать свои суверенные права

связей. Как правило, такое участие возможно в установленных федеральным законодательством рамках. Существуют некоторые особенности и тенденции по расширению возможностей участия субъектов федерации в международных отношениях, что, безусловно, имеет, с одной стороны, свои плюсы, а с другой стороны, может создать сложности в отношениях субъектов и федерации, привести к большей экономической самостоятельности субъекта, а следовательно, и к желанию все большего объема компетенции.

В этой связи возникает множество вопросов относительно правосубъектности таких субъектов. Возможна ли вообще ограниченная международная правосубъектность субъектов федерации? Подобный прецедент существовал в истории нашего государства. Так, согласно Конституции СССР 1977 года союзные республики были субъектами международного права, а Украина и Белоруссия были даже членами ООН и участвовали во многих международных договорах. Несмотря на это, как пишет Е. Г. Крылова, «ретроспективный анализ федеративного устройства России показывает, что ее государственно-правовая система по сути всегда была унитарной, а РСФСР представляла собой федералистский правовой каркас с унитарным наполнением. Это привело к формированию в Российской Федерации фантомного федерализма — модели государственного устройства, в которой правовая конструкция не совпадает с политическими, управленческими и экономическими реалиями» [4, с. 15].

Особенно перспективным в настоящий момент видится бурно развивающееся приграничное сотрудничество между субъектами федераций. На развитие основ и принципов федеративных отношений, а также развитие экономических связей существенное влияние оказало создание и функционирование так называемых еврорегионов¹⁸. Действуют они на основании учредительных документов, чаще всего на основе уставов, принимаемых их членами. Как правило, сначала

приграничным учреждениям». Согласно ст. 16 Конституции Австрии, земли в вопросах собственного ведения могут заключать государственные договоры с пограничными государствами или их составными частями. Аналогичные нормы имеются и в конституциях ряда других федеративных государств: активное участие в международных отношениях принимают провинции Канады, штаты США, штаты Австралии и др. Согласно ст. 56 Конституции Швейцарии кантоны в сфере своей компетенции вправе заключать договоры «с заграницей», как правило, такие договоры касаются вопросов экономического сотрудничества. Кантоны имеют обязанность об информировании федеральных властей о своих планах по заключению таких соглашений, а далее соответствующее федеральное министерство дает заключение о соответствии или нет соглашения федеральному законодательству.

¹⁸ Так, в 1997 году был создан еврорегион «Неман», включающий в себя пять районов Калининградской области (Россия), Гродненскую область (Белоруссия), Подляское воеводство (Польша), Вильнюсский, Алитусский и Марьямпольский поветы (Литва). Затем в 1998 году был образован еврорегион «Балтика», в состав которого входят административно-территориальные образования шести государств: Дании, Швеции, Латвии, Литвы, Российской Федерации и Польши. С 2004 года действует еврорегион «Псков – Ливония», в который входят пять районов Псковской области, четыре района Латвии и три уездных союза самоуправления Эстонии. В 2007 году создан еврорегион «Ярославна» в составе Курской области (Россия) и Сумской области (Украина).

закключается соглашение о создании еврорегиона, а уже затем в уставных документах определяются правовой статус, участники, их права и обязанности, органы управления и порядок принятия ими решений, а также цели сотрудничества. Главная цель данных структур — создание условий для устойчивого развития приграничных территорий за счет объединения усилий и координации деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Вызывает большой интерес как с точки зрения развития экономики, так и основ федеративного устройства приграничное сотрудничество России и Казахстана. Так, с 2003 года проводятся форумы межрегионального сотрудничества, на последнем, проходившем в ноябре 2019 года в Омске, присутствовали около 1600 представителей из 24 российских субъектов и 10 казахстанских областей, в том числе главы регионов, федеральные министры, бизнесмены, эксперты и ученые. Ежегодно на таких форумах обсуждаются и подписываются межведомственные, межрегиональные соглашения, а также коммерческие договоренности, которые способствуют развитию и укреплению российско-казахстанского стратегического партнерства. Тема приграничного сотрудничества¹⁹ и улучшения приграничной инфраструктуры, вопросы торгово-инвестиционного сотрудничества и углубления промышленной кооперации, а также контакты в гуманитарной сфере были ключевыми на последнем форуме. Главный итог — это разработка и принятие концепции программы приграничного сотрудничества, которую должны обогатить конкретными проектами, идеями и инициативами регионы двух стран.

Необходимо отметить, что именно государство самостоятельно, как правило, на конституционном уровне, определяет характер и степень участия субъекта федерации в международной деятельности. Наличие или отсутствие данного правомочия представляет собой отличительную особенность, характерную той или иной национальной модели федерализма. При этом следует учитывать, что степень вовлеченности территориальных единиц федерации в международные дела в некоторой степени и определяет природу федеративных отношений в государстве.

Сегодня можно констатировать, что сохраняется тенденция возрастания роли внутригосударственных административно-территориальных образований в системе международных отношений. Федеративные государства вынуждены в большей степени учитывать позицию субъектов при определении своего внешнеполитического и внешнеэкономического курса²⁰. Подобная ситуация характерна и для некоторых европейских государств, где в последнее время

¹⁹ Интересным и плодотворным может стать развитие сотрудничества в сфере туризма. Такой проект, как «Большое золотое кольцо Алтая», который имеет статус межрегионального трансграничного туристского маршрута, важен как для экономического сотрудничества двух стран, так и для развития культурных связей. Углубление сотрудничества в этом направлении — это совмещение отдыха, экскурсий и лечения.

²⁰ Субъекты федерации в международном сотрудничестве [Электронный ресурс] // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. Вып. 3 (32). Апрель 2008. URL: <https://mgimo.ru/files/12597/az-32.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).

особенно часто наблюдается активность процессов регионализации и федерализации. Все чаще экономически развитые субъекты федераций требуют расширения своих прав в различных сферах, настаивают на возможности участия в международной деятельности и предоставлении больших полномочий в налоговой и бюджетной сферах. Таким образом, в настоящий момент в международных отношениях уже сложился так называемый новый регионализм, для которого характерно расширение участия субъектов федерации в международной деятельности.

Вместе с тем следует учитывать, что возрастающая роль наднациональных объединений и организаций в современном мире зачастую приводит к сокращению полномочий и юрисдикции субъектов федерации²¹.

Еще в недалеком прошлом в нашей стране наблюдалось некое отставание от требуемых темпов экономического и социального развития, государство не поспевало за стремительными процессами перестройки в экономике и социальной сфере. Сегодня же имеет место противоположное явление — государственное развитие набрало такие темпы, которые во многом уже опережают темпы экономического развития, в связи с этим существенные усилия направлены на преодоление этого отставания, в том числе путем реформ, разработки и принятия стратегических программ и национальных проектов.

Поправки к Конституции РФ, принятые на общероссийском голосовании 1 июля 2020 года, отчасти изменили конструкцию федеративной модели нашего государства. Ключевым органом, усиливающим федеративную составляющую, стал Государственный совет, основной функцией которого стало обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти и определение приоритетных направлений социально-экономического развития страны.

Кроме того, положительным шагом в направлении повышения эффективности функционирования федеративной модели территориального устройства стало появление новой нормы в Конституции РФ²². Так, согласно ст. 75.1, «в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан». Данная норма накладывает обязанность на государство и его органы по созданию благоприятной среды для развития бизнеса и экономики в целом.

Важным моментом в свете этих изменений станет практическая реализация, а именно создание действенных механизмов взаимодействия всех субъек-

²¹ Например, подписанное еще в 1992 году Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) привело к сокращению полномочий штатов США в сфере регулирования санитарных норм, страховых и финансовых услуг и др. Негативную реакцию земель в ФРГ в свое время вызвала частичная передача их полномочий, в том числе в области регулирования радиовещания, подготовки кадров, образования, охраны окружающей среды и др., институтам Европейского союза.

²² Внесены Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ (вступили в силу 4 июля 2020 года).

тов, заинтересованных в стабильном экономическом развитии государства. Как можно более широкое использование таких юридических технологий, как оценка регулирующего воздействия, оценка фактического воздействия, антикоррупционная экспертиза с включением в эти механизмы бизнеса, будет способствовать развитию законодательства и повышению его эффективности. Очевидно, что современная модель правового федеративного государства должна отражать результаты научно-технологического развития, в том числе связанные с цифровизацией экономики и социальной сферы.

Литература

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
2. Винсент Остром. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М.: Арена, 1993. 320 с.
3. Крылова Е. Г. Федерализм как демократическая территориальная организация правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 16. С. 14–19.
4. Тихомиров Ю. А. Государственно-правовые аспекты федерализма // Федерализм. 1999. № 2. С. 24–29.
5. Туманов В. А., Баглай М. В. Малая энциклопедия конституционного права. М.: БЕК, 1998. 519 с.
6. Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. М.: МНИМП, 1997. 128 с.
7. Thomas O. Hueglin, Alan Fenna Comparative Federalism: A Systematic Inquiry, Second Edition. University of Toronto Press, 2015. 480 с.

Literatura

1. Avak`yan S. A. Konstitucionny`j leksikon: Gosudarstvenno-pravovoj terminologicheskij slovar`. M.: Yusticinform, 2015. 640 s.
2. Vinsent Ostrom. Smy`sl amerikanskogo federalizma. Chto takoe samoupravlyayushheesya obshhestvo. M.: Arena, 1993. 320 s.
3. Kry`lova E. G. Federalizm kak demokraticeskaya territorial`naya organizaciya pravovogo gosudarstva // Konstitucionnoe i municipal`noe pravo. 2007. № 16. S. 14–19.
4. Tixomirov Yu. A. Gosudarstvenno-pravovy`e aspekty` federalizma // Federalizm. 1999. № 2. S. 24–29.
5. Tumanov V. A., Baglaj M. V. Malaya e`nciklopediya konstitucionnogo prava. M.: BEK, 1998. 519 s.
6. Chirkin V. E. Sovremennoe federativnoe gosudarstvo. M.: MNIMP, 1997. 128 s.
7. Thomas O. Hueglin, Alan Fenna Comparative Federalism: A Systematic Inquiry, Second Edition. University of Toronto Press, 2015. 480 s.

Zh. A. Gaunova

Federalism as the Key to Successful Economic Development of the State

Federalism as a political and legal phenomenon is in constant dynamics: the basic principles of federalism are subject to changes, new aspects and institutions appear. The analysis of the ongoing profound changes in the features of federal relations and a theoretical generalization of the practical experience of all federal states will make it possible to move along the path of social progress and economic development. The formation of new, as well as the development of the already existing most successful instruments and mechanisms of interaction between regions and the federal center, as well as regions among themselves, in order to build a balanced system of public power should lead to strengthening economic ties and contribute to the creation of a favorable environment for the business community.

Keywords: federative relations; integration; economics; interregional cooperation; centralization; regionalization.

УДК 343.274

DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.12

**М. Д. Рябенко,
Д. Н. Садчикова**

Разработка цифровой платформы для организации исполнения принудительных работ

В данной статье раскрывается проблема трудоустройства лиц, осужденных к принудительным работам, применительно к категории лиц, отбывающих данный вид наказания на территории организаций. Авторское решение этой проблемы видится в создании уникального интернет-ресурса «Государственная автоматизированная система трудоустройства осужденных к принудительным работам», посредством которого будет налажено взаимодействие между Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН), осужденными и потенциальными работодателями. В статье анализируются этапы создания такой платформы, делаются выводы о путях дальнейшего развития данного интернет-ресурса.

Ключевые слова: принудительный труд; Федеральная служба исполнения наказаний; осужденные; крупные и средние предприятия; интернет-платформа; информационная платформа.

В соответствии с принятым 18 июля 2019 г. Федеральным законом № 179-ФЗ в Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» расширена возможность трудоустройства осужденных к принудительным работам посредством разрешения отбывания данного наказания на территории организаций. Внесенные в действующее уголовное законодательство поправки увеличили число мест, предназначенных для исполнения принудительных работ (исправительные центры, а также изолированные участки при колониях, функционирующие в качестве указанных центров), новым объектом — участками исправительных центров на территории организаций, использующих труд осужденных. Указанные участки организуются на основании имущества, передаваемого конкретной организацией-работодателем в бесплатное пользование. Согласно внесенным изменениям, а также в соответствии с особенностями исполнения принудительных работ, на администрацию соответствующей организации ложатся обязанности предоставить осужденным общежитие для проживания и содействовать в материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении указанного контингента сотрудников.

Подобное расширение трудовых возможностей осужденных к принудительным работам, бесспорно, несет в себе серьезный прогрессивный потенциал.

В последнее время предприятия крупного и среднего бизнеса проявляют все большую заинтересованность в использовании труда лиц, отбывающих наказание. Положительный эффект от подобной меры также распространяется и на самих осужденных, за которыми сохраняется возможность поддержания социальных связей и иных контактов с обществом.

Перспективная идея взаимодействия по типу «ФСИН – организация – осужденный» постепенно развивается и поддерживается властями различных субъектов РФ. Практику успешного взаимодействия осужденных с крупными и средними предприятиями можно наблюдать на примере Новгородской, Воронежской областей, а также в Пермском и Приморском краях, где осужденные живут и работают на территории различных организаций: мясоперерабатывающего комбината, мебельной фабрики, рыбоперерабатывающего и деревообрабатывающего заводов¹ [3].

Однако полноценной реализации такой разумной меры на сегодняшний день препятствует наличие ряда организационных и правовых проблем: ограниченный круг организаций, предоставляющих рабочие места, отсутствие информации о кадровом составе и численности осужденных и т. д.

Очевидно, что затронутая проблема носит трехсторонний характер, ведь потребность в ее разрешении ощущается как со стороны государства в лице ФСИН РФ, так и организаций и, конечно же, самих осужденных. Полагаем, что подобные трудности связаны прежде всего с недостаточным уровнем взаимодействия ФСИН РФ с предприятиями как крупного, так и среднего бизнеса. Ключевая проблема сводится к необходимости налаживания поиска осужденным работы, что не только повысит исправительный эффект от отбывания принудительных работ, но и станет экономическим стимулом повышения доходности для всех заинтересованных субъектов: осужденных, организаций и самого государства. Для разрешения подобного рода проблемы предлагается разработать единую объединяющую информационную среду, представляющую собой интернет-платформу, предназначенную для быстрого, качественного и легкого взаимодействия организаций с осужденными при контроле со стороны ФСИН РФ.

Ценность автоматизированных информационных процессов взаимодействия органов ФСИН, осужденных и потенциальных работодателей состоит не только в усилении исправительного эффекта от отбывания назначенного наказания, но и в повышении доходов всех трех заинтересованных субъектов, в доле которых немаловажную нишу занимает государство. Предлагаемая интернет-платформа приведет к сокращению времени поиска работодателями недостающих им кадровых единиц.

¹ Власти поддержали законопроект, позволяющий нанимать на работу заключенных [Электронный ресурс] // Российская газета. 2021. № 106 (8457). URL: <https://rg.ru/2021/05/17/vlasti-podderzhali-zakonoproekt-pozvoliaiushchij-nanimat-na-rabotu-zakliuchennyh.html/> (дата обращения: 22.06.2021).

В ходе организационной деятельности по исполнению принудительных работ с применением рассматриваемой интернет-платформы «Государственная автоматизированная система трудоустройства осужденных к принудительным работам» (далее — ГАС ТОПР) планируются следующие этапы:

1. Вступление в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде принудительных работ.

2. Внесение судом сведений об осужденном путем размещения его анкеты на портале ГАС ТОПР.

3. Поиск места отбывания наказания самим осужденным в срок, не более 14 дней с момента внесения сведений на портал и выдачи ему личных логина/пароля. В то же время организации, заинтересованные в том или ином работнике, могут, основываясь на анкетных данных, предложить осужденному определенную вакансию.

4. В случаях, когда осужденный не может найти подходящую работу, он отбывает наказание в обычном порядке, т. е. в исправительном центре по месту жительства.

Перед разработкой общероссийской версии продукта видится необходимым рассмотреть востребованность и полезность разрабатываемой платформы на примере ее использования в Курской области.

Так, по состоянию на 1 февраля 2021 г. в Курской области (поселок Иванино на территории Курчатовского района) существует 1 изолированный участок, который функционирует в качестве исправительного центра, при этом лимит осужденных составляет 80 человек². В ходе анализа информации было выявлено, что к организациям Курской области, выступающим потенциальными работодателями для осужденных к принудительным работам, можно отнести такие крупные предприятия, как «Грибная Радуга», «Агропромкомплектация», «Проект “Свежий хлеб”» и т. д. Посредством анализа состояния рынка в Курском регионе были выделены три потенциальных покупателя (табл. 1).

В представленной таблице 1 можно увидеть ряд актуальных вакансий, размещенных вышеупомянутыми организациями. Обращаем внимание на то, что некоторые из них размещены на официальных сайтах организаций в течение продолжительного времени, что свидетельствует о том, что организации не могут найти необходимые для полноценной работы кадры, а этот факт только подтверждает актуальность затронутой темы.

Помимо этого, исходя из положений ч. 5 ст. 53.1 УК РФ, в доход государства из заработной платы лица, осужденного к принудительным работам, удерживается определенный процент (от 5 до 20 %). В частности, в размещенной ниже таблице 2 представлены суммы для перечисления в доход государства исходя из среднего показателя, равного 12,5 %. Немаловажным является тот факт, что средняя заработная плата высчитывалась на основе данных, размещенных на сайте Head Hunter (<http://hh.ru>) в разделе по Курской области.

² Краткая характеристика УФСИН по Курской области. URL: <https://46.fsin.gov.ru/other/statist.php> (дата обращения: 15.06.2021).

Таблица 1

Вакансии потенциальных осужденных к принудительным работам¹

«Грибная Радуга»		«Агропромкомплектация»		«Проект “Свежий хлеб”»	
Наименование вакансии	Примерная заработная плата, руб.	Наименование вакансии	Примерная заработная плата, руб.	Наименование вакансии	Примерная заработная плата, руб.
Инженер-сметчик	От 31 625	Агроном-полевод	От 55 000	Менеджер по оптовым продажам	От 37 500
Специалист по работе с иностранными гражданами	От 45 000	Главный агроном	60 000	Диспетчер колл-центра отдела продаж	От 18 000
Электрослесарь	От 38 500	Специалист по контролю пищевой продукции	От 35 000	Слесарь по ремонту автомобилей/автоэлектрик	От 20 000
Сборщик грибов	От 40 000	Жиловец мяса	От 45 000	Пекарь	От 18 000
Программист-аналитик 1С	От 70 000	Изготовитель натуральной колбасной оболочки	От 30 000	Грузчик в кондитерской экспедиции	От 15 000
Программист 1С	От 45 000	Торговый представитель	От 30 000	Кондитер-оформитель	От 26 000
Укладчик-упаковщик	От 30 000	Подсобный рабочий	От 34 000	Оператор печей	От 23 000
Медицинская сестра	От 25 000	Бухгалтер-операционист	До 30 000	Кладовщик-карщик	От 27 000

¹ Вакансии потенциальных осужденных к принудительным работам. URL: <https://kursk.hh.ru/> (дата обращения: 15.06.2021).

Практика показывает, что исправительные участки на базе предприятий способны оказывать положительное влияние на осужденного. В этой связи можно прийти к выводу о том, что создание платформы выгодно в том числе и для осужденных [1, с. 48]. Платформа ГАС ТОПР способна стать единой информационной средой, объединяющей интересы организации и осужденных.

Таблица 2

Расчет отчислений средств от заработной платы осужденного к принудительным работам, перечисляемых в доход государства на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы³

Вакансия	Средняя заработная плата, руб.	Удержание в доход государства средств, перечисляемых на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы из заработной платы осужденного, приговоренного к принудительным работам, за месяц, руб.	Удержание в доход государства средств, перечисляемых на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы из заработной платы осужденного, приговоренного к принудительным работам, за год, руб.
Водитель	27 400	3 425	41 100
Уборщик	16 690	2 086,25	25 035
Токарь	37 000	4 625	55 500
Разнорабочий	34 100	4 262,5	51 150
Электрик	29 300	3 662,5	43 950
Системный администратор	33 100	4 137,5	49 650
Наладчик	27 700	3 462,5	41 550
Технолог	33 550	4 193,75	50 325
Агроном	42 800	5 350	64 200
Бухгалтер	27 100	3 387,5	40 650
Экономист	31 650	3 956,25	47 475
Медсестра	24 600	3 075	36 900
Сборщик грибов	55 000	6 875	82 500

³ Расчет отчислений средств от заработной платы осужденного к принудительным работам в доход государства, перечисляемых на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы. URL: <http://kursk.hh.ru> (дата обращения: 15.11.2021).

Процесс создания интернет-платформы для обеспечения удобного взаимодействия предприятий и осужденных в процессе исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ мы видим на пути прохождения следующих основных стадий.

Первый этап работы — это процесс проектирования, в рамках которого происходит формулирование цели создания платформы, определяется перечень требований к ней.

Второй этап представлен процессом составления масштабного плана, в котором находит отражение информация о требуемом времени и затрачиваемых средствах.

Третий этап связан с разработкой структуры сайта, которая должна реализовывать информационные стратегии подачи материала и служить заинтересованным лицам средством облегчения поиска необходимых им сведений. В ходе данного этапа происходит создание карты платформы, в которой отражаются взаимосвязи страниц с их функциональными возможностями, разрабатываются макеты типовых страниц и графических обозначений. Для того чтобы специалист начал работать над дизайном, необходимо разработать бриф, т. е. письменную инструкцию, согласованную и с заказчиком, и с исполнителем, в котором отражаются основополагающие моменты и задачи будущей платформы. Данная стадия включает в себя создание веб-дизайна, а также начало html-верстки, выбор типа которой осуществляется в зависимости от проекта [4, с. 40].

К базовым задачам верстки принято относить:

- 1) корректное отображение страниц платформы на экранах с разным разрешением;
- 2) кроссбраузерность, т. е. такую программную способность отображения сайта, обладая которой он будет полноценно работать в различных популярных браузерах.

Четвертый этап представляет собой переход от верстки к программированию с последующей проверкой качества. При этом под программированием принято понимать практическую реализацию проекта, интегрирование отдельных направлений. Другими словами, программирование в нашем случае — это процесс, в ходе которого происходит построение инструментария, предназначенного для наполнения и обработки различных данных. Основополагающую роль на данном этапе играет грамотный подход к выбору как платформы, так и технологий [2, с. 41]. Для достижения практической эффективности многие современные интернет-проекты в качестве системного управления используют CMS-контент. Он предназначен для предоставления возможности публикаций материалов на платформе лицам, которые не обладают специальными знаниями в области html-документации. При его использовании возможна и значительная экономия временных ресурсов.

Пятый этап непосредственно связан с тестированием продукта. В ходе этого этапа осуществляется проверка корректности платформы, выявляются

графические, орфографические и иные ошибки, а также проверяется работа сайта в различных интернет-браузерах.

Шестой этап именуется сопровождением. Задача данного этапа заключается в сохранении устойчивости работы интернет-ресурса и обеспечении появления на нем актуальной информации. Также необходимо отметить, что в рамках сопровождения должна осуществляться защита информации, в том числе и посредством антивирусных программ. Помимо этого, проводится мониторинг эффективности сайта, т. е. анализируются его посещаемость и активность.

Заключительный, седьмой этап представлен SEO-оптимизацией, т. е. комплексом мероприятий, направленных на увеличение посещаемости платформы, что достигается высокими позициями сайта в поисковых запросах пользователей [3, с. 38]. В ходе SEO-оптимизации происходит учет внутренних и внешних факторов ранжирования, таких как: правильное формирование тегов, стилистика текста, визуальное расположение ключевых слов, индексы цитируемости, внешние ссылки, релевантность ссылок. Результаты проделанной работы SEO-роботов хранятся в специальной базе, а в последующем формируются в определенном порядке исходя из запросов пользователей.

Надо отметить, что отсутствие конкурентов оказывает положительное влияние на создание, развитие и оптимизацию нового продукта. К числу рисков, предполагаемых для предпринимателей, можно отнести:

- 1) недобросовестность осужденных при выполнении ими своих обязанностей;
- 2) возникающий в ряде случаев конфликт интересов;
- 3) недоверие работников предприятий к осужденным к принудительным работам лицам;
- 4) затраты предприятий на предоставление общежитий.

С другой же стороны, можно выделить и положительные возможности от внедрения предлагаемой платформы:

- 1) уникальность представленного продукта;
- 2) наличие веб-сервиса, доступного в любое время и из любого места;
- 3) снижение проблемы, связанной с дефицитом кадров;
- 4) практически нет необходимости в переквалификации кадров, поскольку осужденные в ходе анкетирования указывают свое образование, специализацию и квалификацию, что позволяет адресно отбирать работника;
- 5) минимизация простоев в производстве.

В дальнейшем предполагается два варианта развития рассматриваемой интернет-платформы:

- 1) продажа созданного интернет-ресурса ФСИН;
- 2) заключение с ФСИН договора гражданско-правового характера, позволяющего использовать созданный продукт.

Отметим, что для работы платформы необходимо участие аппарата суда: на суды будет ложиться дополнительная нагрузка в виде заполнения и размещения на созданной платформе данных об осужденных к принудительным

работам. Помимо этого, надо сказать о том, что сайт предполагает работу исходя из количества оплаченных подписок, что при расширении возможностей платформы за счет подключения к ней других регионов будет способствовать значительному увеличению прибыли.

Таким образом, подводя итог исследованию, отметим, что введение в работу системы наказаний интернет-платформы ГАС ТОПР способно увеличить процент назначения судами альтернативного лишению свободы вида наказания — принудительных работ и может расширить дальнейшее отбывание срока осужденными на базе частных организаций, если будет показана эффективность их деятельности. Единая информационная сеть, охватывающая систему исполнения наказаний, осужденных и организации, готовых предоставить работу отбывающим наказание, позволит решить проблему недостаточного количества исправительных центров для осужденных к принудительным работам, увеличит заработок осужденных, а как следствие, и отчисления государству, позволит хотя бы частично уменьшить нехватку рабочих мест, необходимых для полноценного функционирования производственной, строительной, сельскохозяйственной, жилищно-коммунальных сфер.

Литература

1. Бутаев М. Я. Особенности назначения наказаний, связанных с обязательной трудовой деятельностью осужденного // Образование и право. 2020. № 8. С. 48–52.
2. Мешканова М. А. Обработка изображений в процессе кроссбраузерного тестирования // Молодой ученый. 2021. № 20 (362). С. 41–43.
3. Никишин М. Б., Лошкарёв Я. В. Поведенческие факторы как важная составляющая процесса поисковой оптимизации сайта // Инновационная наука. 2020. № 12. С. 37–39.
4. Палаш Б. В. Анализ современных видов верстки сайтов // Наука без границ. 2019. № 6 (34). С. 37–40.

Literatura

1. Butaev M. Ya. Osobennosti naznacheniya nakazaniy, svyazanny`x s obyazatel`noy trudovoy deyatel`nost`yu osuzhdenного // Obrazovanie i pravo. 2020. № 8. S. 48–52.
2. Meshkanova M. A. Obrabotka izobrazhenij v processe krossbrauzernogo testirovaniya // Molodoy ucheny`j. 2021. № 20 (362). S. 41–43.
3. Nikishin M. B., Loshkarev Ya. V. Povedencheskie faktory` kak vazhnaya sostavlyayushhaya processa poiskovoj optimizacii sajta // Innovacionnaya nauka. 2020. № 12. S. 37–39.
4. Palash B. V. Analiz sovremenny`x vidov verstki sajtov // Nauka bez granicz. 2019. № 6 (34). S. 37–40.

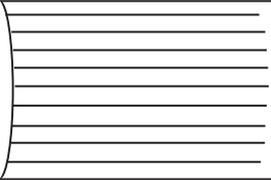
**M. D. Ryabenko,
D. N. Sadchikova**

Development of a Digital Platform for Organizing the Execution of Community Service

This article reveals the problem of employment of persons sentenced to community service in relation to the category of persons serving this type of sentence in the territory of organizations.

The author's solution to this problem is seen in the creation of a unique Internet resource «State automatical system for the employment of convicts in community service», through which the interaction between the Federal Penitentiary Service, convicts and potential employers will be established. The article analyzes the stages of creating such a platform, draws conclusions about the ways of further development of the Internet resource.

Keywords: community service; Federal Penitentiary Service; convicts; large and medium-sized enterprises; Internet platform; information platform.

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ».
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2021, № 4 (44)

Алексеева Наталья Ивановна — кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

E-mail: nativana79@mail.ru

Беляев Михаил Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения Российского университета кооперации.

E-mail: babek-han@mail.ru

Ботанцов Иоанн Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

E-mail: Botansoff@mail.ru

Васильев Илья Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: i.vasilev@spbu.ru

Гаунова Жанна Азретовна — младший научный сотрудник центра публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

E-mail: cpri@izak.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Жолобов Ярослав Борисович — директор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

E-mail: zholobov@szfrgup.ru

Корчагина Тамара Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления МГПУ.

E-mail: korchaginatv@mgpu.ru

Минникес Ирина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета.

E-mail: ivminnikes@mail.ru

Николаев Андрей Игоревич — старший преподаватель Школы права Института права и управления МГПУ.

E-mail: NikolaevAI@mgpu.ru

Павленко Евгения Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Школы права Института права и управления МГПУ.

E-mail: PavlenkoEM@mgpu.ru

Попова Анна Владиславовна — доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры конституционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: anna0710@yandex.ru

Рябенко Марина Дмитриевна — специалист по работе с молодежью, магистр юридического факультета Юго-Западного государственного университета.

E-mail: marina_ryabenko@list.ru

Садчикова Дина Николаевна — преподаватель кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета.

E-mail: dina.0206@mail.ru

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Школы права Института права и управления МГПУ.

E-mail: AngelS7@yandex.ru

A U T H O R S
of «MCU Journal of Legal Sciences»,
2021, № 4 (44)

Alekseeva Natalya Ivanovna — Assistant Professor, General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: nativana79@mail.ru

Belyaev Mikhail Petrovich — Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Department of Law, Russian University of Cooperation.

E-mail: babek-han@mail.ru

Botantsov Ioann Vladimirovich — Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: Botansoff@mail.ru).

Churilov Sergey Nikiforovich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Criminal Law Disciplines Department, School of Law, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: AngelS7@yandex.ru

Gaunova Zhanna Azretovna — Junior Research Associate, Center of Public Law Research, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: cppi@izak.ru

Dorskaya Alexandra Andreevna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Korchagina Tamara Vladimirovna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of State and Legal Disciplines Department, School of Law, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: korchaginatv@mgpu.ru

Minnikes Irina Viktorovna — Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Research associate, Institute of Legal Research, Baikal State University.

E-mail: ivminnikes@mail.ru

Nikolaev Andrey Igorevich — Senior Lecturer, School of Law, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: NikolaevAI@mgpu.ru

Pavlenko Evgeniya Mikhailovna — Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Department of International Law and Human Rights, School of Law, Institute of Law and Management, Moscow City University.

E-mail: PavlenkoEM@mgpu.ru

Popova Anna Vladislavovna — Doctor of Legal sciences, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of International and Public Law Department, Law Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of Constitutional Law Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: anna0710@yandex.ru

Ryabenko Marina Dmitrievna — specialist in work with youth, master of law, Southwest State University.

E-mail: marina_ryabenko@list.ru

Sadchikova Dina Nikolaevna — Lecturer, Criminal Law Department, Southwest State University.

E-mail: dina.0206@mail.ru

Vasiliev Ilya Aleksandrovich — PhD in Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University.

E-mail: i.vasilev@spbu.ru

Zholobov Yaroslav Borisovich — Director of the North-West Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: zholobov@szfrgup.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ, ПОРЯДОК ПОДАЧИ И РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, 14 кегль; межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленном в алфавитном порядке на русском и английском языках, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая запись».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники размещаются в тексте в круглых скобках или подстрочной сноске по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстрочных сносок и примечаний в статье должно быть единообразным, нумерация сквозная.

9. В конце статьи (после списка литературы) указываются сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: instituty@bk.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по просьбе главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в журнале «Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте журнала Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

И. О. Фамилия

Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану

Целью проведенного исследования стало выявление общих закономерностей построения оптимальной модели взаимодействия человека и государства. В процессе исследования использованы методологические подходы постклассической юриспруденции: антропоцентризм и конструктивизм. Государство рассматривается как определенный социальный конструкт, постоянно воспроизводимый действиями людей в соответствии с имеющимися у них ментальными установками и представлениями. По результатам исследования автор высказывает суждение о необходимости выстраивания гармоничной модели взаимоотношений публичной власти и человека, основанной на понимании роли каждого субъекта в повседневном конструировании государства и его институтов. Такая модель характеризуется наличием эффективных механизмов активной реализации прав и свобод личности. Значимость исследования состоит в выработке базовых подходов к пониманию антропологии государства в контексте выявления ключевой роли субъекта в воспроизводстве государственных институтов как определенного социального конструкта.

Ключевые слова: государство; Левиафан; публичная власть; социальный конструкт; общество; антропология; антропоцентризм.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на официальном сайте журнала: <https://lawbulletin.mgpu.ru>

По вопросам публикации статей в серии «Юридические науки» журнала «Вестник МГПУ» предлагаем обращаться к главному редактору серии Пашенцеву Дмитрию Алексеевичу (e-mail: instituty@bk.ru).

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2021, № 4 (44)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденева

Редактор:

С. П. Пузырьков

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: niic@mpgu.ru

Подписано в печать: 07.12.2021 г.

Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.

Объем: 8 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.